

**ЖЕНЩИНЫ И ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
ЗА МИР БЕЗ ВОЙН
И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

Том 2

Москва – Старый Оскол
2015

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО–МАКЛЯЯ РАН

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский технологический университет «МИСС»
Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал)
федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего профессионального образования «Национальный
исследовательский технологический университет «МИСиС»

**ЖЕНЩИНЫ
И ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА МИР
БЕЗ ВОЙН И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
(К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне)**

Материалы Восьмой международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории
и Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Макляя РАН

8–11 октября 2015 года, Старый Оскол

Том 2

Москва – Старый Оскол
2015

РАИЖИ

ИЭА РАН

СТИ НИТУ «МИСиС»

С благодарностью за поддержку и солидарность Американской ассоциации женщин-славистов (American Association of Women in Slavic Studies)

Редколлегия: Н.Л. Пушкарева (отв. ред.), З.З. Мухина (отв. ред.),
О.Л. Милова, С.В. Канькин

Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): [Текст]: материалы Восьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 8 – 11 октября 2015 года, г. Старый Оскол. – М. – Старый Оскол: ИЭА РАН, СТИ НИТУ «МИСиС», 2015. Т. 2. – 247 с.

ISBN 978-5-4211-0132-1

Издание включает в себя материалы VIII-ой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории. Местом её проведения в 2015 году избран Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова – филиал ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС».

Очередная конференция РАИЖИ посвящена исследованию разных аспектов женской истории, но прежде всего – истории участия женщин в военных конфликтах, анализу особенностей женской миротворческой деятельности, сопоставлению социальных ролей и статусов женщин и мужчин в годы войн и военных конфликтов в прошлом и настоящем; выявлению гендерных аспектов идеологической работы и пропаганды; своеобразию женского патриотизма. В части текстов исследована женская повседневность на фронте и в тылу, женские образы в художественных произведениях, письмах и периодической печати военного времени. В связи с особым вниманием к темам устной истории, значительная часть текстов посвящена теме войны в женской и детской памяти.

УДК 60+63

ББК 396

П 49

© Коллектив авторов, 2015
© ИЭА РАН, 2015
© СТИ НИТУ «МИСиС», 2015

Женщины на фронте и в тылу.

Война в женской и детской памяти.

Женский образ в литературе и искусстве

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 2. ЖЕНЩИНЫ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

Веремenco В.А. Материнство в годы войн и революций (личная история Ф.А. Шарашановой)	9
Дашкевич Л.А. Женщина и война: о стратегиях выживания семей в годы военной катастрофы 1918-1920 гг.	13
Жеребчиков Д.П. Военный фактор в повседневности тамбовских городов: влияние на общественный порядок и нравственность (вторая половина XIX – начало XX века)	17
Жидченко А.В. Пространство повседневности женщин в городах тыла в военные годы (по материалам музейных экспозиций)	22
Ильчук Д.И. Благотворительная деятельность Марии Клавдиевны Тенишевой в годы Первой мировой войны	26
Кирюшина Т.А. «Как мы жили на войне...»: фронтовой быт женщин-участниц Великой Отечественной войны	31
Козлова Т.З. Социальное сиротство в России: гендерный аспект	35
Мартианова И.Ю. Сберегая жизнь: жизненная женская практика в годы Великой Отечественной войны	39
Мицюк Н.А. Забота о материнстве и младенчестве в России в условиях Первой мировой войны	43
Мищенко Т.А. С фронта – в институт. Как начиналась мирная жизнь первых послевоенных студентов НГПИ	48
Мухина З.З. Солдатки в традиционном русском крестьянском социуме пореформенного времени: гендерный аспект	53

Новинская Т.Ю. Восприятие войны и связанных с ней ситуаций женщинами в тылу	56
Паршина В.Н. «А неравенство я на своей шкуре испытала...»: межличностные аспекты военной повседневности	60
Рыблова М.А. Женщины-матери военного Сталинграда: практики спасения и сохранения детей	65
Синова И.В. Женщины в блокадном Ленинграде: практики повседневной жизни	70
Спицына Н.Х. Динамика репродуктивных процессов в сельских популяциях Приазовья послевоенного периода	74
Холявин А.О. Забота о ветеранах: гендерный аспект	77
Эндерляйн Э. Женщина на военной службе: путь личного развития или жизненная коллизия?	80
Раздел 3. ВОЙНА В ЖЕНСКОЙ И ДЕТСКОЙ ПАМЯТИ	
Аргудяева Ю.В. Великая Отечественная война глазами детства	86
Дрынкина Т.И. Женская память о войне: особенности трансляции ее ценностно-смысловых характеристик от одного поколения к другому	90
Лебедева Л.В. Р.П. Лебедева: память о войне	98
Птицына Н.А., Ивашевская В.С. Военное лихолетье в судьбах и памяти женщин	103
Шитова Н.И. Женская память о Великой Отечественной войне в воспоминаниях и фольклоре (по материалам русских Горного Алтая)	111

Явнова Л.А. «Война в моей жизни» (отражение Великой Отечественной войны в судьбах женщин и детей) 115

Раздел 4. ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Андрусенко Е.А. Образ женщины в памятниках Великой Отечественной войны (на примере Белгородской области) 119

Анпилова Л.Н. Тема исторической памяти в творчестве В.А. Бочаровой 124

Борисова А.В. Женский нарратив об Отечественной войне 1812 год 128

Боряк Е.А. «... Вот и пишу всякую ерунду...»: «мелочи» армейской жизни в письмах зенитчицы (1943–1945 гг.) 133

Броше А. «Амнезия» (артпроект-участник выставки «Забывтая война») 138

Годовова Е.В. «За все счастье, за то, что жить хочется, благодарю тебя»: письма донского казачьего офицера как источник по истории военной повседневности 139

Джиганте Д. Другой фронт войны: роль женщины в борьбе за выживание своей семьи. Особенности женского нарратива 144

Дмитриева Т.М., Турутина Е.С. Образы женщин в дискурсе фильмов о войне 147

Зезегова О.И. Женщины и дети в письмах фронтовиков 157

Казарова Н.А. Революционная повседневность начала XX века в женских текстах 162

Каменецкая Н.Ю. Женщина и Война. Артпроект 167

Крадецкая С.В. Мужская цивилизация – мужская война. Первая Мировая война в дискурсе журнала «Женский Вестник»	169
Лайдинен Н.В. Между идеологией и человечностью: журнал «Работница» в годы Великой Отечественной войны	174
Лю Инь. Тема войны в творчестве Е.А. Нагородской (на примере романа «Злые духи»)	180
Морозова О.М. «Надо создать тип женщины русской революции...»	184
Нестерова В.Л. Женская периодическая печать в отечественной историографии	189
Нефедова Л.А., Денисова И.В. Аналогово-когнитивные процессы в женской литературе	193
Орехова Н.Н. О некоторых языковых особенностях женской прозы	197
Петров К.А. Проблемы мирной жизни и конфликта в женской африканской литературе XX в.	201
Петроне К. "Война против войны: отношение советских женщин-писательниц к Первой мировой войне"	205
Попова О.Д. «Полезные советы» на страницах «Работницы» и «Крестьянки» в 30-40-е годы XX века	206
Рева Л.Г. Образ Роксоланы в литературе	210
Рубежанская А.А. Особенности описания женского и мужского вклада в тыловую работу в периодической печати и источниках личного характера, посвященных строительству железной дороги Старый Оскол – Ржава	214

Симонова О.А. Женщина в Гражданской войне: трактовка образа в художественной и мемуарной прозе	221
Текуева М.А., Битокова Т.В. «Женская история» Кавказской войны: песни о чести и скорби	225
Тернопол Т.В. Образ Кэтрин Баркли в романе Э. Хемингуэя "Прощай, оружие"	230
Трофимова Е.И. Возвращение с войны (об одном рассказе Федора Кнорре)	234
Хисамутдинов А.А. Русские женские издания в Китае	235
Хисамутдинова Р.Р. Отражение военной повседневности и женской психологии в фронтовой поэзии Юлии Друниной	238
Шестова Т.Ю. Женские образы военного периода в сатирической периодике (по материалам журнала «Крокодил»)	242

Раздел 2. ЖЕНЩИНЫ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

В.А. Веремко

г. Санкт-Петербург,

Ленинградский государственный университет

им. А.С. Пушкина

Материнство в годы войн и революций (личная история Ф.А. Шаршановой)

В 1909 г. выходец из крестьян, смоленский железнодорожник, артельный староста Александр Прокопович Шаршанов женился на Федосье Андреевне Карпенковой, дочери путевого сторожа, зарабатывавшей себе на приданое в прислугах. Александр закончил приходскую школу и ремесленные курсы, занимался самообразованием, писал стихи и печатал заметки в газете «Гудок». Федосья была искусной хозяйкой, но ей так и не пришлось выучиться грамоте – муж пытался учить ее до рождения первого ребенка, но «на складах» так и остановились¹.

Всего у Александра и Федосьи было девять детей. Двое (Анна и Владимир) умерли в детстве, вырастили же двух дочерей (Екатерину и Александру) и пятерых сыновей. Старший из сыновей – Павел – родился в 1912 г., далее шли: Василий (1915 г.), Иван (1917 г.), Михаил (1920 г.) и Петр (1923 г.). Много сил пришлось приложить родителям в голодные революционные и военные годы, чтобы сохранить жизнь и здоровье детей. Отец работал, восстанавливая поврежденные железнодорожные пути, а мать вечно изыскивала способы для поиска пропитания: от варки супов из травы до продажи своего, когда-то многочисленного

¹ На материалах личного архива С.П. Кизимовой. Часть его опубликована: Кизимова Е.А., Кизимова С.П. Шаршаны. Брянск, 2003.

приданого (юбок, кофт, шалей и пр.) и даже прошения подаяния².

Совсем тяжело Федосье стало в 1925 г., когда Александр ушел из семьи к молодой женщине, оставив жену с восьмью детьми в возрасте от 15 лет до 1 года. Конечно, многочисленные родственники стремились помочь, но главная ответственность за судьбу семьи лежала теперь на этой малограмотной, но обладающей железным характером и силой воли женщине. Старшие (с 6 лет) дети совмещали работу с учебой, с апреля по октябрь нанимаясь в «люди» на заработки³, а в оставшееся время тщательно занимались – каждый из них хотел получить образование, каким бы нереальным это ни казалось для членов многодетной семьи из глухой смоленской деревни.

В начале 1930-х гг. благодаря напряженным усилиям всех членов семьи удалось перебраться в районный центр – Ярцево, где дети смогли учиться в семилетке. Но останавливаться на этом не собирались, заканчивая обучение, поступали на рабочие факультеты техникумов и училищ, работали на

² Впрочем, традиция «ходить в кусочки» – побираться, даже среди хорошо знакомых соседей, была широко распространена в голодные годы и в царской России. Правда, как правило, этим занимались дети и старики, а не взрослые женщины. См.: *Мухина З.З.* Трансформации статуса женщины в русской крестьянской семье середины XIX – начала XX в. Диссертация ... док. ист. наук. М., 2014. С. 81.

³ Привлекать детей к работе с 6-ти лет было в традиции российской деревни. Этот возраст считался вполне подходящим для начала самостоятельного заработка. Сама Федосья начала трудовую деятельность с работы нянькой также с 6-ти лет, ее сыновья были отданы в пастухи. О трудовой деятельности крестьянских детей см.: *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 330; *Семенова-Тян-Шанская О.* Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М., 2010. С. 56.

стройках, разъезжаясь в разные стороны огромной страны – от Минска до Комсомольска-на-Амуре. Федосья Андреевна с младшими детьми оставалась в Ярцево, в доме старшего сына Павла.

На начало Великой Отечественной войны из пятерых братьев Шаршановых, двое (Василий и Иван) уже служили в армии младшими командирами. Павел только что демобилизовался в звании лейтенанта и работал заведующим Ярцевским городским бюро технической инвентаризации. Михаил с 1939 г. объездил всю страну, работая на комсомольских стройках и в геологоразведке. Лето 1941 г. он встретил в Якутии, где его экспедиция искала золото. Петр – самый младший, закончив семилетку и начав работать на фабрике, весной 1941 г. подал документы в летное училище, 26 мая пришел положительный ответ. По этому случаю ребята во дворе устроили праздник, результатом которого стало разбитое стекло. Дело это по каким-то причинам оказалось «политическим», а сам юноша – в тюрьме.

Служил в Красной Армии младшим командиром и зять – Павел Кизимов, вместе с ним летом 1941 г. под Минском находилась старшая дочь Федосьи Екатерина и ее дети. Только чудом сумела Екатерина Кизимова добраться с тремя девочками, младшей из которых было полтора года, с пограничной полосы под Смоленск к матери, откуда они уже вместе начали движение вглубь страны.

Сыновья Федосьи Андреевны служили младшими офицерами. На фронте именно эта группа давала наиболее высокий процент потерь. Расчеты показывают, что лейтенант или командир взвода переживал в среднем 1,5 атаки, танкист – 1,5 сражения, летчик – 1,5 боевых вылета. За годы войны погибло около 1 млн младших офицеров, или 35% от участвовавших в войне⁴. Не стали исключением в этом

⁴ Советская военная энциклопедия: в 8 томах. Т. 2. М., 1976. С. 350.

скорбном списке и братья Шаршановы. Летом 1942 г. под Севастополем пропал без вести политрук Павел Шаршанов, погибли в конце того же года под Сталинградом лейтенанты Василий и Петр Шаршановы. Сложил голову за освобождение Польши в январе 1945 г. командир самоходной артиллерийской установки Михаил Шаршанов. С войны домой вернулся только Иван. Но и он умер в сентябре 1949 г. от ран, полученных в боях под Ленинградом.

Пока сыновья воевали, Федосья жила с дочерью и ее детьми (двумя внуками и племянницей) в эвакуации в Мокшанах Пензенской области. Екатерина первоначально работала в приютившем их колхозе, затем возглавила районный дом культуры. Все домашнее хозяйство (огород, «отоваривание» карточек, уход за детьми и т.д.) лежало на матери фронтовиков. В 1944 г., надеясь быть поближе к родным, семья переехала в освобожденный г. Бежица, где жили родственники мужа Катерины – Павла Кизимова. Условия жизни здесь оказались еще тяжелее – разрушенные дома, заводы, неразорвавшиеся мины, разгул преступности, постоянный голод и болезни. Сил выносить все это совершенно не было, но ждали почтальона, и с ним известий от родных.

А приносил он похоронки... Первым пришло трагическое известие о Василии, от матери его утаить не удалось. Наученная горьким опытом, Катерина попросила на почте не носить похоронки домой, а приглашать ее саму. Так удалось скрыть от Федосьи Андреевны гибель Петра, но ненадолго – та случайно узнала от знакомых, что оказалось еще хуже. Извещение же на Михаила пришло уже в Бежицу, где получателем его оказалась сама мать (хоть и неграмотная, но почерк детей знала и сразу поняла, что пишет кто-то чужой).

Помощи от государства за погибших детей Федосье Андреевне не полагалось: у Василия была дочь и пенсию начислили его жене, Павел пропал без вести – на него ничего давали, с Петром же вообще было все неясно – то ли

документы собрали не все, то ли из-за нескольких месяцев тюрьмы – на просьбу о пенсии матери пришел отказ. И только после гибели Михаила, представив в качестве доказательства его орден, мать пятерых героев войны получила пенсию по потере кормильца (именно так, в единственном числе).

Было у матери пять сыновей. Пять молодых людей, вступивших в войну младшими офицерами. Неграмотная женщина смогла вырастить их, несмотря на трудности 1920-х–1930-х гг., провести детей через испытания революции и гражданской войны, дать им образование. Как миллионы сильных духом советских женщин Федосья Андреевна Шаршанова возложила на алтарь Победы самое дорогое...

Л.А. Дашкевич

г. Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН

**Женщина и война: о стратегиях выживания семей в годы
военной катастрофы 1918-1920 гг.**

Важную роль в изучении стратегий поведения женщин в условиях военизации жизненных миров играют источники личного происхождения. К сожалению, найти подобные документы очень трудно, так как значительная часть их была утрачена в годы революционных событий. Большую ценность в этом плане представляет личный фонд екатеринбургского нотариуса и краеведа Алексея Никифоровича Батманова (1861-1954 гг.), сохранивший частную переписку между членами его многочисленного семейства за достаточно длительное время, в том числе и 1918-1920 гг.

До революции почти все члены семьи Батмановых («Батманий», как называли их друзья) занимались общественной и просветительской работой. Алексей Никифорович был членом Уральского общества любителей естествознания, Общества любителей изящных искусств, инициировал создание городской публичной библиотеки и ее филиала на заводских окраинах. Его супруга Александра

Владимировна участвовала в создании Общества попечения о начальном образовании Екатеринбургского уезда.

Новую большевистскую власть семья уральских интеллигентов встретила неоднозначно. Об этом позволяет судить риторика писем Батмановых за 1918-1920-е гг. В письме от 4 февраля 1918 г. А.В. Батманова, поздравляя своего сына Никифора с днем рождения, пожелала, чтобы этот день «не был омрачен каким-нибудь печальным фактом», и тут же она привела пример печальных событий в Екатеринбурге: «У нас теперь красногвардейцы нападают на учеников. Вчера вечером ворвалась на каток кучка красногвардейцев и начала приставлять револьверы к вискам детям и троих арестовала. А 30 января они схватили у дома ученика духовного училища за то, что он отказался им помочь вытащить автомобиль (мальчик был маленький). Увели в свой застенок, что находится в подвалах I вокзала. Мучили там его, а затем убили и выбросили на площадь между Верх-Исетском и вокзалом. Тело было истерзано. А вчера опять явились на каток. Не успеешь оправиться от одного ужаса, как является другой. Не должно так долго длиться, а все еще хамы царствуют и трудно представить, чтобы какой-нибудь был конец»⁵.

Сменившая большевиков власть, однако, облегчения жителям города не принесла. Вот как характеризует А.В. Батманова отступавшую из Екатеринбурга армию Колчака в письме от 12 июля 1919 г.: «Вечером в воскресенье зажгли казаки товарную станцию и не велели тушить, а белые увезли всех лошадей. Аненцы хотели город зажечь, да не успели, с 1 на 2, т.е. с понедельника на вторник в ночь пришли красные, в это время горели вагоны с мукой, зажженные казаками, и это наши защитники! Так было противно!»⁶.

⁵ Государственный архив Свердловской области. Ф. 95. Оп. 1. Д. 119. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 119.

Политические оценки, впрочем, в письмах А.В. Батмановой весьма редки. Значительную часть переписки занимают хозяйственные вопросы. Главной заботой Александры Владимировны в годы Гражданской войны было выживание ее семьи. После того, как власть в Екатеринбурге перешла к большевикам, она настояла, чтобы дети уехали из города в поселок Большие Брусяны, там находилась дача Ильи Алексеевича и Надежды Владимировны Камбаровых, близких родственников Батмановых (Надежда была родной сестрой Александры Владимировны). Туда же отправился после болезни в мае 1918 г. и Алексей Никифорович. Изредка члены семьи приезжали домой, но в основном за домом следила хозяйка. «Мы пока живем спокойно, – писала она мужу после прихода красных. – Но относительно приезда сюда, я думаю, надо подождать. Здесь тебе делать будет нечего, а там, пока тепло, броди по лесам и набирайся сил, а там, к зиме, думаю, все выяснится. Я буду говорить, что воспользовался перерывом работ и уехал отдохнуть»⁷.

Отправив семью за город, А.В. Батманова пыталась спасти ее от сложностей военного времени. Чтобы прокормиться, завела во дворе дома кур, приобрела корову. В письмах мужу часто жаловалась, что трудно заготовить для скотины корм. Летом 1919 г. она писала: «Теперь меня беспокоит корова, сена трудно достать, которое везут в город, то оно отбирается для военных нужд, ну а нам, обывателям, ничего не достается»⁸. Позднее с гордостью сообщала, что «сено купила за 850 рублей – вот неслыханная цена, но корову приходится держать»⁹.

По мужу Александра Владимировна, конечно, скучала, но из дому уезжать отказывалась. «Живем мы, вертимся, крутимся и дна не видишь, – писала она мужу летом 1919 г. – Ты пишешь, отдохнуть приехать – нельзя. Курицы будут

⁷ Там же. Л. 121 об.

⁸ Там же. Л. 118.

⁹ Там же. Д. 117. Л. 121 об.

нести в разных местах – направляй их тогда. Да я все время стою на страже хозяйственных интересов. Уедешь – многое упустишь»¹⁰. В одной из комнат своей квартиры Александра Владимировна поселила офицера Красной Армии. «Пустила, побоялась, как бы к нам не вселили какого-нибудь красноармейца», – писала она мужу¹¹. В доме в это время жили дети Батмановых – Борис, Ольга, Игорь. Борис и Ольга работали в библиотеке, Игорь служил разъездным в политотделе III-й армии, ездил за литературой в Петербург и Москву. Гражданские власти в сентябре 1919 г. попытались уплотнить квартиру, а военные и вовсе приказали освободить ее в три дня. «Тут-то помог наш квартирант, – писала мужу А.В. Батманова, – и отвел от нас грозу. И живем так, ожидая, что грядущий день нам сулит. Нельзя быть уверенным ни за что»¹².

Несмотря ни на какие сложности, Александра Владимировна заботилась о заготовке продуктов на зиму. «Запасла луку, огурцов, 40 пуд картошки, – писала она, – а теперь надо подумать о капусте. А как подумаю, что запасают, запасают, а как придется уезжать с квартиры, куда все это дену. А все же запасают. Ну, думаю, никто, как Бог!»¹³. Житейскую философию выживания Александра Владимировна выразила следующими словами: «А без запасов страшно жить, как птицы небесные»¹⁴.

Энергия и хозяйственная сметка А.В. Батмановой помогли семье в страшные годы Гражданской войны. Своему мужу она писала летом 1919 г.: «Дорогой мой, пользуйся пока хорошей погодой и дыши кислородом, а то здесь негде будет гулять и нечем дышать. Не беспокойся, у меня есть керенки, у меня

¹⁰ Там же. Л. 109.

¹¹ Там же. Л. 111.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 114.

была 1000 рублей керенка, да еще есть по 250 тоже тысяча. За молоко я получаю тоже керенками и пока жива. И то Боря на днях смеялся, что я не пропаду и обернусь, а сибирки пока что приберегу»¹⁵.

Краткое изложение писем семьи Батмановых позволяет пополнить наше представление о стратегиях выживания и моделях поведения населения в страшных условиях Гражданской войны. Почти все члены семьи в эти годы уцелели. Погиб лишь один из сыновей Батмановых – Никифор, мобилизованный в Белую армию. Недолго прожила и мать семейства Александра Владимировна, в 1922 г. она умерла от болезни. Глава семьи Алексей Никифорович прожил долгую жизнь. Он ушел из жизни в 1954 г., прожив 93 года.

Д.П. Жеребчиков

*г. Тамбов, ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный
технический университет»*

**Военный фактор в повседневности Тамбовских городов:
влияние на общественный порядок и нравственность
(вторая половина XIX - начало XX века)¹⁶**

На городскую повседневность исследуемого периода большое влияние оказывал военный фактор. В 1871 г. в городах региона солдат и офицеров регулярных войск было только 3 888 человек, армейский контингент составлял не более 2,6% городского населения¹⁷. Несмотря на это, действующие военные как представители особой довольно

¹⁵ Там же. Л. 113.

¹⁶ Проект РГНФ № 15–01–00117 «Крестьянство в условиях модернизации и разрушения традиционных ценностей: социальные девиации конца XIX – начала XX века (региональный аспект)»

¹⁷ Подсчитано по: Памятная книжка Тамбовской губернии на 1873 год. Тамбов, 1873. Ведомость I. О числе жителей Тамбовской губернии по сословиям на 1871 г. С. 9.

закрытой и специфической социальной группы в городском населении оказывали значительное влияние на повседневную бытовую обстановку в городах.

Нахождение в городах регулярных войск создавало очень большую напряженность в жизни городского общества. Проблема эта была довольно серьезна в жизни губернского города. В Тамбове расквартировывался Рязанский пехотный полк. Солдаты и офицеры этого полка доставляли сильные неприятности жителям и местной власти. Часто происходили конфликтные ситуации между гражданским населением и военными, а иногда криминальные коллизии случались между самими солдатами. В Тамбове в 1870 г. ночью к находившемуся за городским валом к дому отставного рядового Семена Тихонова подошли неизвестные люди. Хозяин спросил у них, кто они и зачем пришли, и получил ответ, что они пришли сжечь его дом. Тихонов разбудил своих работников и вышел с ними на улицу. В результате он получил рану штыком в живот, и его работники тоже получили ранения. Неизвестные скрылись в направлении лагеря Рязанского пехотного полка. На месте преступления был оставлен штык за № 77, принадлежавший Рязанскому полку¹⁸. В Тамбове в 1874 г. трое рядовых нестроевой роты Рязанского полка встретили вечером на Дворянской улице временно отпускнуго рядового Канаева. Они нанесли Канаеву сильные побои, сняли с него суконную поддевку и вынули из кармана 3 рубля¹⁹.

Поведение низшего командного офицерского состава оказывало на городские нравы влияние подчас более негативное, чем поведение простых солдат. Виной тому был особый менталитет офицерских чинов. Тамбовские власти в 1875 г. даже решили довести до сведения Министра

¹⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 32. Д. 1817. Л. 145об.-146об.

¹⁹ Там же. Оп. 35. Д. 1310. Л. 75об.

внутренних дел о двух происшествиях, совершенных военными, «так как подобные случаи буйства господ офицеров Рязанского полка повторяются уже не в первый раз»²⁰. 16 марта того года из ресторана мещанина Тарасова вышли две женщины – мещанка Ирина Чернышева и крестьянка из Стрелецких выселок Ольга Самородова. Рядом находились казармы Рязанского пехотного полка. К женщинам подошел подпоручик Емельянов, «стал шутить с ними, давал одной из них, Чернышевой, папироску, и приглашал с собой ехать»²¹. Впрочем, несмотря на шутки, на это предложение она не согласилась. Емельянов приказал солдатам взять женщин и привести их к нему в отдельную комнату. Емельянов опять стал «шутить, смеяться и предлагать папиросу»²². На предложение уехать с ним Чернышева опять отказала. Тогда обиженный Емельянов велел задержать женщин и препроводить их в Военное управление. Солдаты дошли до этого здания на Дворянской улице и вернулись назад. Выполнить это бессмысленный приказ они не могли, т.к. время было позднее и, естественно, в управлении никого не было. Женщины попросили отправить их в полицию, на это Емельянов ответил солдатам: «Ведите куда хотите»²³. Солдаты отвели женщин в полицию. Чернышева и Самородова впоследствии заявили, что офицер был сильно пьян в ту ночь.

Поведение Емельянова отражает безграничное самоуправство по отношению к гражданскому населению. Мелкий офицерского чин относился к горожанам как к людям, стоящим гораздо ниже его, которыми он волен распоряжаться как простыми солдатами, ввиду своей офицерской должности. К тому же женщин он и вовсе считал практически своей

²⁰ Там же. Оп. 36. Д. 371. Л. 33

²¹ Там же. Л. 34.

²² Там же. Л. 34об.

²³ Там же.

собственностью. Его поведение по отношению к женщинам напоминало поведение в захваченном городе во время войны.

Но на этом события той ночи не закончились. Когда солдаты водили женщин к Военному управлению, пьяный подпоручик вместе с юнкером Бородиным подошли к полицейской будке близ Уткинской церкви и позвали полицейского. Вышел полицейский Клоков и спросил, что им угодно. Тут же он получил две пощечины от офицеров. Бородин спросил у него, где Военное управление. Клоков резонно ответил: «Вы живете здесь и не знаете, где управление?».²⁴ Он стал звать на помощь, а затем сел на извозчика и хотел уехать. Но Емельянов опять прибегнул к помощи своих подчиненных. Солдаты стащили Клокова с дрожek и удерживали. Затем подпоручик объявил ему о том, что он арестован, несмотря на то, что полицейский говорил ему, что если тот считает его в чем-то виновным, то пусть жалуется, а арестовывать не имеет права. Емельянов повел Клокова под конвоем солдат с примкнутыми штыками в Городское полицейское управление. И там, как и в Военном Управлении, по причине позднего времени никого не было. Затем Емельянов приказал освободить полицейского.

Очевидно, что подпоручик совершал абсолютно противозаконные поступки. Не смотря на то, что он был пьян, он осознавал свои действия. Для него эти поступки были вовсе не незаконными. Они отражали для него реальное положение вещей, свое превосходство. Армейские офицеры в губернском городе чувствовали себя реальной властью. Менталитет большинства представителей офицерства не признавал никакой правовой культуры и уважения к закону. Нравы низшего командного состава лишь в малой степени были затронуты модернизационными изменениями. В данном деле

²⁴ Там же. Л. 35.

играло роль также извечное презрительное отношение кадровых военных к представителям полиции.

В следующем происшествии, о котором сообщалось министру МВД, агрессии со стороны офицера также подвергся служитель правопорядка. 22 сентября унтер-офицер полиции Блохин, находясь в ночном обходе с нижними чинами Рязанского полка, услышал шумный разговор на Тезиковой улице, где увидел офицера Рязанского полка Одинцова вместе с мужчиной и женщиной, и направился к ним. Офицер выругался и на слова Блохина, что он обходный, сказал: «А, обходный...»²⁵, схватил за ворот и ударил его. Блохин крикнул ему: «Ваше благородие, за что бьете?», за что получил еще раз по лицу со словами: «А, ты еще и разговариваешь!»²⁶. После этого офицер выхватил шпагу и начал рубить ею по лицу полицейского. Обходные рядовые, боясь офицера, не стали вмешиваться, и не пришли на помощь к Блохину. При последующем осмотре лица у Блохина оказалось «на левой щеке от уха в палец длины срублена кожа»²⁷.

Действия пьяного офицера в данном случае объясняются все тем же ощущением безграничной власти. Интересно поведение нижних чинов и самого полицейского, не оказавших законного сопротивления пьяному офицеру. Право вышестоящего, право сильного совершать любой поступок, даже явно незаконный, было характерной особенностью отношений в традиционном обществе.

Немногочисленные плюсы, связанные с расположением в городах губернии регулярных войск, будь то разнообразные экономические выгоды или привлечение военных к охране порядка, явно не перевешивали минусы от нахождения в городах армейского контингента. На наш взгляд, военный фактор в этом плане играл в провинциальных городах

²⁵ Там же. Л. 36об.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

негативную роль. Морально-нравственная обстановка в пореформенных городах губернии сильно страдала от факта присутствия военных среди городских жителей.

А.В. Жидченко

*г. Омск, Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

Пространство повседневности женщин в городах тыла в военные годы (по материалам музейных экспозиций)

70-летие Победы в Великой Отечественной войне является той ключевой датой, которая наглядно показывает процессы эволюции культурно-исторической памяти. Возрастающий в последние годы интерес представителей всех поколений к истории войны показывает повышение значимости героических страниц в истории нашей страны.

Как в дни праздничных событий, юбилейных дат, так и в постоянном процессе закрепления памяти о Великой отечественной войне в массовом сознании большую роль играют музеи. На современном этапе увеличивается и воспитательно-пропагандистская роль музеев в формировании подрастающего поколения. Музеи выступают в качестве визуальных трансляторов прошлого определенной страны, региона или города, дополняя своими экспонатами знания об истории²⁸. В связи с особым характером и атрибутивностью музейных экспозиций их роль в формировании образа

²⁸ *Томилов Н.А.* О каталогизации и издании серии каталогов этнографических фондов сибирских музеев // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1999. № 7. С. 72–77.

исторического прошлого в массовом сознании достаточно высока²⁹.

В предлагаемой работе будет предложен анализ одной из тем, которая является относительно мало разработанной, но достаточно актуальной для реконструкции целостной картины страниц истории нашей страны в годы войны. Эта тема связана с обращением к женской повседневности в пространстве города в военном тылу в 1941-1945 гг. Для исследования главными источниками стали материалы музейных экспозиций, которые с помощью вещественных предметов и визуального ряда отражают этот ракурс повседневности военного времени.

Автором были исследованы экспозиции многих музеев Сибири (Омск, Новосибирск, Новокузнецк, Барнаул, Кемерово), Урала (Челябинск, Кунгур) и Европейской части РФ (Саратов, Ульяновск, города Подмосковья).

В первую очередь стоит отметить два основных направления в формировании пространства женской повседневности в городах тыла – во-первых это труд: на предприятиях, в мастерских, в госпиталях, учреждениях; во-вторых, это поддержка дома, оставшегося без главы семьи, ушедшего на фронт.

Фотографии, сделанные в тылу, свидетельствует о тяжелом повседневном труде женщин на военных предприятиях. Многочисленные эвакуированные на территорию Урала, Поволжья и Сибири заводы, которые теперь специализировались на выпуске военной продукции, работали в усиленном режиме благодаря значительному трудовому вкладу женщин. В музейных экспозициях об этом сложном периоде свидетельствует визуальный, предметный и документальный ряд. Неизменный спутник всех экспозиций

²⁹ Проблемы музееведения и народная культура / глав. ред. серии В. П. Пуляев, Н.А. Томилов, отв. ред. тома Г.М. Патрушева, Н.А. Томилов. Новосибирск: Наука, 1999.

краеведческих и исторических музеев на тему Великой отечественной войны – фотографии, сделанные корреспондентами на заводах. В цехах конвейерной сборки патронов, оружия, пошивочных цехах запечатлены женщины – труженицы тыла. Как правило, рядом с подобными фотографиями представлены образцы продукции военных заводов – снаряды и патроны, созданные силами женщин. Документальный ряд формируют такие источники, как трудовые книжки, похвальные и наградные листы и грамоты тружениц тыла за перевыполнение норм и трудовые подвиги.

Пространство повседневной жизни женщин в городах тыла – это работа в госпиталях, в которое были переоборудованы в годы войны многие общественные здания, образовательные учреждения и т.д. В Омском музее воинской славы представлен визуальный ряд фотографий, сделанных в операционных, в перевязочных, в палатах, на каждой из которых запечатлены медсестры и врачи, женщины, которые трудились в несколько смен, помогая фронтовикам. А, например, в Новокузнецком музее-заповеднике «Кузнецкая крепость» реконструирована палата военного госпиталя с подлинными экспонатами, рассказывающими о труде медицинских работниц этого сибирского города в годы войны.

Другой стороной повседневной жизни женщин стал домашний быт, которому, как правило, в музейных экспозициях отведено значимое место. В музее воинской славы омицей реконструирован интерьер комнаты одной из омских квартир в годы Великой Отечественной войны. Из мебели здесь стол, стул, этажерка, граммофон. Вся обстановка свидетельствует о том, что глава семейства отправился на фронт, а его супруга осталась с детьми в ожидании возвращения воина. На столе стоит швейная машинка, а сам стол накрыт вязаной скатертью, свидетельствующей о домашнем уюте, сохранившимся здесь, несмотря на военное время. Рядом с лампой лежит развернутое письмо с фронта, а на верхней полке этажерки стоит радиоприемник для передачи

последних новостей с линии боевых действий. На полке ниже – детские игрушки, свидетельствующие о том, что хозяйка дома осталась с детьми. На стене – неизменный спутник подобных экспозиций во многих музеях – отрывной календарь, который открыт на дате 22 июня 1941 года. Календарь – символ времени и символ ожидания для многих советских женщин, проводивших своих спутников на фронт.

Что касается швейной машинки, то она становится весьма распространенным атрибутом интерьера городской комнаты в военные годы. В дополнение к ней, например в историко-краеведческом музее подмосковного города Видное, представлен костюм военного времени. Аналогичные интерьеры жилых комнат с обстановкой военного времени реконструированы в других крупных региональных краеведческих музеях.

Тему женской повседневности в городах тыла также раскрывают хлебные карточки. Как подтверждение норм военного времени – часть буханки хлеба, иллюстрирующая норму на человека в эти годы.

Женщины с детьми становятся одними из центральных фигур советских плакатов периода Великой Отечественной войны. Экспозиции музеев, как правило, не обходят эту тему стороной. Представленные галереи хорошо отражают и закрепляют образ женщины с ребенком в качестве образа военного тыла, который должен защитить советский воин. Другой лейтмотив плакатов военных лет – женщины-труженицы, которые заменяют мужчин у станков, на конвейерах, на тракторах и на других видах работ.

Таким образом, основные направления экспозиционно-выставочной деятельности российских музеев, рассказывающих о городской жизни в тылу в годы войны, формируют представление у посетителей о трех различных элементах пространства повседневности женщин.

Во-первых, приоритетным в отражении экспозиций становятся фотоматериалы, рассказывающие о трудовой

деятельности женщин, заменивших мужчин на заводах, выпускающих военную продукцию. Дополнением фотографий служат документы и вещественные материалы.

Во-вторых, большую роль в пространстве города и пространстве повседневности женщин играли военные госпитали. Города Сибири находились далеко от основной линии фронта, но даже сюда привозили многих раненных, о выздоровлении которых заботились женщины сибирских городов.

В-третьих, важнейшим элементом повседневности женщин стало жилое пространство, в котором проходило время отдыха, воспитания детей и трудное время ожидания ушедших на фронт.

Д.И. Ильчук

г. Архангельск, Северный арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Благотворительная деятельность Марии Клавдиевны Тенишевой в годы Первой мировой войны

Велика сейчас ответственность женщины перед родиной. Война выдвинула ее на передовые позиции жизни, и женщина держит сейчас свой государственный экзамен. История в свое время поставит ей отметку. (Журнал «Женщина и война», 1915 год)

Первая мировая война или, как называли ее современники, Вторая Отечественная или Великая война, явилась испытанием для всего российского общества: коррективам подверглись внутренняя политика государства, экономика, общественная жизнь страны, изменилась массовая психология и индивидуальное сознание людей. Столетний юбилей начала Первой мировой войны вызвал эскалацию интереса к событиям периода мировой бойни. Смена исследовательских парадигм начала XXI века позволила не только реконструировать хронику военных действий, но и обратить внимание на проблемы жизни в тылу, оценить вклад различных групп

общества в дело победы. Так, например, роль женщин-аристократок в организации помощи фронту по сию пору рассмотрена лишь фрагментарно, и многие аспекты ее являются исследовательскими лакунами.

Между тем, тема «женщина и война» на материалах Первой мировой войны достаточно полно освещена в работах П.П. Щербинина, Е.С. Сенявской, Ю.Н. Ивановой, Н.Л. Пушкаревой, Н.Л. Матвеевой, А.Н. Григорьевой, В. Еромолова и др.³⁰ В них показаны участие женщин в военных действиях; в русле антропологического знания реконструирован повседневный быт солдатки, продемонстрирована женская благотворительная деятельность (особенно августейших особ), проанализированы проблемы демографии и др. Но, тем не менее, научный потенциал данной темы далеко не исчерпан.

Как известно, основные виды деятельности женщин России в период Первой мировой войны – это оказание помощи фронту, фронтовикам и их семьям. Прежде всего, с первых дней войны были сформированы медицинские отряды, санитарные поезда, созданы и оборудованы лазареты для оказания помощи раненым бойцам.

Другим направлением деятельности женщин по всей стране стала материальная помощь фронту, раненым, семьям фронтовиков, беженцам. Историки отмечают, что «война создала сразу массу людей, которые нуждались в общественном благодеянии – семьи солдат, лишившихся кормильцев; раненые и больные войны в госпиталях; позднее к ним прибавились беженцы. Сбор средств на благотворительность проводился специальными фондами,

³⁰ Женщины в русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. //Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов. 2004 С. 42–49; *Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П.* Из истории призрения семей нижних чиновников запаса в годы войн начала XX века // *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.:* Сб. научн. статей. Саратов, 2005 С. 204-229. и др.

организованными под патронажем женщин из императорской семьи, а также общественными организациями и органами местного самоуправления»³¹.

Благотворительную деятельность россиянок в годы мировой войны можно разделить на несколько типов: частную, общественную, государственную (в том числе, оказываемую по инициативе частных лиц). Пример в делах милосердия показывало августейшее семейство, аристократки, дворянки, интеллигенция (педагоги, служащие, женщины творческих профессий, чаще всего – актрисы), семьи священников, реже – мещанки, крестьянки и работницы. В случае частной инициативы речь чаще шла не о денежной, а о натуральной форме благотворительности, которая имела место и среди зажиточных женщин, и среди крестьянок, жертвовавших «плоды» своего ручного труда. Журналы военного времени полны списками «жертвователей» и перечнями их пожертвований.

По примеру монаршей семьи женщины аристократки, уже имевшие навыки организации благотворительных акций, создавали комитеты, комиссии по сбору средств, организовывали госпитали и лазареты для раненых, снаряжали санитарные поезда. Одним из ярких примеров такого подвижничества стала деятельность известной русской меценатки Марии Клавдиевны Тенишевой. Она известна, кроме того, как художник-эмальер, педагог и коллекционер предметов старины. С первых дней войны Мария Клавдиевна отдала в распоряжение солдат свой дом в Петрограде на Английской набережной и квартиру в Смоленске.

25 июля 1914 года газета «Смоленский вестник» сообщает о том, что М.К. Тенишева прислала Б.П. Рачинскому заявление

³¹ *Трошина Т.И.* Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Перовой мировой войны (1914-1918): книга для учителей. Архангельск, 2008. С. 155.

об организации лазарета на 25 коек³². Кстати, Марии Клавдиевне удалось узнать о начале войны за несколько дней до ее официального объявления, и она в срочном порядке закупила для лазарета все необходимое оборудование, включая рентгеновский кабинет.

Лазарет размещался в смоленском отделении Московского археологического института в том же доме, где жила М.К. Тенишева. «Я могла день и ночь там работать и следить за тем, чтобы раненым было как можно лучше»,³³ - вспоминает она в своих мемуарах Лазарет занимал целый этаж дома. В нем был кабинет для фельдшера, ванная, две палаты на 10 коек. При лазарете была сделана операционная и комната для «изготовления материалов»³⁴.

23 августа «Смоленский вестник» публикует заметку, в которой сообщает, что 22 августа в 16 часов было совершено освящение заказанного княгиней оборудования³⁵. Хирургом в Смоленск была приглашена одна из лучших женщин-врачей того времени Нина Виссарионовна Сергиевская. В качестве сестер милосердия «Смоленский вестник» упоминает двух курсисток старших классов. В палатах постоянно находилась

³² Заметка в газете //Смоленский вестник. 1914. № 168. Цит. по Талашкино. Сборник документов. / Составитель: Журавлева Л.С. Смоленск, 1995. С. 151.

³³ Тенишева М. Впечатления моей жизни. Воспоминания. М., 2002, С. 261.

³⁴ Лазарет кн. М.К.Тенишевой //Смоленский вестник. 1914. № 184. Цит. по Талашкино. Сборник документов/Составитель: Журавлева Л.С. Смоленск, 1995. С. 151.

³⁵ Заметка в газете // Смоленский вестник. 1914. № 193. Цит. по Талашкино. Сборник документов. /Составитель: Журавлева Л.С. Смоленск, 1995.

генеральша Ю.А. Пестич, которая беседовала с больными и читала им газеты³⁶.

Личный автомобиль мужа Марии Клавдиевны Вячеслава Николаевича Тенишева использовался для перевозки раненых. Муж Марии Клавдиевны, Вячеслав Николаевич Тенишев, был известен своею любовью к техническим новинкам и приобрел одним из первых смолян личный автомобиль, который в годы Первой мировой войны княгиня предоставила для перевозки раненых бойцов. «В Смоленске перевозочных средств для раненных не было устроено, и этот автомобиль за 13 месяцев перевез 631 человека в разные лазареты. В любой час ночи, стоило только нам позвонить по телефону, и автомобиль выезжал на железную дорогу. Так как у нас не было в то время хорошего шофера, то В.А. Лидин с большой охотой и тоже без отказа исполнял эту роль. Чтобы не рисковать порчей автомобиля, я его перестала сама употреблять»³⁷, – вспоминала княгиня.

20 ноября 1914 года лазарет Марии Клавдиевны Тенишевой посетил Николай II. Император в сопровождении Марии Клавдиевны и хирурга Нины Виссарионовны Сергиевской обошел палаты, где побеседовал с каждым больным, подробно расспрашивая о ранениях и о ходе болезни. После этого Николай Александрович осмотрел операционную, где, как сообщали репортеры местной газеты, император «ознакомился с рентгеновскими снимками»³⁸. Николай II выразил княгине свою благодарность. Однако, вскоре, ввиду приближения к городу линии фронта, лазарет был закрыт.

³⁶Лазарет кн. М.К. Тенишевой // Смоленский вестник. 1914. № 184. Цит. по Талашкино. Сборник документов/Составитель: Журавлева Л.С. Смоленск, 1995. С.151.

³⁷ *Тенишева М.* Впечатления моей жизни. Воспоминания. С. 262.

³⁸Заметка в газете // Смоленский вестник. 1914. № 284. Цит. по Талашкино. Сборник документов. /Составитель: Журавлева Л.С. Смоленск, 1995. С. 152.

Таким образом, в годы мировой войны женщины России продемонстрировали то, что в русском языке обозначается понятиями «благосердие», «милосердие», «сострадательная помощь». Своей благотворительной деятельностью россиянки, и аристократки в их числе, во времена всех войн делали попытку внести свой вклад в общее дело победы. Деятельность Марии Клавдиевны Тенишевой в годы Первой мировой войны – один из многих примеров проявления подвижничества, направленного на оказание материальной помощи фронту. Проявление женского милосердия – свидетельство гендерной идентичности, примеры духовного подвига женщин России.

Т.А. Кирюшина

г. Пенза, Пензенский артиллерийский инженерный институт
«Как мы жили на войне...»: фронтовой быт женщин-участниц Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война была самой масштабной по числу вовлеченного в нее гражданского населения, в том числе женщин. Женщины трудились не только в тылу, но и воевали наравне с мужчинами. Никонова О.Ю. отмечает, что гендерные аспекты истории войн стали активно привлекать внимание исследователей, начиная с 1990-х гг. Проблема женского участия в Великой Отечественной войне перестала быть только частью перформативной акции – попытки сделать «невидимых солдат» мировой войны видимыми. В современных исследованиях женского участия в войне акцент постепенно смещается на историю женского опыта войны, изучение женских моделей памяти о войне и государственной политики по отношению к женскому военному прошлому, проблемы конструкции и деконструкции женских военных образов,

анализ особенностей женской военной психологии и женского поведения³⁹.

Следует отметить, что «женская память» о войне и официальная память о Великой Отечественной войне существуют как бы параллельно. Воспоминания, опубликованные в советский период, в основном принадлежат мужчинам, женщинам слова не давали. Исключение составляют методы официальной пропаганды, с помощью которых формировался образ женщины-героини. Так произошло с известной всем женщиной-снайпером – Л.М. Павличенко.

К сожалению, женские воспоминания о войне в настоящее время остаются именно отдельными воспоминаниями, не превращаясь в групповую, коллективную память. Женские воспоминания очень эмоциональные, они другие. Алексиевич С.А. отмечала: «Женские рассказы другие и о другом. У “женской” войны свои краски, свои запахи, свое освещение и свое пространство чувств. Свои слова...»⁴⁰

...Если мужчину война захватывала, как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии: бомбежка, смерть, страдание – для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны – физические и моральные, она труднее переносила «мужской» быт войны»⁴¹. Через всю книгу автора красной нитью проходит мысль о противоестественности пребывания женщины на войне.

³⁹ Никонова О.Ю. Женщины, война и «фигуры умолчания» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41) [Электронный ресурс] // Точка доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ni32-pr.html> – (обращение: 9.05.2015).

⁴⁰ Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. М.: Время, 2013. С. 10.

⁴¹ Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. Минск: Мастацкая літаратура, 1985. С. 61-62.

Одним из примеров женской памяти о войне являются воспоминания радистки Рыжиковой А.Т. и партизанки Смирновой Г.П. В своих воспоминаниях они уделяют внимание бытовой стороне армейской службы. Рассказывают о том, каково было им, девчонкам, жить с мужчинами, об отношении и требованиям, предъявляемым к ним.

Девушки были готовы к подвигу, отдать свою жизнь за Родину, но такая мелочь, как армейский быт, стала для них серьезным испытанием. Армейская дисциплина, солдатская форма на много размеров больше, солдатская стрижка, мужское окружение, тяжелые физические нагрузки – все это требовало невероятных усилий. Так, Рыжикова Алевтина Трофимовна вспоминает: «Очень трудно было привыкнуть к армейской жизни. Жили мы в деревянных бараках, казармах, спали подряд на нарах. Они были деревянными двухэтажными. Нас коротко остригли, выдали обмундирование: юбки, гимнастерки, пилотки, белые носки и большие солдатские ботинки»⁴².

Женщины-партизанки тяжелее переживали бытовые трудности. Подтверждением этому служат воспоминания Смирновой Галины Петровны: «Однажды, это было в начале декабря, мы возвращались из разведки и под проливным дождем шли уже двое суток... Горные ручьи превратились в реки, мы шагаем прямо по ним. Вода уже переливается из сапог в реку и обратно. Ночью командир говорит: “Располагайтесь на ночлег”. А что это такое? Какой ночлег под проливным дождем да еще и со снегом? Села я на пенек, темнота страшная, но усмотрела, что рядом лежит огромное дерево. Я к нему. Рукой под него: оказывается, под него можно чуть-чуть подлезть. Я это и сделала. Но голова осталась

⁴² Рыжикова А.Т. Воспоминания радистки // Суровые годы: Воспоминания участников Великой Отечественной войны / Под ред. проф. А.Ю. Казакова. Пенза: ПГПУ, 2005. С. 91.

снаружи, половина тела тоже, все мокрое, холодно, лежать невозможно. Вновь вылезла. Так и лазила целую ночь»⁴³.

Тяжело пришлось девушкам еще и потому, что требования к ним применялись такие же, как к мужчинам. «Мы не знали покоя ни днем, ни ночью. Всюду ходили строем. С утра до вечера звучали команды: “Выходи строиться!”, “Равняйся, смирно!” “Шагом марш!” и прочие, вплоть до команды “Отбой!”. Нас учили стрелять, ползать по-пластунски, бросать гранаты. Несколько раз нас водили в длительные, по 27 км походы, куда-то за город в лес, где мы жили какое-то время в землянках. Шли мы во всем боевом снаряжении с винтовкой и противогазом. В больших, не по размеру, ботинках мы растирали до крови ноги. Падали от усталости, плакали, но наши командиры были беспощадны. Чтобы как-то подбодрить нас, давали команду: “Запевай!”, и мы пели, пели разные военные песни. Ночью нас часто поднимали по тревоге. Ну, тревога, конечно, была учебной. Надо было за 3 минуты одеться, схватить противогаз, винтовку и встать в строй. Любая оплошность, нарушение карались нарядом вне очереди. Наряды очередные и внеочередные мы несли постоянно: стояли дневальными у дверей казармы, часовыми на территории городка, а также дежурили на кухне...»⁴⁴, – пишет Рыжикова А.Т. Поблажек не было никаких.

Таким образом, мы видим, что для «женской памяти» характерно наличие множества бытовых подробностей: условий жизни, бытового существования, трудностей. Женская память более эмоциональна и содержит множество ярких образов, зачастую опуская сухие факты и статистику, либо вплетая личное в официальное. После длительного молчания сейчас мы наблюдаем всплеск «женской памяти».

⁴³ Смирнова Г.П. Наш Усть-Лабинский имени Кочубея // Суровые годы: Воспоминания участников Великой Отечественной войны / Под ред. проф. А.Ю. Казакова. Пенза: ПГПУ, 2005. С. 110-111.

⁴⁴ Рыжикова А.Т. Указ. раб. С. 91.

Т.З. Козлова

г. Москва, Институт социологии РАН

Социальное сиротство в России: гендерный аспект

В настоящее время одной из острых проблем российского общества является социальное сиротство. По последним данным Федеральной службы государственной статистики России (2012 г.), было выявлено и учтено детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, 88522 человека⁴⁵. Две трети из них – социальные сироты. Это дети – сироты при живых родителях. У одних из них родители лишены родительских прав, других оставили матери в роддомах.

Ребенок, воспитанный без опеки родителей, особенно в сиротском учреждении, имеет низкую самооценку, с трудом осознает свою идентичность. Он не имеет представления о положительной модели семьи и коллектива, хотя его жизнь проходит в окружении людей. Около половины выпускников детских домов «пропадает» для общества: одни становятся алкоголиками, другие ведут противоправную жизнь.

Тенденцией заботы о детях-сиротах в современной России является устройство их в замещающие семьи, то есть в семьи, принявшие ребенка-сироту на воспитание. Воспитание в замещающей семье имеет четыре формы: опека, приемная семья, патронатная семья и семейная воспитательная группа.

Опекунская семья – это, как правило, бабушки (дедушки) и их внуки. По последним данным Федеральной службы государственной статистики России (2012 г.), из числа детей, оставшихся без попечения родителей, устроены под опеку (попечительство) 43133 ребенка. Общая численность детей и подростков, находящихся под опекой (попечительством),

⁴⁵ Устройство детей и подростков, оставшихся без попечения родителей. [Электронный ресурс] <http://www.gks.ru/wem/connect/rosstat/main/rosstat/ru/statistics/population/housing>.

составляет 336839 человек⁴⁶.

Мы провели социологическое исследование среди опекунов в 8-ми городах: Москва, Фрязино (Московская область), Нижний Новгород, Киров, Улан-Удэ, Иваново, Кинешма (Ивановская область), Чудово (Новгородская область).

Объект нашего исследования – опекуны внуков-сирот. Предмет исследования – «первичная» семья (семья опекунов), в которой формировались будущие родители внуков – сирот. Цель исследования: изучить социализацию людей в «первичной» семье (семье опекунов), а также создание и крушение семей детей опекунов. Метод исследования – интервью с опекунами по единой методике.

Как показало социологическое исследование, по всем исследуемым нами городам примерно 35% (34.9%) дочерей не состояли в браке.

Большинство респондентов мотивом вступления в брак назвали «любовь». На вопрос к респондентам о браке их дочерей: «Брак у ваших детей был по любви?», примерно 86% ответили утвердительно.

Свыше 60% респондентов не одобряли выбор своих детей (в основном дочерей). Главная причина отрицательного отношения родителей к жениху дочери – его злоупотребление спиртным. 80% мужей дочерей опекунов пьянствовало. Возможно, некоторые, будучи женихами, пили меньше, воздерживались какое-то время. Родители уже тогда видели склонность женихов к спиртному и были против брака своих дочерей с такими претендентами. На наш вопрос к респондентам: «Что Вы делали, чтобы помешать браку дочери?» больше половины из опрошенных сказали: «Уговаривали» (55.1%). Остальные ничего не делали, считали: или «Обойдется», или «Семейный человек (муж) возьмется

⁴⁶ Там же.

за ум». Но ни то, ни другое не случилось. Следует отметить, что современные молодые люди почти не считаются с мнением родителей.

У трети молодых семей ребенок родился нежеланным. Опекуну не всегда знали причины рождения нежеланного ребенка у своих детей. Интерес представляет связь между рождением нежеланного ребенка и отношений в этот момент между его родителями. Из нее следует, что в половине семей детей респондентов на момент рождения ребенка был уже нарушен социально-психологический климат. Отношения между супругами стали неоднозначными. Сегодня они могли быть дружескими, завтра конфликтными. Все хорошее между молодыми уничтожил как алкоголь, так и современное легкое отношение к браку. Респонденты назвали такие причины распада семей своих детей: 1. *«Муж нашел другую женщину и ушел»*; 2. *«Муж стал пить»*; 3. *«Жена пила»*; 4. *«Мужа посадили»*; 5. *«Умер муж»* или *«Умерла жена»*.

Почти четверть семей была разрушена из-за легкомысленного поведения супруга (*«ушел к другой»*). Надо заметить, что иногда и женщины могут уйти из семьи, но это бывает гораздо реже. Уход мужа из семьи для некоторых женщин выливается в такой стресс, который они не могут пережить. Некоторые из них начинают пить.

«Любимые люди» иногда бросают женщин, когда те ждут ребенка. Брошенная женщина даже может оставить родившегося ребенка в роддоме. Она своим поступком мстит мужчине (отцу ребенка) за его предательство.

В настоящее время вырос женский алкоголизм. Наши респонденты иногда отмечали, что сын *«сошелся с женщиной, которая пила, потом они вместе стали пить»*. Разные обстоятельства приводят женщин к алкоголизму, но результат таков: из двух родителей в 80% случаев именно мать лишают родительских прав. Когда мать лишают родительских прав, ребенок становится сиротой. Несколько десятилетий тому назад, когда женщины почти не пили, то в ситуации, когда

отец был алкоголиком, мать могла одна поднять ребенка.

Значительная часть детей респондентов (свыше четверти) умерла молодым возрасте. Причина ранней смерти – невыносимая жизнь. Мужчины умирают чаще всего от алкоголизма. В регионах (кроме Москвы и крупных городов) нет работы, им нечем заняться. Одно занятие – водка. Женщины не могут пережить такое поведение мужей. Они или много работают, т.к. надо содержать семью, или сами начинают пить. Результат – ранняя смерть (в возрасте 30 лет и немного старше).

Две трети респондентов отметили, что их дочь, которую лишили родительских прав, не занималась ребенком, а вела образ жизни, несовместимый с воспитанием ребенка. Если к моменту распада семьи матери только начали употреблять спиртное, то к моменту лишения их родительских прав они уже не контролировали свое поведение. Больше половины таких женщин употребляли спиртное, около 15% употребляли наркотики, вели беспорядочную личную жизнь, встречаясь с разными мужчинами. Некоторые из них, рождая детей, не знали точно, кто отец ребенка.

Матерей, которые не занимались детьми, вели непристойный образ жизни, органы опеки лишили родительских прав. Их детей взяли под опеку бабушки (наши респонденты).

Большинство респондентов (70.8%) общается со своими дочерьми после лишения их родительских прав. Некоторые из них лечатся от алкоголизма.

Только небольшой процент дочерей (16.9%) думает вернуть родительские права. Остальные горе-матери ушли или в запой, или стали наркоманками, некоторые сидят в тюрьме. Даже те, которые живут с опекунами и своими детьми, не хотят (не могут) в силу своего потерянного здоровья в прежней «веселой» жизни вернуть свои родительские права.

Подчеркивая высокий процент численности женщин (по сравнению с мужчинами), которых лишают родительских, мы

не считаем, что у социального сиротства в нашей стране «женское лицо». Мужчины, наряду со своими женами, с которыми состояли в законном или гражданском браке, должны в полной мере нести ответственность за своих детей.

И.Ю. Мартианова

*г. Краснодар, Институт Международного права,
экономики, гуманитарных наук и управления
им. К.В. Россинского*

Сберегая жизнь: жизненная женская практика в годы Великой Отечественной войны

В России по-прежнему актуален опыт времен Великой Отечественной войны. Исторические события 2014 г. живо продемонстрировали нам необходимости понимания и изучения жизненного опыта военного поколения. Важную роль в понимании этого опыта и его смысла играют устные предания, сохранившиеся в каждой семье. Данная работа основана на воспоминаниях моей бабушки Евдокии Никитичны Белецкой (1911-2007), урожденной Пономаревой. Она была неграмотной. Ее бесхитростный рассказ для меня во всей полноте отражал положение женщины в то нелегкое время.

Война застала Евдокию Никитичну, уроженку Кубани, в г. Ломжа. Город достался СССР по пакту Молотова – Риббентропа (23.08.1939). В Ломже был расквартирован 6-й кавалерийский корпус им. И.В. Сталина под командованием генерал-майора И.С. Никитина. Переводчиком в штаб корпуса был назначен лейтенант Иван Романович Белецкий (1916 – 1941), муж Евдокии, мой дед. После окончания Тамбовского Краснознаменного кавалерийского училища он служил в Бердичеве, был переведен в Ломжу в январе 1941 г., так как блестяще владел польским и немецким. К этому времени у Белецких были дети Толик, 1937 г.р., и Юра (12.06.1940).

В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. Иван был на дежурстве. Около 12 часов он прибежал домой в страшном волнении, встал на пороге и прокричал жене: «Хватай детей и беги на вокзал. Уходит последний поезд. Это война». В последний раз Евдокия видела своего мужа. Вопреки общепринятому убеждению, что все приграничные заставы и гарнизоны не пытались подготовиться к обороне и не ожидали нападения, это свидетельство показывает обратное.

Бабушка не раз показывала мне разные вещи, приговаривая «это из Ломжи»: фаянсовый кувшинчик, небольшая макитра, в которой месили тесто, несколько простыней с дивизионными штампами и т.п. На мой удивленный вопрос, почему такой странный набор, бабушка говорила, что появление деда и его слова так напугали ее, что она в полном беспамятстве хватала, что под руку попадало.

Евдокия успела на тот последний поезд, что уходил из Ломжи. Ехали около трех суток. Не доезжая до Минска, поезд в поле подвергся бомбежке и загорелся. Евдокия вытащила детей, тяжелый узел с вещами и побежала по полю. В сотне метров от железной дороги был небольшой холм с разросшейся березой. К этой березе Евдокия кинулась бегом вместе с детьми. Фашистские самолеты на бреющем полете расстреливали бегущих женщин и детей из пулеметов.

Сейчас сложно представить, как бабушка, которая была очень маленького роста (150 см.), с двумя детьми на руках и тяжелым узлом бежала (!) по полю. Ситуация была осложнена тем, что четырехлетний Толик перед войной получил травму головы, с трудом ходил и был очень тяжелым.

Рядом с Евдокией, обгоняя ее, пробежала молодая стройная женщина с младенцем на руках. Она первая юркнула под спасительную березу и прижалась к ней, прикрывая малыша. Евдокия упала на землю с детьми, не в силах заползти на холмик ближе к стволу. Когда самолеты улетели, она поднялась и подошла к женщине под березой. Но к ее ужасу

женщина и младенец оказались «пристрочены» к стволу дерева.

С небольшой группой уцелевших Евдокия через несколько недель пешком добрались до Минска. В городе уже стояли немцы. Случайно встреченная Евдокией знакомая объяснила, что фашисты везде развесили приказ выдавать евреев, комиссаров, семьи командиров Красной Армии и «неполноценных» людей. Это сообщение так напугало Евдокию, что она поспешно покинула город и нашла приют у добрых людей в деревне в нескольких километрах от Минска. Евдокия стала работать в немецкой прачечной. Она решила поднакопить денег и продуктов, с детьми добраться до линии фронта, перейти ее и вернуться к матери в с. Шереметьевское Тбилисского района Краснодарского края.

В сентябре прошел слух, что вокруг Минска немцы устраивают лагеря для военнопленных. Евдокия подумала, что ее Иван в плену. Она стала обходить такие лагеря, проходя десятки километров в надежде увидеть мужа. Лагеря все были одинаковые – поля, обнесенные колючей проволокой, с вышками и бараками для охраны. И военнопленные красноармейцы были одинаковые – грязные, заросшие, изможденные, многие раненные. Они лежали или сидели на земле. Немцы их почти не кормили и не поили. Местное население приходило к этим лагерям, кидали через проволоку продукты. Фашисты какое-то время терпели это, но потом открывали огонь поверх голов, отгоняли пленных и сочувствующих от проволоки. С первыми заморозками все лагеря прекратили свое существование, так как все пленные умерли.

Бабушка всю жизнь уверяла, что однажды в одном из таких лагерей она видела своего Ивана, но охрана выстрелами отогнала ее и других женщин. После войны на запросы о судьбе Ивана Романовича Белецкого приходили стандартные ответы: «пропал без вести».

Потеряв надежду найти мужа, Евдокия уверила себя, что он живой, вернется после войны, поэтому надо обязательно сберечь детей. Осенью 1941 г. Евдокия начала свой путь на Кубань. Она шла от села к селу, прося подаяние, выменивая некоторые вещи из своего узла, иногда работая на немцев. Евдокия шла упорно, не задерживаясь надолго нигде, выбирая самые глухие дороги. Маленького Юру кормить и нести на руках было не сложно. Проблемой стал Толик. Нести его не хватало сил, а шел он очень медленно. Сказывались последствия травмы и голод. Однажды, проходя какую-то деревню, Евдокия в отчаянии решила оставить старшего сына. Она усадила Толика на паперть церкви, подхватила сильно облегчившийся узел, с Юрой на руках быстро зашагала по дороге, обливаясь слезами. Прошла Евдокия километра два, присела отдохнуть, но тут неожиданно Юра стал звать Толика. Видя, что брата нигде нет, закричал. Уверения и успокоения не действовали. Плача, подобрала она вещи, взяла орущего Юру и пошла назад в деревню. По мере приближения к деревне плачь ребенка стихал. В самой Евдокии росло опасение, что сына может и не найти. Толик покорно сидел на месте, в той же позе, как она его усадила. Больше Евдокия никогда не пыталась избавиться от своего старшего сына, как бы трудно ей не было.

Переходить через линию фронта ей не пришлось: немецкое наступление развивалось гораздо быстрее, чем шла маленькая голодная женщина с двумя малышами. Евдокия ни о чем не думала, ничего не воспринимала. Хотелось только выжить и сохранить детей. Сама не помня как, она прошла сотни километров по оккупированной территории и вернулась домой к матери Марфе Пономаревой в августе 1942 года, когда Кубань была уже захвачена немцами. Хата сгорела. Евдокия с матерью и детьми стали жить в погребе. Фашисты в Шереметьевском бывали наездами. Немецкие колонисты, жившие в селе до войны, помнившие семью лейтенанта Белецкого, были выселены до начала оккупации. Перед

приходом фашистов Марфа зарыла фотографии Ивана на огороде. От всех удалось скрыть, что Евдокия жена кадрового офицера. Приезжавшие каратели иногда за огородом Белецких под холмом расстреливали людей. Работы не было. Питались тем, что уцелело на огородах. В феврале 1943 г. с. Шереметьевское освободили наши войска. Восстановили колхоз. Евдокия пошла работать, как прежде, в полевую бригаду, очищала поля от снарядов и осколков, пахала на себе, спасала семью от голода. Евдокию выручали выносливость и трудолюбие.

Страна выжила и победила в страшной войне благодаря тому, что каждый советский человек взял лично на себя часть непосильного бремени: одни сражались, другие ковали Победу в тылу. Евдокия Никитична Белецкая свою роль в этой войне видела в спасении своих детей (будущее народа), в восстановлении сельского хозяйства после освобождения. Без громких слов она, как и многие другие женщины, нашла верную человеческую позицию, позволив сохранить и возродить жизнь в нашей стране.

Н.А. Мицюк

*г. Смоленск, Смоленский государственный
медицинский университет*

Забота о материнстве и младенчестве в России в условиях Первой мировой войны⁴⁷

Исторические особенности развития охраны материнства и детства в России привлекают внимание отечественных историков медицины (Т.Г. Яковенко, Г.Л. Микиртчян), исследователей социальной, повседневной истории и благотворительного движения (Е.П. Белоножко, Е.В. Колганова, П.П. Щербинин, Д. Рэнсел, К. Келли, Л.

⁴⁷Проект РГНФ № 14-31-01217 («Субкультура материнства в дворянской среде пореформенной России: антропологический и исторический подходы»).

Киришенбаум). Несмотря на пестроту работ, посвященных данной тематике, исследователи обходят стороной развитие охраны материнства и детства в переходный исторический период, разделивший имперскую и советскую Россию, – Первую мировую войну.

Накануне Первой мировой сила обсуждения проблем охраны материнства и младенчества была такова, что современники дали ему название «*материнское движение*»⁴⁸. Данный процесс был вызван различными факторами, среди которых не только ставшая для российского общества на протяжении XIX в. традиционной проблема детской смертности, но и значительные трансформации в самом обществе. Материнство из биологической функции превращалось в важнейший социальный институт, который предполагал активное вмешательство государства в вопросы прокреации и воспитания. Наблюдался процесс конструирования идеального материнства, включавший медикализацию материнства и детства, и распространение семей детоцентристского типа.

Впервые на государственном уровне права беременных и матерей-работниц были отражены в страховом законе 1912 г. Благодаря педиатру К.А. Раухфусу был проведен Первый Всероссийский съезд деятелей по борьбе с детской смертностью и охране раннего детства (1912 г.)⁴⁹. Через год после съезда власти организовали Отдел борьбы с детской смертностью и охраны детства. Среди наиболее масштабных по поставленным целям явилось создание 31 мая 1913 г. *Всероссийского попечительства об охране материнства и*

⁴⁸ Лозинский Е.Ю. О настоящем и будущем женского движения в связи с проблемой целомудрия и задачами материнства / К свету. Научно-литературный сборник. СПб., 1904. С. 49.

⁴⁹ Герасимов В.П. К.А.Раухфус // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 29.

*младенчества*⁵⁰. Оно было призвано стать координирующим центром между всеми существующими в регионах благотворительными формами помощи матерям и детям.

С началом Первой мировой войны меры по охране материнства и младенчества не только не пошли на убыль, их обсуждение приобрело особенно интенсивный характер. В экстремальных условиях для матерей и их грудных детей было предложено больше, чем за весь предшествующий период. Объяснение этому феномену можно найти в риторике активистов различных общественных объединений. А.А. Редлих писал: *«Во имя гуманности, справедливости, во имя любви к родине выдвигается вопрос об охране материнства и младенчества»*⁵¹. С. Елпатьевский заявлял о том, что если прекратить войну, то сумм, которые расходуются на вооружение, вполне хватило бы на *«подлинную охрану материнства и детовоспитание»*⁵². Первая мировая война с ее античеловеческим характером обнажила проблему детской жизни и смерти, в связи с чем охрана материнства и детства становилась символом самой жизни, оборотной стороной ужасов войны. Об этом писала А.М. Коллонтай в предисловии к своей книге *«Общество и материнство»* (1916 г.)⁵³.

К началу 1915 г. отделения Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества были открыты не только в губернских, но и во многих уездных городах. Основным направлением в деятельности

⁵⁰ РГИА. Ф. 767. Оп.1. Д. 1.

⁵¹ *Редлих А.А.* Война и охрана материнства и младенчества // Журнал акушерства и женских болезней. 1917. № 4. С. 434; *Он же.* Война и охрана материнства и младенчества: Речь на съезде Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества. 6 ноября 1916. Пг., 1916. С. 15-17.

⁵² *Елпатьевский С.* Самоистребление человечества: По поводу съезда криминалистов в Петербурге // Русское богатство. 1914. № 4. С. 278.

⁵³ *Коллонтай А.М.* Общество и материнство. Пг., 1916. С. 2.

Попечительства стала забота о здоровье грудных детей. В рамках Попечительства шло активное обсуждение проектов по формированию государственной системы охраны материнства и младенчества. В планы К. Раухфуса входило создание Института охраны материнства и младенчества⁵⁴. Члены Попечительства предлагали меры не только по поддержке матерей из социальных низов, но выступали с предложениями кардинально изменить сам институт материнства⁵⁵. Идея «нового материнства» реализовывалась в форме просветительства для матерей из социальных низов и материнского образования для матерей из интеллигентных классов. А. Словцова разработала программу курсов для матерей, которые были открыты в Петрограде в 1916 г.⁵⁶. Своеобразным апофеозом инициатив гигиенистов, педиатров, педагогов стало предложение провести «выставку детей» в Москве⁵⁷.

В 1915 г. появился журнал «Охрана материнства и младенчества», который стал центром публичных обсуждений инициатив в этой области. Через год было организовано «Всероссийское общество памяти В.Н. Жука», нацеленное на материнское просвещение. Общество впервые объединило различных специалистов, призванных реализовывать программы по развитию материнского просвещения. Под руководством профессора Кузьмина была снята первая короткометражная лента для матерей, пропагандирующая идеи

⁵⁴ Герасимов В.П. К.А. Раухфус // ОМиМ. 1916. №1. С. 19-29.

⁵⁵ Мицюк Н. Конструирова «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX в. // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 1. С. 21-33.

⁵⁶ Словцова А. В защиту «курсов для матерей» // Женский вестник. 1913. № 2. С. 82-84; РГИА. Ф. 767. Оп.1. Д. 133, 151.

⁵⁷ N. В Москве предлагается организовать выставку детей // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 72.

профессионального материнства⁵⁸. Шла речь об устройстве музея материнства⁵⁹.

Несмотря на военное время, врачи продолжили развивать концепцию врачебного патронажа над беременными и грудными детьми⁶⁰. Идея тесной связи консультаций для матерей с родильными отделениями была новаторской и прогрессивной для своего времени. Эксперты (В.Н. Жук, А. Дернова-Ярмоленко) стали пропагандировать в среде интеллигентных матерей ведение родительских дневников, которые также можно считать особым вариантом врачебного патронажа.

С обострением социально-экономической обстановки в стране особенно актуальной стала проблема вскармливания детей. И если прежде врачи критиковали искусственное вскармливание, то в военное время, напротив, стали его пропагандировать. Панацей для многих стало искусственное детское питание. Активную деятельность по открытию молочно-заготовительных станций осуществляло Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества и «Капли молока»⁶¹.

В условиях мировой войны меры по спасению жизни младенцев становились символом новой жизни и гуманизма. В связи с этим проблема возросшего числа абортот стала волновать широкие круги общественности. Либерально

⁵⁸Троцкий И.В. Охрана материнства в Харькове // ОМиМ. 1916. № 1. С. 155.

⁵⁹ Михайлова А.Т. Музей по охране материнства и младенчества // ОМиМ. 1917. № 6. С. 507-518; РГИА. Ф. 767. Оп.1. Д. 114.

⁶⁰ РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 129. Л. 15; Мичник З.О. Индивидуальное призрение грудных детей и патронаж // ОМиМ. 1916. № 3. С. 28-55.

⁶¹ РГИА. Ф. 767. Оп.1. Д. 51, 69, 174, 181; Попова А.В. Опыт снабжения детским молоком г. Петрограда, организованный Всероссийским Попечительством об охране материнства и младенчества // ОМиМ. 1916. № 3. С. 74-90.

настроенная часть врачебного сообщества окончательно признала, что контрацепция – лучшая панацея от плодизгнаний, инфантицида и подкидываний⁶².

Материнство превращалось в важнейший социальный институт. Забота о беременных, матерях и грудных детях становилась символом жизни и возрождения России. Несмотря на то, что многие проекты так и не были воплощены в жизнь в дореволюционной России, они легли в основу советской системы охраны материнства и детства.

Т.А. Мищенко

г. Новозыбков, ФГБОУ ВПО

*«Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского», филиал БГУ*

С фронта – в институт. Как начиналась мирная жизнь первых послевоенных студентов НГПИ

Возвращение к мирной жизни представляет одну из сложных проблем послевоенной истории нашего общества.

Великая Отечественная война создала поколение фронтовиков с психологией, сформированной в экстремальной боевой обстановке. По окончании войны люди в солдатских шинелях возвращались в города и села нашей страны, каждый со своими надеждами и планами послевоенного обустройства. Обеспечение жизнеустройства участников боевых действий в России всегда становилось сложнейшей проблемой для государства. Неотложные задачи социальной адаптации

⁶²*Покровская М.И.* Вопрос расовой гигиены // ЖВ. 1914. №1. С. 153; ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 44. Л. 1-2; *Пушкарева Н.Л.* Материнство как социобиологическое явление: психология, философия, история // Запад-Восток. Научно-практический ежегодник. Йошкар-Ола. 2014. Вып. 7. С. 103-119

демобилизованных тесно переплетались с проблемами экономического и политического состояния страны⁶³.

Вхождение в гражданскую жизнь поколения, повзрослевшего в военные годы, происходило по-разному. Парни возвращались с фронта героями, девушек так оценивали далеко не всегда. С.А. Алексиевич в книге «У войны не женское лицо» приводит слова командир саперного батальона о девушках-фронтвицках: «Кончилась война, они оказались страшно незащищенными».⁶⁴ Автор пишет: «У героического – тысяча лиц»⁶⁵.

Действительно, начать мирную жизнь на своей земле, освобожденной от врага, пропустив через себя ужасы войны – вот подвиг поколения молодежи 1940-начала 1950-х гг. Для многих молодых людей возможностью вернуться к мирной жизни стала учеба в вузе. Герой обороны Одессы и Севастополя, студент-фронтвик Н.М. Щирый так вспоминал о возвращении в стены родного вуза – Новозыбковского педагогического института: «Институт для меня стал священным храмом науки, чистым бальзамом, исцеляющим глубокие раны тяжелой войны. Ничего, что моя одежда, как и многих других, состояла из солдатской шинели, кирзовых сапог и гимнастерки, что порою ложился спать под голодомком и в холодную постель. Жизнь была прекрасной и счастливой. Хотелось работать, веселиться, прыгать, обнимать всех, совершать добрые и благородные поступки во имя счастья людей»⁶⁶.

⁶³Хаяров Д.Г. Фронтвики в Западной Сибири: адаптация к мирной жизни. Дисс. канд. ист. наук. Специальность 07.00.02 Отечественная история. Новосибирск, 2003.

⁶⁴ http://womention.org/u_voyny_ne_jenskoye_litso_frontovichki/

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Ларькина Е. Комсомольцы: с фронта – в институт // Учитель 1990. 26 октября.

Новозыбковский педагогический институт, основанный в 1930 г., вместе с городом пережил оккупацию с 23 августа 1941 г. до освобождения Новозыбкова 25 сентября 1943 г. войсками Центрального и Брянского фронтов. Основные здания института сохранились, но была уничтожена практически вся мебель, учебное оборудование и подсобное хозяйство, погиб архив и более половины книжного фонда библиотеки. Оборудование учебных кабинетов и лабораторий было вывезено в Германию. Общий материальный ущерб, понесенный институтом, составил 1,5 млн. рублей⁶⁷. Однако сразу после освобождения институт начали восстанавливать и готовить к приему студентов. Доцент кафедры истории СССР Ю.Б. Колосов вспоминал: «В восстановлении института принимали участие возвращавшиеся с фронта преподаватели и студенты: заделывали фанерой окна, сооружали столы и скамейки, заготавливали в лесу топливо. В январе 1944 г. начались занятия. Писали на старых книгах и газетах самодельными чернилами. Сидели в аудиториях в верхней одежде. Еще шла война...»⁶⁸. «Вся тяжесть восстановительных работ легла на хрупкие девичьи плечи. Юношей было несколько человек – инвалидов войны. –подчеркнула Е.Ларькина. – К январю 1944 г. отремонтировали четыре аудитории. В них-то и начались занятия»⁶⁹. Один из немногих первых студентов, демобилизованных по ранению, Л. Выкочко вспоминал: «Когда в начале апреля 1944 г. добрался домой, в пепелища да голодуху, на следующий день пришел колхозный бригадир Алексей Казаков. «Работать надо, парень. Ничего, что рука на подвязке, все-таки мужик. Да еще при медалях.

⁶⁷ Гуров Г., Ларькина Е. Огненная юность // Учитель. 1978. 13 октября. С. 2.

⁶⁸ Из материалов музея Истории высшего образования в г.Новозыбкове филиала БГУ им. ак. И.Г. Петровского.

⁶⁹ Ларькина Е. Комсомольцы: с фронта – в институт // Учитель 1990. 26 октября.

Определим твоего сына, Лукерья, хомутарем». А потом взял да и поступил в Новозыбковский пединститут на географический факультет. Какой зверский голод был тогда у фронтовиков на учебу!»⁷⁰. Девушкам поступить в институт было намного сложнее. Е. Гарбузова пережила оккупацию в родной деревне: «Двадцать пять месяцев жили, как сурки. Меня дважды пытались угнать в Германию, как и многих. Дядя Павел был в I Мировую в плену в Германии. Он нам много рассказывал про немцев: «Немцы очень аккуратные люди и боятся всяких заразных болезней. Давай делай что-нибудь такое, чтобы тебя не забрали». Решили, что мне будут насыпать табачную пыль в глаза. После этого глаза у меня вылезали из орбит, были кроваво-красными. Меня грузили на машину, везли на сборный пункт. А там на меня посмотрят и – «шнель» отсюда»⁷¹. После освобождения в 1943 г. в 19 лет Екатерина стала директором сельской школы, но девушка хотела учиться в институте. «...когда пришла весна 1944 г., маме сказала: «Если будут спрашивать, говори, что не знаешь, где я» А я пошла пешком в Новозыбков за 70 км. ...За оккупацию здание пединститута немцы превратили в конюшни. Но это был город! Разоренный, бедный, но сохранивший лицо достойного провинциала с его лабазами, бывшими купеческими лавками, ровными улочками, церквями, промышленными окраинами и налетом старообрядчества. Сдала экзамены, меня зачислили. Взяла справку. Вернулась...в красногорский райком партии, говорю: «Прошу освободить меня от должности. Я уезжаю учиться». «Ишь чего захотела. Война закончится, вернутся с фронта, потом пойдешь учиться. А сейчас забудь». Со слезами ушла. Опять взялась за работу в школе»⁷². Девушку отпустили

⁷⁰ *Выкочко Л.М.* Как это было. Новозыбков, 2001. С. 18.

⁷¹ Расскажите, пожалуйста, о...Интервью и беседы с Екатериной Петровной Гарбузовой/ Сост. д.п.н., профессор И.Е. Малова. Брянск, 2014. С.27.

⁷² Там же. С. 34.

учиться через год, она повторно сдала экзамены и была зачислена на филологический факультет.

В.И. Медведева начала учиться на филологическом факультете НГПИ еще в довоенное время, поэтому, когда в с. Святск прислали вызов в институт в январе 1944 г., девушка сразу отправилась на учебу. Валерия Ивановна рассказывала нынешним студентам о трудностях того времени: «Не хватало мест в общежитии, многие студенты снимали квартиры... Но и их не хватало, в городе ведь было 17 госпиталей, он был прифронтовым, набит людьми... Мне повезло: сняла предбанник в бане и там жила. Не было одежды, то есть платья приличного, на учебу ходить. Мне преподаватель замечание сделала... А потом мы пошли с ней, добыли марли, покрасили в синий, сложили в несколько слоев и сшили платье. Туфли были. Как я их берегла! На ноябрьские праздники отправилась пешком в деревню к родителям. Сняла туфли и по замершей стерне, грязи тридцать пять километров шла босиком»⁷³. Общим местом в воспоминаниях юношей и девушек является взаимопомощь, стремление веселиться, украсить свою жизнь. А.В. Макаренко поступила в вуз в 1950 г. и получила место лаборанта на кафедре филфака: «Мы все были дружными, друг другу помогали. Если нужна книжка – мне ее дают, если она у кого-то на полке есть... Физзал огромный, все праздники встречали на первом этаже. И такие концерты были! Помню себя какой-то героиней, разыгрывали с преподавателем сценку. ...Я любила петь в хоре»⁷⁴.

Послевоенное поколение студентов НГПИ прошло огромную и трудную школу жизни. Пережив оккупацию, боевые действия на фронте, восстановление института и учебу девушки и юноши воспринимали с энтузиазмом, учились

⁷³ Записано от Медведевой В.И., 1919 г.р., 05.10.2006 г. в г. Новозыбкове (филиал БГУ им. ак. И.Г. Петровского).

⁷⁴ Записано от Макаренко А.В., 1924 г.р., 06.05.2015 в г. Новозыбкове.

ценить взаимоотношения между людьми выше материальных благ, традиции студенческого братства хранились и после окончания вуза, о чем говорят воспоминания преподавателей и студентов НГПИ последующих десятилетий.

3.3. Мухина

г. Старый Оскол, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) НИТУ «МИСиС»

Солдатки в традиционном русском крестьянском социуме пореформенного времени: гендерный аспект

В докладе представлены результаты исследования одной из социовозрастных групп женщин-крестьянок – солдаток, здесь на передний план выходит не сам факт военных действий, а то, что женщина оставалась без мужа, и это сильнейшим образом воздействовало на ее жизнь. Выделение гендерных особенностей каждой из возрастных и социальных групп позволяет четче понять ограничения и преимущества каждого женского статуса, яснее сопоставить неполноправие каждой из женских возрастных сообществ по отношению к мужским. В соответствии с требованием современной гендерной этнологии, такой подход делает акцент на возможности разглядеть не взаимодополнительность гендерных ролей в традиционной семье (о чем так много говорилось и писалось в литературе), а их противоречия, немедленно возникающие иерархии, системность в передаче атрибутов власти, надзора и наказания при переходе из одной социовозрастной группы в другую.

По Уставу о воинской повинности 1874 г. мужское население, достигшее 20-летнего возраста, привлекалось на военную службу на 15-летний срок, из которых 6 лет «под знаменем» и 9 лет в запасе. По закону от 14 июня 1888 г. общий срок повышался до 18 лет, а «под знаменами» постепенно снижался и законом от 26 апреля 1906 г. был определен для пехоты и «пешей» артиллерии в 3 года, конных частей – 4 года, для флота – 5 лет. Жена солдата выпадала из

привычного, традиционного уклада жизни. Женщина-солдатка приобретала новый социально-правовой статус, складывался особый уклад жизни, у нее формировался иной менталитет. Особенно тяжело переживали мать и жена солдата. И молодого солдата обуревали мрачные мысли: все ли он найдет дома по возвращении, как оставил, или узнает, что мать или сын умерли, а жена изменила ему и родила без него, что богатый дом превратился в нищий от того, что ушел из него единственный хороший работник? Если молодая жена не успела вместе с мужем устроить собственного хозяйства, ей приходилось таскаться «по чужим углам», претерпевать от других, в том числе и родственников, обиды и оскорбления.

Солдатская мать без мужа и сына была вынуждена сама вести хозяйство. Само снаряжение солдата налагало бремя на семью. Мать или жена готовили для солдата одежду, часто отдавали последнее.

Однако одиночество солдаток, тяжелое материальное положение толкали их на сожительство с новыми «мужьями». В архивных фондах духовных консисторий много документов об обращении крестьянок-солдаток с просьбой расторжения брака в связи со вступлением во второй брак при жизни первого мужа. Однако следует иметь в виду, что по законам Российской империи для вступления солдатки в новый брак ей от военного ведомства требовалось получить документ о гибели мужа или о его пропаже без вести. При отсутствии таких документов разрешения на повторный брак не выдавали.

Сельское общество не всегда осуждало таких солдаток, особенно тех из них, которые сами были не в состоянии прокормить детей. Однако в случае возвращения первого законного супруга второй брак солдатки признавался незаконным. На нее накладывалась семилетняя епитимья под надзором местного духовного отца без права отлучки с постоянного места жительства, при этом солдатку возвращали первому мужу. При распространенном крестьянском взгляде на женский труд как на труд малоценный, положение солдатки

в доме свекра и свекрови было незавидным. Все же они находились в несколько лучшем положении, чем остальные снохи. Солдаткам (соломенным вдовам), как и вдовам, приходилось осваивать мужские работы, вплоть до пахоты и строительных дел. Солдатки, которые не могли прокормить себя и детей, уходили на заработки. Положение солдаток порой было таким тяжелым, что они вынуждены были побираться, и эта группа смыкалась с нищенками.

Было бы неверным считать, что солдатки принадлежали к категории женщин, полностью брошенных на произвол судьбы. Иногда крестьянский мир оказывал помощь солдаткам в содержании их детей. Однако такая помощь была необязательной и эпизодической. Для большинства солдатских жен содержание детей являлось собственной заботой, а уровень жизни таких семей был весьма низким и неустойчивым. При всех своих недостатках волостные суды являлись тем институтом, где женщины могли найти защиту своих и своих детей имущественных и личных прав. Материалы волостных судов содержат немало информации о социально-экономическом и правовом положении солдаток. Удивительно, как быстро могло меняться самосознание крестьянских женщин: из забытых и приниженных существ они превращались в активных и смелых защитниц своих прав.

Часто изба солдатки или старухи-бобылки служила местом для посиделок, на которых во многих селениях девушки проводили целые дни и вечера, почти не живя дома.

В крестьянском мировосприятии на военную службу часто смотрели как на своего рода подвиг, который солдат совершал за всю семью, к нему питали уважение не только в семье, но и во всем селении. Нередко солдату прощали все прежние прегрешения. Другой причиной возникновения такого ореола вокруг военной службы являлась разного рода «небывальщина», представление самых заурядных событий в преувеличенном и приукрашенном виде. Обидеть и обделить солдата в семье считалось великой несправедливостью, и такой

поступок ложился пятном на всю семью. В некоторой степени такое отношение к солдату переносилось и на его жену. Во время службы мужа бездетная солдатка иногда покидала семью свекра и возвращалась к отцу, который был рад появлению работницы. В этом случае она ничего не получала от семьи свекра. Но чаще солдатка с детьми оставалась в доме свекра. Если она по какой-то причине не уживалась в этом доме, ее отделяли, обеспечив жильем и имуществом, чтобы она могла жить самостоятельно и содержать своих детей. Относительно надела была оговорка, что он дан до возвращения ее мужа со службы, и он сам должен будет решить, отделиться или остаться в доме отца. Также отделяли и бездетную солдатку, если она уходила не к своему отцу и не по своей воле, но солдатка могла стать и во главе дома со всеми вытекающими правами и обязанностями, т.е. положение солдаток было двойственным. С одной стороны, над ними не довлела власть мужа, поэтому они пользовались невозможной в полной семье свободой. С другой – женскими силами редко удавалось полноценно вести хозяйство, материальное благосостояние во многих случаях было очень низким даже в полной семье, вследствие чего значительное число солдаток оказывалось в рядах нищенок и проституток.

Т.Ю. Новинская

*г. Пенза, Пензенский государственный
технологический университет*

Восприятие войны и связанных с ней ситуаций женщинами в тылу

В данной статье автор рассматривает вопросы гендерных особенностей восприятия социальной действительности в условиях военного времени. Если более конкретно, то речь пойдет об отношениях женщин тыла к войне. У автора уже существует ряд статей, посвященных именно этой категории

населения и военному периоду⁷⁵. Однако вопрос восприятия войны женщинами-тыловиками затронут впервые.

Исходя из специфики темы, в работе основу исследовательской базы составляют воспоминания очевидцев и личные наблюдения автора, что позволяет глубже понять объективную реальность, сформировать представление об отношении женщин тыла к войне. Обращение к источникам «живой истории» сегодня крайне актуально, так как рассматриваемый исторический период с каждым годом все меньше и меньше предоставляет нам такую возможность. Также автор использует архивный материал, который формирует общее представление по теме.

Необходимо учесть также, что заявленная тема относится к вопросам повседневности, при рассмотрении которых невозможно обойтись без таких социально-психологических категорий, как субъективные и объективные обстоятельства, человеческие ценности и пр.

Отношение к войне со стороны опрошенных нами лиц, конечно, негативное, но глубина проникновения войны в сознание все же имеет различие. Это различие зависит от целого ряда обстоятельств субъективного и объективного происхождения. К субъективным относятся такие свойства характера человека, как сформированные ценности, восприятие происходящего. К обстоятельствам объективного характера мы относим непосредственное влияние на человека

⁷⁵ Новинская Т.Ю. Роль женщин в общественном производстве в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего: Межвузовский сборник научных трудов. Пенза: ПГТА, 2013. Вып. №8. С. 31-35; Новинская Т.Ю. Провинциалки, горожанки, домохозяйки (1940-е годы) // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем. Материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Т.2. М., 2014. С. 200-204.

события, которое может проявляться через прямое участие, участие близких людей, последствия этого участия и пр.

Так, например, в семьях родных сестер Коршуновых война оставила разные воспоминания. Для младшей, Надежды, она перевернула весь жизненный уклад. Привычная роль домохозяйки стала для нее не единственной. Когда на войну забрали мужа, Надежда стала еще и кормилицей для трех несовершеннолетних мальчишек. Ожидания заканчивались разочарованиями. Горе, причиненное войной, – смерть мужа и гибель сына, страх до последнего дня войны за воюющего сына Степана – оставили сильную боль до конца жизни. Поэтому война составила значительную часть воспоминаний Надежды и ассоциировалась с именами близких, особенно с именем сына Петра: «Война отобрала моего сыночка Петю». Эта потеря затмила все остальное – тяжелый труд, бытовые проблемы.

Старшие сестры не испытали прямого влияния войны. Их воспоминания были главным образом связаны с ограничениями и лишениями, которые присущи военному времени, в том числе и с постоянным страхом, что мужей заберут на фронт. Однако и здесь была существенная разница. Если у Полины муж имел бронь и считался «незаменимым» электриком на железной дороге, то у Александры супруг вел «скрытный» образ жизни.

Вот еще один пример из жизни подростка-девушки. «Война для меня была тяжелым испытанием. Умерла мама. Я старшая. Мне 15. Пришел к отцу председатель и говорит: «Как бы дочь не угнали куда-нибудь. Давай по оргнабору твою Тоню на ткацкую фабрику под Москву отправим пока набор есть». Вот так с 1943 по 1947 годы работала на Купальницкой фабрике в Нагинском районе. Кормили впроголодь. У станка

по 12 часов. Спишь и работаешь. Домой отпустили только в 1947 году»⁷⁶.

Таким образом, одним война заставила вспоминать о ней только с точки зрения лишений, связанных с отдельными благами, воспоминания других были отягощены потерями родных людей.

А вот еще пример: «Пленные немцы на работу и с работы без конвоя ходили. Слышно было, как они колодками стучат. Это такие дощечки веревками к ногам привязывали, чтобы теплее было. С работы вечером возвращаются в бараки, а в саях часто труп везут. Пока идут, все помойки обойдут. В окна стучат. Мамка им часто что-нибудь давала. Все давали»⁷⁷.

И это отношение к войне тоже. Показатель, что в горе люди оставались людьми. «Мамка говорила: «Он сын чей-то. Его мать ждет»».

Действия и поступки людей в сложившейся ситуации дают возможность судить об отношении к событию. Кроме того, что Пензенская область собрала в фонд помощи войны 162 млн рублей, 16 тысяч литров крови, каждый индивидуально помогал как мог. Например, доярка колхоза «Гигант» Кузнецкого района Е.П. Кулакова сдала 100 тыс. рублей⁷⁸.

Широкое распространение получили мероприятия по сбору теплых вещей, продуктов для фронта. Конечно, они проводились под контролем государственных и партийных органов, но изначально инициаторами их были рядовые советские граждане. Анализируя архивные источники, можно увидеть, что женщины с большим пониманием относились к таким мероприятиям: они сами ходили по жилому сектору и агитировали за помощь фронту. Было собрано для воинов 67358 кг шерсти, 17765 полушубков, 59 тыс. пар валенок, 8103 меховых жилета, 124447 пар носков и др.

⁷⁶ Респондент: Сугрובה Антонина Васильевна, 1929 года рождения.

⁷⁷ Респондент: Сугрובов Юрий Григорьевич, 1936 года рождения.

⁷⁸ ГАПО. Ф. Р-148. Д. 501. Л. 31.

Надо отметить, что женщины являлись постоянным объектом внимания партийных органов. Такое внимание во время войны было связано с привлечением женщин к общественному труду и к оказанию разного рода помощи фронту и раненым. Но женщины и сами понимали тяжесть ситуации. Заменяв мужчин на производстве и в сельской местности, они перевыполняли план. Так, работа стельщиков на торфоразработках считалась самой сложной и ответственной. Ушедших в армию стельщиков Телянова, Митина и Юрова заменили девушки Воронина, Евкина и Выгодина, которые в пять дней освоили эту работу, и сейчас они стелют за смену торфяных пластов до 8-9 тыс. штук вместо нормы 6,5 тыс. штук»⁷⁹.

Таким образом, Великая Отечественная война осталась в памяти людей, переживших ее, как явление негативное, страшное. Жили надеждой, что это временное явление, которое закончится. Трудились так, чтобы «...помочь Красной армии», только вот раны остались глубокие. Даже у тех, кто войну в глаза не видел. Она ранила на расстоянии, и боль от этих ран мы могли видеть, и даже ощущаем через поколения.

В.Н. Паршина

г. Пенза, Пензенский государственный университет

«А неравенство я на своей шкуре испытала...»: межличностные аспекты военной повседневности

В современной исторической науке тема участия женщин в войнах и военных конфликтах является одной из наиболее востребованных и актуальных, тем более, если речь идет о событиях Великой Отечественной войны, во время которой прежние гендерные роли были подвергнуты существенному пересмотру. Особую важность в связи с этим приобретает не только исследование опыта включения женщин-

⁷⁹ ГАПО. Ф. Р-148. Д. 501. Л. 11.

военнослужащих в военные практики, но и анализ факторов морально-психологического характера, в том числе и дискриминации по гендерному принципу в экстремальных условиях войны. По мнению И.В. Ребровой⁸⁰, женщина, равная мужчине, – стереотип советского времени, глубоко укорененный на уровне рационализованного мышления, но полностью опровергаемый текстами устных интервью. Материалы изученных письменных и устных воспоминаний показывают, что реального равенства в жизни мужчин и женщин не было ни на войне, ни в тылу. Женщинам было тяжелее вдвойне: приходилось не только воевать, но и отстаивать собственное мнение.

Так, Валентина Гризодубова, олицетворявшая собой победу всех советских женщин, рекордсмен, после сверхдальнего беспосадочного перелета из Москвы на Дальний Восток в качестве командира женского экипажа самолета «Родина» (штурман – М. Раскова, 2-й пилот – П. Осипенко) первой из женщин была удостоена звания Героя Советского Союза. И она же испытала на себе тип отношений «мужского» и «женского», который уже сложился во взаимоотношениях – иерархический, властный, агрессивный.

Во время Великой Отечественной войны, с марта 1942 года она командовала 101-м Авиаполком Авиации дальнего действия (АДД). В отличие от подразделения Марины Расковой, сформированного исключительно из женщин, полк Гризодубовой состоял полностью из мужчин.

Гендерные аспекты военной повседневности максимально полно отражаются в источниках личного происхождения. Так, в воспоминаниях маршала авиации А.Е. Голованова, под

⁸⁰ *Реброва И.В.* Женская повседневность в экстремальной ситуации: по материалам устных и письменных воспоминаний женщин о Великой Отечественной войне // *Российская повседневность в зеркале гендерных отношений* / Отв. Ред. Н.Л. Пушкарева. М., 2013. С. 230.

началом которого служила В. Гризодубова, описывается ситуация со служебным расследованием в связи с жалобой летчицы весной 1944 г.: «Явившись в кабинет секретаря ЦК, к своему удивлению увидел там командира полка В.С. Гризодубову ...Мне было задано значительное количество вопросов, на многие из которых ответить я не мог. Среди таких вопросов были, например, такие: почему полк, которым командует Гризодубова, до сих пор не гвардейский, тогда как другой, организованный в то же время, уже получил гвардейское знамя? Почему командир полка получила мало наград? Почему Гризодубова до сих пор полковник, в то время как она единственная женщина-командир в АДД, и почему ее полк находится на положении пасынка? Почему к нему плохо относится командование? И ряд других вопросов.

В составе АДД находилось много десятков полков, которые входили в состав дивизий, а последние – в состав корпусов. На большинство поставленных вопросов ответить я, естественно, не мог»⁸¹.

В ходе расследования А. Е. Голованов представил информацию о том, что полк Гризодубовой имел низкую дисциплину среди личного состава, а она сама не раз оставляла свою часть, свое отсутствие в полку она всякий раз объясняла поездками к высокопоставленным лицам⁸².

Данные по службе летчицы были предоставлены генералом В.Е. Нестерцевым, командиром корпуса, в которой входила дивизия и полк. Интересным является один из аргументов Виктора Ефимовича: «...видел я много упущений по службе с ее стороны и старался ей в этом помочь, зная, что человек она *не военный*»⁸³.

⁸¹ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная...воспоминания Главного маршала авиации.1941–1945. М., 2007. С. 437.

⁸² Там же. С. 438–439.

⁸³ Там же. С. 439.

Данная оценка вызывает удивление, в армии Валентина Степановна с 1936 г., с 1939 – начальник Управления международных воздушных линий СССР, в 1942 году была назначена командиром 101-го авиаполка Авиации дальнего действия (АДД). На май 1943 года лично совершила около 200 боевых вылетов, в том числе 132 – ночных. Среди многочисленных наград Гризодубовой есть медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

И вряд ли высокое военное начальство, обвиняя ее в частых отлучках, не знало об общественной деятельности летчицы: с 1937 г. она Депутат Верховного Совета СССР, возглавляла Антифашистский комитет советских женщин, член комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942 год). Следует согласиться с сослуживцем Гризодубовой Николаем Лужиным, который отмечал, что выходы «наверх» через головы командования к Маленкову, Ворошилову напрямую ей и не простили.

Мужу, командиру другого авиационного полка, Гризодубова жаловалась в письмах: «Если бы они могли, то просто съели бы меня живьем! Косность, дикое мужское самолюбие! Если «баба» взялась не за свое дело, если (еще больший грех для нее) она имеет здравый ум, видит безобразия и прямо говорит об этом, то принимаются все меры и создаются условия, чтобы она сама отказалась от всего и ретировалась к домашнему очагу. Причем все это делается с любезной улыбкой».

По результатам работы комиссии жалоба В. Гризодубовой была признана ложной, Валентина Степановна была выведена из состава Авиации дальнего действия, стоял вопрос о передаче ее в военный трибунал. Чем же могла противостоять женщина «гегемонной мужественности»? Только проявлением женской слабости. По воспоминаниям А.Е. Голованова, «...на

коленях, в слезах молила Гризодубова о прощении, почему-то больше обращаясь ко мне, чем к секретарю ЦК»⁸⁴.

В вину Гризодубовой он ставил корыстные цели: «она уже видела себя первой в стране женщиной в мундире генерала...». При анализе воспоминаний Главного маршала авиации следует отметить тот факт, что он все время обращается к понятию "женщина": «Я не желаю связываться с этой женщиной! Я не желаю, чтобы моя фамилия, мое имя по любому, даже по такому случаю, упоминалась рядом с фамилией и именем этой женщины». А.Е. Голованов упоминает один раз должность Гризодубовой, но не упоминает ни военное звание Валентины Степановны, ни ее военные заслуги, однако по отношению к мужчинам всегда упоминаются военные чины.

Валентина Степановна в своем интервью Михаилу Захарчуку отмечала: «Я не согласилась, а настояла на том, чтобы меня назначили командовать мужиками. Если честно, генерала хотела получить. И не только, чтобы удовлетворить собственное тщеславие. Славы у меня предостаточно было, есть и будет. А генералов-баб в армии как не было раньше, так и теперь нет. Хотя все талдычат: женщины у нас равны с мужчинами. Ни хрена они не равны. Во время войны женщин офицеров воевало почти миллион человек. И генерала никто не получил. Если бы я создала прецедент, все пошло бы по-иному. А неравенство я на своей шкуре испытала...»⁸⁵.

В мае 1944 г. полковника В.С. Гризодубову отстранили от командования полком, а сразу после войны уволили в запас. Даже с учетом реальных просчетов в рамках служебной деятельности прославленная летчица предстает скорее как жертва системы: мобилизационный вариант модернизации

⁸⁴ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная...воспоминания Главного маршала авиации.1941–1945. М., 2007. С. 443.

⁸⁵ Захарчук М. Пике и взлеты Гризодубовой // Столетие. [Элект. ресурс]: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/pike_i_vzloty_grizodubovoj_933.htm. Дата обращения: 4.05.2015.

проецировал создание и насаждение мифов о героях, однако сами кумиры не осознавали, что их призвали для имитации подвигов, на самом же деле переписывать гендерные роли никто не собирался. Правовой статус женщины-военнослужащего не был защищен мерами позитивной дискриминации мужчин.

М.А. Рыблова

г. Волгоград, Южный научный центр РАН

Женщины-матери военного Сталинграда: практики спасения и сохранения детей⁸⁶

В работе представлены некоторые результаты исследований, проводившихся в 2014-2015 гг. в рамках гранта РГНФ и направленных на изучение детских стратегий и тактик выживания в условиях Сталинградской битвы и преодоления травмирующего опыта войны. Собранные в результате проведения 200 глубинных интервью материалы⁸⁷, дополненные ранее опубликованными воспоминаниями, позволяют также выявить и проанализировать практики спасения и сохранения детей, используемые их матерями в условиях самой кровопролитной в истории войн битвы, одной из особенностей которой стало то обстоятельство, что большая часть мирных жителей (более 700 тыс. чел.) находилась в городе в период ведения в нем боевых действий⁸⁸. Мирные жители города, состоявшие преимущественно из женщин и

⁸⁶ РГНФ проект № 14-31-12036 «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны».

⁸⁷ Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / Под ред. М.А. Рыбловой. Волгоград, 2014.

⁸⁸ Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005. С. 229.

детей, за время Сталинградской битвы пережили массированные бомбовые удары (в результате которых большая часть города оказалась полностью разрушенной), кровопролитные уличные бои и последующее изгнание из оккупированных фашистами районов города и пребывания в концлагерях и на принудительных работах в Германии. Тяжелые испытания выпали и на долю тех, кому удалось эвакуироваться из Сталинграда.

Во всех этих сложных, экстремальных условиях оставшимся без помощи официальных властей и мужчин женщинам приходилось самостоятельно решать проблемы защиты и сохранения своих детей. Анализ собранных материалов позволяет говорить о широком спектре применяемых женщинами практик спасения и сохранения детей, включающих создание бомбоубежищ, добычу воды и пропитания (в том числе практики мародерства и воровства), маскировки и введения врага в заблуждение (навязывание на детей повязок со слом «тиф», переодевания, сокрытие истинного возраста и пола детей) и пр.

Собранные нами материалы показывают также, что в первые дни после 23 августа 1941 г. (начало массированных бомбардировок города) преобладали индивидуальные практики самосохранения и спасения детей, но со временем стали превалировать коллективные формы выживания и преодоления военного насилия, в том числе направленные и на сохранение и спасение детей. Эти практики опирались на имеющийся опыт преодоления экстремальных и кризисных ситуаций, который веками формировался в русской народной среде и хорошо изучен этнологами и культурными антропологами на примере дореволюционной России. Традиционно свойственный русским коллективизм и в годы войны, и в послевоенное десятилетие испытывал второе рождение, показав многие свои преимущества перед индивидуализмом и стратегиями личного выживания. Возвращение к традиционным способам выживания в годы

войны находило выражение в возрождении архаичных форм жизнеобеспечения и производства, в усилении принципов общинности, взаимопомощи; в таких стратегиях поведения, как альтруизм и nepoтизм; во всплеске религиозности. Все эти практики широко использовались женщинами-матерями для спасения своих детей. К числу наиболее распространенных могут быть отнесены:

1. Различные формы общежития, когда под одной (уцелевшей после бомбежек) крышей объединялись несколько семей родственников, соседей или даже случайно встретившихся людей: «... познакомились с жильцами дома на краю поселка. Это были такие же горемыки, как и мы, перебравшиеся сюда из другого района города. Они предложили нам поселиться вместе. Теперь в двухкомнатном домишке стали жить десять человек. Несмотря на тяжелые испытания, мы жили как одна семья»⁸⁹; «Все мы большой семьей держались вокруг дедушки и бабушки»⁹⁰; «Чтобы не потеряться во время войны, к нам поселилась семья моей тетки»⁹¹. Иногда такие практики ограничивались объединением детей из разных семей под присмотром одной женщины; совместными кормежками детей: «А мама и еще двое женщин, тоже с двумя детьми, и одна тетя Паша, у нее трое было детей. Они нашли кусок развалины от старой школы на Советской улице.... И вот так эти женщины организовались, жили такой коммуной... Кто оставался дома, тому детей своих оставляли»⁹².

2. Практики передачи детей на время или отдачи навсегда в другие семьи: «И вот мама опасалась за мое здоровье. Ведь то в окопах, то пешком, то под дождем, а тут питания нет. Женщина одинокая с ребенком, которая напротив в доме

⁸⁹ Воспоминания детей военного Сталинграда. М., 2010. С. 39.

⁹⁰ Сталинградское детство. 23 авг. 1942 года... Волгоград, 2010. С. 69.

⁹¹ Там же. С. 74.

⁹² Дети и война... С. 266.

жила, попросила маму, чтобы я пожила у нее, а заодно и за ребеночком ее присмотрела. Ну, и мама отдала меня туда сначала»⁹³; «Все радовались, а я плакала. Жители села меня успокаивали и привели каких-то людей, которые, не раздумывая, взяли меня к себе. У них своих детей не было. У них было хорошо»⁹⁴; «Через нашу станцию «Бекетовка» шли эшелоны с детьми из Ленинграда. Наша мама бегала к проходящим поездам в надежде взять кого-то из детей для спасения»⁹⁵.

3. Женщины-матери и их старшие дети, после того как мирных жителей фашисты выгнали из города, нанимались в работники или выполняли временную наемную работу, ходили по домам, прося милостыню: «Есть совсем стало нечего. Дошло до того, что однажды мама нас отправила милостыню просить по селу. Брат бойкий у нас был. Он никогда не стеснялся, часто ходил, а больше так – зайдет к кому-нибудь и спросит, может, кому дровишек нужно поколоть или еще что-нибудь сделать. Вот он сделает дело, и ему сунут что-нибудь. Пшеницу, хлебушек, тыквы приносил»⁹⁶; «Для вспашки приусадебного участка хозяин дома заставил маму и тетю Олю впрячься в плуг, сам управлял плугом, а у мамы и Оли текла кровь из носа. Выживание было тяжелым»⁹⁷.

4. Вспоминали женщины в условиях бомбежек и боев и нередко позабытые молитвы, обучали им детей. Возрождение религиозности в период Великой Отечественной войны фиксировалась и среди мирного населения, и на фронте. Американская исследовательница Ненси Рис считает, что для русских в период чрезвычайных ситуаций характерно

⁹³ Там же. С. 221.

⁹⁴ «Сталинградское детство». С. 60.

⁹⁵ Там же. С. 91.

⁹⁶ Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 90.

⁹⁷ С. Там же. 52.

обращение к жанру жалоб, адресованных людям. По ее мнению, эта традиционная тактика русских в трудные времена выработалась как замена прежней молитвы-литании⁹⁸. Однако материалы времен Великой Отечественной войны показывают, что в эпоху настоящих катастроф возрождается молитва в истинном ее смысле, значении и адресации. Иррациональность происходящего включала глубинные механизмы памяти; и это, конечно, не американский подход к ситуации: *«Когда шел бой, мы все становились на колени – так нам мама велела»*⁹⁹; *«У всех детей была написана молитва «Живые помощи»*¹⁰⁰.

5. Экстремальными даже для системы традиционных практик выживания стоит признать случаи, когда женщины предпочитали смерть одного ребенка для спасения других: *«А еще мама говорила, когда началась бомбежка и все в блиндаж спрятались, спустились в блиндаж, а сестренка осталась на улице. Представляешь? И тетушка кинулась туда за ней, а мать ее обратно тащит: «Пусть лучше ее убьет, чем вас двоих»*¹⁰¹; *«Потом мама пошла, куда не знаю, они пришли двое, посмотрели. Один говорит: «Ей нужно обязательно ампутировать руку». Отрезать руку, я как это услышала... «А то она умрет». А мама говорит: «Пусть она лучше умрет, а то у меня их четверо, и девка будет без руки». Ну, может быть, она это от простоты сказала, безграмотный была человек, но очень добрый»*¹⁰².

Нередкими были случаи, когда женщины предпочитали единовременную гибель свою и детей практикам спасения кого-либо из членов семьи (сознательно рассаживались в бомбоубежищах «голова к голове, чтобы погибнуть всем

⁹⁸ Рус Н. Русские разговоры: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. Пер. с англ. Н. Кулаковой и В.Б. Гулиды. М., 2005.

⁹⁹ Сталинградское детство. С. 74.

¹⁰⁰ Там же. С. 135.

¹⁰¹ Дети и война... С. 234.

¹⁰² Там же. С. 238.

сразу»; женщина-мать повела за собой всех детей, когда немцы заставили ее уносить с дороги мину, и пр.).

О героизме и жертвенности своих матерей вспоминали почти все наши респонденты, рассказывая многочисленные случаи, когда женщины в условиях войны оберегали и спасали своих детей исключительно женскими способами: после депортации мирных жителей возвращались в разрушенный город, где шли непрекращающиеся бои, для того чтобы добыть закопанные теплые вещи и вернуться обратно к детям; падали с криком на мешок с мукой или детское одеяло, чтобы помешать вооруженным вражеским солдатам их отобрать, насильственно выкармливали детей помоями с помощью газетного рожка и пр. Во всех применяемых женщинами практиках спасения детей не было жестокости, но за ними стояла негибкая сила материнского чувства. Вместе с тем, наряду с этим чувством, имеющим как природные, так и социальные истоки, на поведенческие стереотипы женщин-матерей в экстремальных условиях войны оказывали влияние и четко выраженные культурные установки.

И.В. Синова

*г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет*

Женщины в блокадном Ленинграде: практики повседневной жизни

Гендерные различия в период войн и вооруженных конфликтов имеют свои особенности. С одной стороны, они достигают своей поляризации, а с другой, женщины вынуждены совмещать свои обязанности с чисто мужскими, не свойственными им функциями, которые в мирное время являются прерогативой исключительно сильного пола. В блокадном Ленинграде женщины не только заменили мужчин на производстве, рыли окопы, становились бойцами МПВО, но и ежедневно должны были решать сложные для военного

времени вопросы повседневности, и от этого зависели как условия и качество жизни каждого из членов семьи, так и в целом их здоровье и, главное, жизнь. В значительной степени на женских плечах лежала не только забота о детях и близких людях, но и налаживание быта, повседневной жизни, а, по сути, – организация борьбы за выживание.

К повседневным аспектам жизни в годы блокады Ленинграда можно отнести прежде всего вопрос, связанный с едой. С одной стороны, имела место карточная система распределения хлеба, а с другой, каждая семья, каждый ленинградец с учетом имевшихся запасов продуктов, возможности что-то купить или выменять, собрать овощи, растения, грибы, поймать рыбу, а порой и проявляя изобретательность, решали эту проблему индивидуально.

В каждой семье были свои особенности организации повседневной жизни. Народная артистка СССР Алиса Фрейндлих, которой в начале блокады было шесть лет, вспоминает: «Главное впечатление моего детства – война, блокада. Хорошо помню, как напряженно смотрела на часы: когда же стрелка наконец дойдет до нужного деления и можно будет съесть крохотную дольку от пайки хлеба? Такой жесткий режим устроила нам бабушка – и потому мы выжили...»¹⁰³.

В газете, посвященной 70-летию Победы, выпущенной ОАО «Лукойл» «Помним, гордимся!», приводится рассказ блокадницы, о том, как во время бомбардировки она упала в сугроб около набережной, а когда очнулась, увидела, что вокруг нее в снегу бьется рыба. Бомба попала в Неву и взрывом выбросила из нее косяк рыбы. Откуда силы взялись она не помнила, но собрав рыбу в подол, бросилась домой, где, сварив ухи, накормила мать и двоих детей. Как она говорила, эта ниспосланная с небес рыба позволила им пережить ту зиму

¹⁰³Официальный сайт Алисы Фрейндлих [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.alisa-freindlih.ru/page/7dney_October2012.html

и дожить до лета¹⁰⁴. Но этот случай был редким чудом. Преимущественно женщины должны были преодолевать все трудности благодаря своей силе воли, чувству ответственности за детей и других близких людей, развившейся у многих способности в экстремальных условиях дисциплинировать себя и окружающих, мобилизовать остаток сил и находить порой нестандартные способы решения проблем.

Еще один вопрос повседневного быта, который приходилось решать женщинам в условиях неработающего водопровода и канализации, – это вопрос гигиены. И каждая семья решала его по-своему, в зависимости от места проживания и близости от дома рек. Блокадница Г.П. Афанасьева рассказывает о своей маме, что у нее хватало сил и мужества нас мыть раз в десять дней. «Ставила тазик, наливала туда чуть-чуть теплой воды (мы книги жгли), ставила другой тазик – еще чуть-чуть теплой воды... Вода появлялась в ведре. За водой меня мама никогда не посылала. И я не задумывалась, откуда она. Видимо, мама ее приносила, хотя мне говорила, что не может ходить, – хотела, чтобы я ходила за хлебом. А мы жили на пятом этаже»¹⁰⁵. Другая жительница блокадного Ленинграда З. Н. Смирнова вспоминает, что они не мылись с ноября 1941 года по март 1942 года. «Воды не было, до Невы нам было не дойти... Мама иногда нас тряпочкой обтирала»¹⁰⁶. Такие простые вопросы повседневного быта в мирное время в условиях блокады требовали и физических усилий, и изобретательности.

Чрезвычайно важным для жителей блокадного Ленинграда было, несмотря на истощение и слабость, не переставать двигаться и хоть что-то, пусть и не очень значительное, делать и ощущать себя полезными для близких людей. Тот, кто

¹⁰⁴ Дожить до лета // Помним, гордимся! С. 7.

¹⁰⁵ *Добротворская К.* Блокадные девочки. М.: Новое издательство, 2013. С. 18.

¹⁰⁶ Там же. С. 29.

понимал это, фактически спасался сам и спасал свою семью. Радиожурналист Л.Е. Маграчев, передавший в дни блокады Ленинграда в эфир около тысячи репортажей, в своих воспоминаниях пишет: «Без труда, непрерывного, постоянного труда, нельзя было выжить. Те, кто забывал об этом, уходили из жизни первыми»¹⁰⁷. Таким образом, а не только лишним кусочком хлеба, многие родители спасали своих детей. «Я все-таки подняла дочку и заставила натирать пол, правда без мастики. На нее были возложены обязанности по хозяйству, нелегкая задача хождения в булочную»¹⁰⁸. Те женщины, которые понимали, что движение и хоть какой-то полезный труд и ответственность за его выполнение не только помогут психологически, но и спасут жизнь, в конечном итоге помогали своим детям. Е. Синотова вспоминает, что, когда стали ухолить силы, «мама решила: надо двигаться. Мы ходили пешком до Никольских рядов, потом возвращались и только после этого позволяли себе обедать»¹⁰⁹.

Другая юная ленинградка, пережившая блокаду, вспоминает: «Нас мама выгоняла на улицу в мороз! Чтобы не залеживались. Ведь гибли те, кто лежал. Те, кто легли, так и остались лежать. Много было таких, кто не сопротивлялся. Но у нас мама жесткая была, подзатыльник могла отвесить еще как! Если бы я, например, пришла и стала ныть, что двойку получила, что учительница такая-сякая, мама бы меня отлупила. Так что мы все время выходили на улицу, хотя была такая слабость, что вставать не хотелось, конечно»¹¹⁰. Слабость, безусловно, испытывали и женщины, но ответственность за своих детей и старшее поколение не

¹⁰⁷Маграчев Л.Е. Репортаж из блокады. Л.: Лениздат, 1989, С. 141–142.

¹⁰⁸Там же. С. 142.

¹⁰⁹Школа жизни. Воспоминания детей блокадного Ленинграда. М.: АСТ, 2014. С. 103.

¹¹⁰Добротворская К. Указ.соч. С.65.

позволяли им ее проявлять, т.к. они не только работали, чтобы получать рабочую карточку, но на них держался дом. И такой, порой жесткий, режим, дисциплина и организованность спасали жизни людей.

Война всегда сопряжена со смертью, которая становится явлением повседневной жизни и приводит к атрофированию чувств и эмоций. Многие дети в годы блокады выжили прежде всего потому, что взрослые, особенно матери и бабушки, в каждой семье спасали в первую очередь детей, отдавая свою мизерную пайку хлеба и последние крохи любой еды малышам.

Н.Х. Спицына

г. Москва, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая» РАН

Динамика репродуктивных процессов в сельских популяциях Приазовья послевоенного периода

Микроэволюционные процессы, происходящие в современных популяциях человека, многообразны. В полной мере это относится к популяциям Европейской части страны, в генетической структуре которых отразились последствия демографических изменений, вызванных Отечественной войной¹¹¹. Исследовались материалы посемейного опроса населения и данные похозяйственных книг сельских Советов:

¹¹¹Григулевич Н.И., Спицына Н.Х., Спицын В.А. Особенности естественного движения населения Российской Федерации // Пермский медицинский журнал. 2012. Т. XXIX. № 2. С.134-140; Спицына Н.Х. Антропогенетическое изучение греческих и албанских популяций Приазовья // Греки России и Украины. СПб.: 2004. С. 542-549; Григулевич Н.И. Смертность от внешних причин в регионах России // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2013.

пос. Красная Поляна, Новоселковского района, пос. Староласпа, Тельмановского района Донецкой области, а также пос. Девнинское и Георгиевка Приазовского района Запорожской области Украины. В Красной Поляне компактно проживают понтийские греки, говорящие на румейском языке; в Староласпе – татароязычные греки – урумы; в поселках Девнинское и Георгиевка – этнические албанцы. Сбор генетико-демографической информации был осуществлен во время экспедиционного выезда 1989 г. Собранные данные вносились в демографические анкеты¹¹². Составлялись также родословные каждой семьи с максимальной глубиной охвата поколений. Общая численность групп колеблется от 539 человек (пос. Девнинское) до 4619 (пос. Красная Поляна); число семей варьирует от 167 до 1622.

Обращает на себя внимание превалирование числа женщин во всех исследованных группах. Соотношение мужчин и женщин везде ниже 1. Однако в репродуктивном возрасте, определенном нами в интервале от 18 до 45 лет для женщин и 18 – 50 для мужчин, доминируют лица мужского пола как в популяции греков, так и албанцев. Во всех группах обнаружено снижение доли возрастной группы от 0 до 20 лет. Об этом же свидетельствует низкое значение среднего числа детей, приходящееся на одну женщину: от 1.78 (пос. Староласпа) до 2.36 (пос. Георгиевка). Дисперсия этой величины (σ_k^2) во всех группах ниже самого значения среднего числа детей, в популяциях действует система планирования размеров семьи. Обращает на себя внимание эффект резкого постарения популяций Приазовья. Репродуктивный объем популяций греков и албанцев примерно одинаков и составляет от 39 % до 41. Популяции

¹¹² Пасеков В.П., Ревазов А.А. К популяционной генетике населения Европейского Севера СССР. Сообщ. 1. Данные по структуре шести деревень Архангельск. Обл. // Генетика. 1975. Т. 2. № 7. С. 145-455.

сохраняют свою численность в основном в результате миграционного прироста. В наибольшей степени это выражено в пос. Староласпа и Девнинское, в которых наблюдаются тенденции устойчивого снижения рождаемости и, в среднем, на брачную пару приходится менее 2-х детей.

Анализ параметров репродуктивной способности женщин гречанок и албанок Приазовья, закончивших период репродукции с учетом значительного объема пострепродуктивной возрастной группы, позволил вычленить в ней две выборки семей: раннюю возрастную когорту составили женщины, завершившие репродукцию к 1960 году (I), а позднюю (II) – закончившие репродукцию в 80-е годы. В группе I во всех популяциях среднее число живорождений выше. Напротив, среднее число аборт в несколько раз больше у лиц когорты II. Следует отметить, что особенно (в 10 и более раз) велико наблюдаемое различие у албанок. Во всех популяциях наблюдается резкое снижение детской смертности в поздней пострепродуктивной группе лиц и, соответственно, в суммарной характеристике. Сокращение числа рождений, отмечаемое выше в поздней когорте, привело к снижению в них среднего числа детей, доживших до репродуктивного возраста. Представляет особый интерес произошедший в популяциях резкий переход к мерам по планированию размеров семьи. Если раньше у албанок только 0,03 – 0,05 % от общего числа беременностей завершалось аборт, у гречанок эта величина составляла 16 - 31 %, то в группе II она уже составляет соответственно 45 – 46 % и 57 – 66 %. В итоге по суммарным характеристикам от 28 до 36 % у албанок и от 45 до 56 % беременностей у гречанок не заканчивается родами.

Рассчитанные индексы потенциального отбора и составляющие его компоненты в популяциях показывают, что у женщин пос. Красная Поляна различия по индексам дифференциальной смертности (I_m), дифференциальной

плодовитости (I_f) и индексу потенциального отбора (I_{tot}) незначительны¹¹³. Напротив, в пос. Староласпа, Девнинское и Георгиевка ранняя когорта (I) имеет более чем двукратное превышение индексов потенциального отбора и составляющих его компонентов в сравнении с поздней (II). Поэтому особый интерес представляет подсчет индексов потенциального отбора с учетом существования эмбриональных потерь¹¹⁴.

Таким образом, в популяциях Приазовья, переживших оккупацию и все тяготы Великой Отечественной войны, был выявлен механизм «демографического перехода» в поколениях от естественного характера репродукции к практике жесткого искусственного контроля рождаемости и регуляции численности потомков в браках.

А.О. Холявин

г. С.-Петербург, Европейский Университет в С.-Петербурге

Забота о ветеранах: гендерный аспект

Среди пожилого населения в России особое место занимают ветераны. Благодаря культурным и национальным особенностям государственности, именно они являются наиболее привилегированной (в относительном смысле) группой среди лиц старшего возраста. Безусловно, особое место среди всего разнообразия ветеранов занимают именно ветераны боевых действий (и особенно – Великой Отечественной войны).

¹¹³ *Crow J.F.* Some possibilities for measuring selection intensities in man // *Human Biol.*, 1958, 30. P. 1-13; *Спицына Н.Х.* Проблемы исторической генетики. М., 1993. С. 236; *Спицына Н.Х.* Демографический переход в России: антропогенетический анализ. М., 2006. С. 212.

¹¹⁴ *Jonston F.E., Kesinger K.M.* Fertility and mortality differentials and their implications for microevolutionary change among the Cashinahua // *Hum.Biol.* 1971. V. 43, N 3. P. 356-364.

На фискальном уровне государство выделяет наиболее высокие выплаты (пенсии, льготы, пособия) именно ветеранам. Кроме того, забота о ветеранах является общественно поддерживаемой обязанностью любого гражданина. Как следствие, забота о ветеранах включает в себя скидки на товары и услуги в коммерческих организациях, а также особое внимание со стороны гражданского общества. При этом социальные НКО работают с ветеранами поскольку-постольку (по мере поступления грантов либо в связи с фокусом на медиализированную помощь, т.е. оказывая помощь физически нездоровым людям, которых значительно больше среди лиц старшего поколения и, соответственно, ветеранов). В свою очередь, «ветеранские организации» – целый спектр НКО, зачастую структурно и ресурсно зависимых от государства – являются одними из самых заметных легитимизированных государством лоббистов и групп самопомощи. Именно ветеранские организации имеют доступ к законодательству и policy making как через формализованные институты сотрудничества с государством (например, общественные советы), так и через неформальные, клиентелистские связи между достаточно влиятельным руководством ветеранских организаций и представителями власти, занимающимися социальной политикой.

В целом формы заботы (care) о ветеранах можно разделить на несколько видов. Во-первых, это регулярные поздравления с праздниками (внимание со стороны государства и негосударственных организаций), выражающиеся в некой единовременной денежной помощи и небольших символических подарках. Во-вторых, речь идет о создании условий для ведения здорового образа жизни (например, проекты по медиализации, доступу к оздоровительным процедурам). В-третьих, речь идет об удовлетворении культурно-социальных потребностей ветеранов путем создания условий для посещения учреждений культуры (например, бесплатные походы в театр) или занятий самодеятельностью, а

также общения (это – одна из основных потребностей пожилого человека, особенно если он одинок). В-четвертых, создаются условия для вовлечения ветеранов в гражданскую активность (однако в большинстве случаев речь идет не о волонтерстве, социальных проектах, участии в местном сообществе, а, например, о доступе к депутатам или иным влиятельным представителям власти для представления своего видения решения государственных проблем либо удовлетворения собственных нужд).

Характерно, что многие из ветеранских организаций, призванных заботиться о пожилых людях либо представлять их интересы, зачастую занимаются обслуживанием интересов государства, мобилизуя ветеранов для политических акций или голосования, привлекая к патриотическому воспитанию молодежи.

Соответственно, сама социальная политика (негосударственная в данном случае, но это характерно и для государства благосостояния в России) – патерналистская, основанная на объективации ветеранов, при жесткой иерархии, где *stake-holder* и актер – это лидер организации, а не получатель заботы, рядовой ветеран. Кроме того, распределение ресурсов и формы заботы сильно зависят от региона (и например, идет ли речь о городе или селе). Это воспроизводит неравенство, сокращая коридор возможности получить достаточную социальную безопасность. Как следствие, социальные работники на местах вынуждены прибегать к личностному подходу, зачастую в нарушение норм и принципов, заключенных в государственных нормативных актах, так как последние не отражают реалии и плохо адаптированы к разнообразию социо-экономического состояния дел в стране (Кау 2013).

Кроме того, что забота о ветеранах в России носит патерналистский и идеологизированный характер, она еще и способствует воспроизводству гендерного неравенства и элементов патриархатного общества. В первую очередь я

говоря о гендеризации профессий, связанных с заботой о пожилых людях. Так, сиделки, няни, социальные работники, проектные менеджеры НКО, волонтеры – это в основном женщины. Речь идет о представлении, что забота – это врожденное женское качество. Соответственно, ниша «заботящегося» занимается в основном женщинами. Зачастую выполняемая ими работа – трудная, энергоемкая, требующая личного вовлечения (эмоциональной работы). При этом оплата труда в данной сфере крайне низкая. Как следствие, женщины оказываются в уязвимом положении (экономически и социально).

В заключение стоит сказать, что забота о ветеранах – это сфера столкновения социальной политики и государственной идеологии. Как следствие, социальная политика здесь одновременно и броская (значительная в объемах помощь, приоритетность) и сильно ограниченная в «глубине» и разнообразии. Ветераны рассматриваются не как активные акторы, а как пассивные получатели заботы. При этом чем дальше от федерального центра и крупных городов, где есть социальные НКО, готовые предоставить альтернативную социальную помощь людям пожилого возраста, тем более патерналистские формы принимает забота.

Э. Эндерляйн

Университет г. Страсбурга (Франция)

Женщина на военной службе:

путь личностного развития или жизненная коллизия?

В русской культуре от ее истоков и до наших дней очень популярен образ женщины-солдата. В этой связи интерес вызывают две женщины, представленные в художественной литературе XIX и XX вв. Первая героиня прославилась своими автобиографическими «Записками», вышедшими в начале XIX века, а вторая вышла из-под пера советского писателя Алексея Толстого и стала парадигмой многочисленных женщин, активно участвовавших в гражданской войне.

Автор «Записок» – Надежда Дурова, молодая аристократка, в 1806 г. покинула родной дом и семью, представилась мужчиной, добровольно поступила на военную службу в уланский полк и прославилась военными подвигами под именем Александра Александрова. В 1836 г. она публикует мемуары, в которых описывает становление своего «Я»¹¹⁵. Её яркая биография восстанавливает на наших глазах Россию XIXв., которая, с одной стороны, – полицейское государство, а с другой – страна равных возможностей, где исключительная женщина может добиться полной свободы благодаря благословию самого царя. Александр I, узнав о её секрете, не выдал его, а за героизм наградил высшим знаком военного отличия – Георгиевским крестом за спасение раненного в бою солдата¹¹⁶.

Если проводить параллель с рассказом, появившимся в СССР спустя 100 лет, возникает парадоксальная ситуация. Революционная идеология, требуя полного разрыва с устаревшими ценностями буржуазного общества, провозглашает полное равенство полов. На фоне социальных катаклизмов и гражданской войны тысячи женщин облачались в военную форму, чтобы перевоплотиться в ту, которую принято было называть «новая женщина». Именно этот феномен использовал Алексей Толстой как сюжетную основу своего рассказа "*Гадюка*", опубликованного в 1928 году.¹¹⁷ Попробуем сравнить оба произведения, объединенных одной тематикой.

Мемуары Надежды Дуровой были опубликованы под мужским именем в 1836 году под названием «*Кавалерист-*

¹¹⁵ Дурова Н.А. Кавалерист девица, происшествие в России. СПб, 1836.

¹¹⁶ О подобных примерах в французской армии во время революции можно прочитать статью Dominique Godineau «De la guerrière à la citoyenne», in *Clio*, 20/2004. P. 43-69.

¹¹⁷ Толстой А. Гадюка. М., 1928.

девица. Происшествие в России». Это автобиографическое "Я", связывающее автобиографа, повествователя и главное действующее лицо, существует и строится только благодаря тексту. Изучая это явление, мы можем найти подтверждение концепции Джудит Батлер о "гендерном перформансе" (*performance*), **о конституировании** гендерной принадлежности¹¹⁸.

Объясняя причины, которые пробудили в ней желание перестать быть женщиной, Дурова прибегает к самоанализу и пытается постичь свою собственную сущность, которую она, по сути дела, называет «другой», так как она отличается от окружающих ее девочек. Этому она находит множество объяснений: фатальность, неприятие её матерью, которая, желая иметь сына, родила дочь. Персонаж матери, превосходно иллюстрирующий теорию Лакана о вездесущей материнской силе, угрожающей и вызывающей чувство фрустрации, в то же время представляет собой модель матери как человека восставшего, отказывающегося подчиниться своему мужу, но так и не сумевшего полностью освободиться от этого повиновения.

Таким образом, прослеживается переход от идентификации себя с матерью (агрессивной и жестокой) к идентификации с отцом, источником любви, сочувствия и свободы. Но если жажда свободы, понятая как становление Себя, обосновывает данную трансгрессию, то полного разрыва с Женским никогда не происходит, и апеллятивная функция сохранена на протяжении всего текста, обращенного к девушкам, жертвам патриархальных стереотипов¹¹⁹.

¹¹⁸Sidonia Smith. Performativity, Autobiographical Practice, Resistance, in: Sidonia Smith, Julia Watson, (eds) *Women, Autobiography, Theory: a Reader*. Madison: University of Wisconsin Press, 1998. P. 109.

¹¹⁹Myriam Goller. Nadežda Durova in ihrer autobiographischen Prosa. Einordnung eines Phänomens, in: Christina Parnell (Hrsg.), *Frauenbilder*

Во второй части новичок военной жизни получил свободу, но, несмотря на это, он далёк от идеализации героизма военных действий, наоборот, он описывает все ужасы и жестокости военной жизни. Верный самому себе, главный герой-мужчина сохраняет женский взгляд на войну, он постоянно придерживается позиции «Другого». В заключение подчеркнем в высшей степени «персоналистский», личностный характер описанной здесь судьбы.

Алексей Толстой также описывает подобный опыт: героиня рассказа отказывается от традиционной женской судьбы и поступает добровольцем на военную службу в кавалерийский эскадрон Красной армии. Её мотивация и социальное происхождение отличаются от тех, которые были у Дуровой. Главная героиня, Ольга Зотова, происходит из зажиточной буржуазии и живет благополучно, мечтая о замужестве и детях. Но гражданская война ставит под угрозу сам факт её существования. Зотова теряет всё, что некогда составляло основу жизни. Она вынуждена отказаться от своего социального статуса, чтобы предстать в новом образе, более соответствующем сложившейся ситуации. В произведении акцент поставлен на сложные ситуации и психологическую инфантильность героини, которые делают ее жертвой обстоятельств. Она находит опору в Дмитрие Васильевиче Емельянове, командире Красной армии, в которого Зотова влюбляется и который поддерживает беспомощную девушку в такой непростой ситуации.

Используя накладывание рассуждений одно на другое и игру фокализаций¹²⁰, автор противопоставляет два мира, один

und Weiblichkeitsentwürfe in der russischen Frauenprosa, Frankfurt, Berlin, Bern, New-YorkParis, Wien, Peter Lang, 1996. P. 85.

¹²⁰См.: *Жерар Женетт*. Фигуры. В 2-х томах. М: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.

из которых, мужской, берёт вверх и приобретает все большую значимость в произведении и в обществе того времени. Зотова становится кавалеристом Красной армии. Военные походы превращают ее в «товарища». Из «слабого пола» Ольга Вячеславовна переходит в разряд «сильного». Находясь в эскадроне, Зотова растворяется в общей массе других фронтовиков, превращаясь в товарища-солдата. Уничижительное сравнение ее с гадюкой красной нитью проходит через всё произведение. После окончания войны мир главной героини рушится и потеря любимого человека лишает её жизненных сил и мешает ей осуществить вторую перемену, необходимую для приспособления к новым реалиям общества. На смену аскетизму приходит любовь. Таким образом, возникает противоречие, которое подтверждает утверждение Мишеля Фуко: в истории парадоксальным образом освобождение и репрессия сопутствуют друг другу¹²¹.

На смену традиционным ценностям, в социальной сфере появляются новые направления. Первое – распространяет идею полиандрии, в результате чего сексуальные отношения сводятся до удовлетворения физической потребности. Героиня Алексея Толстого попадает под влияние второго, восхваляющего революционный аскетизм, примат социальной борьбы над личным счастьем. Для женщин оно выражается в подражании мужскому поведению. Но смена военной парадигмы требует нового перевоплощения. Этот последний шаг оказывается непреодолимым для героини. Зотова жила, лишая себя сексуальности. А спустя некоторое время «биологический фактор» входит в свои права: после периода траура она полюбила другого мужчину. Выбор ее не удачен, а чувство не взаимно. Чужая в этом новом обществе, в последнем порыве страсти она убивает свою соперницу. Произведение начиналось с заявления об убийстве в

¹²¹ « Michel Foucault et l'histoire des femmes » in, *Aurisque de Foucault*, Paris, Editions du centre Pompidou, 1997. P. 95-107.

полицейском участке, и последние строчки рассказа замыкают круг. Образ "Гадюки" оказывается неразрывно связанным с преступлением, выступая в двух ипостасях: в виде жертвы и в виде исполнителя. Её драма заключается в нерешенности сложившегося конфликта между половым инстинктом и идеологией времени. Вся история Ольги Зотовой была бы превосходным сюжетом для психоанализа по теории Фрейда о подавлении желания или по Лакану с его пониманием речи Другого как составная часть субъективности.

Также как и воспоминания Дуровой, рассказ Алексея Толстого вызвал громкий резонанс. Зотову обвиняли, осуждали её иллюзии, её неспособность ужиться в новом обществе¹²². Проблема, на наш взгляд, состоит в постоянной зависимости героини от мужчины, подтверждая тезисы Бурдьё о «мужском господстве»¹²³ и социологические исследования, ставящие акцент на бессменный характер высшей мужской власти¹²⁴. Отметим также, что в советской литературе того времени можно найти немало подобных произведений, вышедших из-под пера как женщин, так и мужчин (Ольга Сейфуллина *Виринея* (1925), Мариэтта Шагинян *Приключения дамы из общества* (1924), Юрий Олеша *Зависть* (1928), Леонид Леонов *Вор* (1927)).

В заключение отметим, что сравнение этих двух произведений вводит нас в сердце современных дискуссий о гендере. Мы постарались показать, что "девушка-гусар" сумела построить себя через литературу как личность самостоятельную, невзирая на нормы. В рассказе же Алексея Толстого выражается преждевременная критика новой

¹²² Николаев П. Русские писатели 20 века. Биографический словарь. М.: изд. Рандеву, 2000. С. 689.

¹²³ Pierre Bourdieu. La domination masculine. Paris, Seuil, 1998.

¹²⁴ Jacqueline Laufer, Catherine Marry et Margaret Maruani. Masculin-Féminin: questions pour les sciences de l'homme. Paris, Presses universitaires de France, 2001. P. 61.

идеологии, которая действительно приведет к присвоению Женского Мужским. Но это также эссенциалистский дискурс, укрепляющий стереотипы о биологическом предназначении женщины, в то время как произведение Дуровой показывает, как разграничение полов стирается в тексте, ставя нас перед постмодернистскими вопросами.

Раздел 3. ВОЙНА В ЖЕНСКОЙ И ДЕТСКОЙ ПАМЯТИ

Ю.В. Аргудяева

г. Владивосток, ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН»

Великая Отечественная война глазами детства

Мои детские воспоминания о Великой Отечественной войне больше связаны с образом матери – Ходасевич Марии Павловны, т.к. именно она была с нами рядом в этот период. Она выросла в крестьянской среде, в юности, в 1920-е годы, попала в г. Хабаровск, где работала санитаркой в больнице, вступила в комсомол. За хорошую производственную и общественную деятельность была награждена путевкой на рабфак при Государственном Дальневосточном университете (г. Владивосток), после окончания которого поступила в Хабаровский медицинский институт и закончила его в 1935 г. В 1940 г. наша семья переехала из г. Хабаровска в с. Иннокентьевку Нанайского района Хабаровского края, недалеко от г. Комсомольска-на Амуре.

Начало войны мне, пятилетней, запомнилось таким моментом: от берега медленно отплывала, буксируемая катером, баржа, заполненная мобилизованными мужчинами, там был и мой отец. На берегу остались плачущие женщины с детьми.

Мать лечила не только жителей Иннокентьевки, но и обслуживала несколько окрестных нанайских стойбищ, куда было нелегко добраться: ее и пургой заносило, и тонула в реке.

Практические каждую ночь она уходила на вызов. Мать никогда никому не отказывала в медицинской помощи, вела большую работу по профилактике здорового образа жизни не только среди жителей села, но и, особенно, среди нанайцев, у которых женщины еще в конце 1930-х – начале 1940-х гг. рожали по традиции без посторонней помощи, в шалашах.

Дома мы ее практически не видели. Заботу о нас с сестрой взял на себя приехавший в деревню дед по материнской линии. Да и мы, дети, выросли и становились самостоятельными довольно рано. В шестилетнем возрасте, как и мои сверстники, я уже научилась рыбачить. Обрабатывать огород мы тоже начали с этого возраста. Пищевой рацион разбавляли таежными ягодами и грибами. Хорошо запомнились мне и лепешки из икры карася и размолотых желудей, неприятный вкус последних помню до сих пор. Желуди мы всегда собирали для свиней, но иногда ели и сами.

Война внесла свои коррективы в жизнь всего населения. Лозунг «Все для фронта, все – для победы!» выполнялся всеми. Мы, дети, еще посещавшие детский сад, уже собирали различные лекарственные травы и плоды – пастушью сумку, подорожник, полевую ромашку, плоды шиповника; обрывали цветы липа с веток, нарубленных нам взрослыми. В поход за лесным разнотравьем отправлялись всей детсадовской группой вместе с воспитательницей. Мы знали, что это необходимо для фронта, для победы. В этом же детсадовском возрасте я уже «переписывалась» с военнослужащими. Читать я уже умела, а писать – нет. За меня писали мама или дедушка. Я переписывалась с двумя военными, один – рядовой, другой – офицер, воевавший на Западном фронте. В оккупации у него остались две дочери моего с сестрой возраста. Переписка чаще начиналась после того, как военнослужащий получал посылку из тыла. Многие сельчане их тогда посылали. Адрес был один: «Бойцу, на фронт». Содержание посылки было скромным: бритвенный прибор, который собирали взрослые, полотенце с вышитым собственноручно рисунком, простой карандаш,

несколько печенюшек. Муку, выдаваемую как и хлеб, по карточкам, старались не есть, собирали ее для этой выпечки. Пекли обычно на кедровом масле, а масло добывали из орехов, которые мы, дети, щелкали – так большинство из нас и зубы потеряли.

Жизнь оставшихся в тылу женщин и пожилых мужчин также едиными мыслями была связана с фронтом – на войне или на военной службе были их сыновья, братья и сестры, мужья. Мой отец не принимал участие в военных действиях на Западном фронте. Его часть всю войну простояла под г. Спасском Приморского края, т.к. все ожидали нападения Японии. И только в 1945 году их часть отправили в Маньчжурию воевать с японцами.

В Иннокентьевке мама готовила для фронта сандружинниц. Девушкам надо было знать, как правильно вынести раненного с поля боя, какие сделать перевязки при разного рода ранениях. Они знали, что были не только огнестрельные, но и «колющие» раны – от холодного и штыкового оружия. Вот эти типы перевязок девушки учились делать на нас с сестрой. И когда учеба закончилась и им выдавали в клубе различной степени значки БГТО (Будь готов к труду и обороне), такие же значки получили и мы с сестрой. Многие из этих девушек ушли на фронт и попали на передовую. Патриотизм среди населения был большой, многие буквально рвались на фронт.

А в окрестной тайге готовили партизанские базы на случай нападения Японии. Опыт создания партизанских баз и отрядов во время Гражданской войны на Дальнем Востоке пригодился и во время Великой Отечественной войны.

Помню я и газетный снимок с фотографией Зои Космодемьянской – запрокинутое лицо с петлей на шее. Все в селе знали о подвиге Зои.

Последний военную зиму наша семья провела в райцентре Нанайского района Хабаровского края селе Троицком, куда маму перевели заведующей больницей. Это была голодная

зима, так как мы, надеясь осенью 1944 г. перебраться в Приморье, продали весь огородный урожай, оставив только бочку с засоленными капустными листьями для козы. Эти листья мы съели сами, хотя козу и кур все же привезли с собой.

Хлеб выдавали по карточкам. Нормы выдачи хлеба были разные – для детей, взрослых-иждивенцев и взрослых-работающих. Отоваривать хлебные карточки было поручено мне – второкласснице, мне же доставался и довесок, который я отдавала деду. У него была рабочая хлебная карточка, но выдаваемого по ней хлеба для взрослого мужчины, конечно, было недостаточно. Однажды меня вытолкали из очереди и пришлось стоять еще одну очередь. Я так замерзла, что отогреваясь дома не заметила, как сожгла подушку.

День Победы запомнился общим митингом на центральной площади с. Троицкое и всеобщим ликованием населения. А дома этот праздник был отмечен яичницей.

В июне 1945 г. мы все же перебрались в Приморье. Мать разыскала отца в воинской части, ему дали отпуск на три дня. Мама стала заведующей районной больницей с. Черниговка Черниговского района. Здесь мы в августе 1945 г. провожали военнослужащих на войну с Японией – по центральной улице села шли непрерывно машины с военными, отправляясь в Маньчжурию. Детвора, приветствуя солдат, бросала им в машины цветы и овощи. А спустя некоторое время мы, дети, присутствовали на захоронении наших офицеров, погибших в боях с Японией. Отец вернулся с военной службы осенью 1945 года, а в 1946 г. родился брат. Мирная жизнь постепенно возвращалась в свою колею.

Военные детские годы не забылись. Они воспитали чувство причастности к судьбе Родины, ответственность за порученное дело, стремление помочь людям и желание походить на тех, кто отдал все силы в тяжелые военные, да и в послевоенные годы для людей, для нашей страны.

Т.И. Дрынкина

*г. С. -Петербург, С. -Петербургский государственный
политехнический университет*

**Женская память о войне: особенности трансляции ее
ценностно-смысловых характеристик от одного поколения
к другому**

Обращение к тематике социальной памяти играет большую роль в оценке исторического прошлого, тем более, что проблематика культурной памяти тесным образом сопряжена с проблемой конструирования и конституирования коллективных идентичностей. Так, Э. Дюркгейм считал, что в любом социуме «существует некоторое множество общих идей и чувств, которые передаются от поколения к поколению и обеспечивают одновременно единство и преемственность коллективной жизни»¹²⁵. Впервые заявление более глубоко и детально изучить эту тему прозвучало в работах ученика Дюркгейма М. Хальбвакса (1877–1945), который, соответственно, и ввел в научный категориальный аппарат понятия «социальная память» и «коллективная память». Впоследствии Барбара Шацка отметила, что социальная память, являясь важнейшим элементом культуры и выступая транслятором ее ценностно-смысловых характеристик от одного поколения к другому, есть «совокупность представлений индивидов о прошлом их социальной группы и о тех персонажах и событиях прошлого, которые тем или иным образом сохраняются».

Исследователями выделяются следующие уровни функционирования памяти: индивидуальная, коллективная (социальная), культурная, коммуникативная, автобиографическая память, которые тесно переплетены и взаимосвязаны. Они являются мощным механизмом

¹²⁵ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

формирования таких ценностно-смысловых феноменов, как идентичности, ценные образования и т.п. Хольбвакс понимает память как точку встречи индивидуальных сознаний, выдвигая тезис «прежде чем вызвать в памяти воспоминания, мы их проговариваем; реконструировать в любой момент наше прошлое нам позволяет речь и вся солидарная с нею система социальных конвенций», который позволяет объяснить, почему индивидуальная память может претендовать на реальность только в качестве части коллективной памяти¹²⁶. Дело не только в том, что рамки индивидуальной памяти зависят от коллективной, но и в том, что коллективная память в индивидах и воплощается. Иными словами, формирование ценностно-смысловых характеристик личности происходит посредством интереса к содержательным компонентам исторического прошлого – памяти, культурному наследию, отечественной истории.

Наиболее интересным для психологов и социологов и наименее изученным является феномен «работы женской памяти»: каковы законы и правила запечатления, вытеснения и последующего воспроизведения, посредством каких механизмов и «рычагов» осуществляется память и какими способами и методами возможно изучение коллективных форм по «работе памяти». В нашем случае это будет рассматриваться на примере детей-блокадников на основе дискурсивного анализа текстов и языка женщин жителей блокадного Ленинграда. Анализ осуществляется в основном на базе нарративной формы женских воспоминаний в процессе глубоких биографических интервью. Жизненные истории женщин рассматриваются как нарративная конфигурация, которая, если следовать идеям П. Рикера, «способствует моделированию идентичности главных действующих лиц»¹²⁷.

¹²⁶ Хольбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

¹²⁷ Рикер П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

Очевидно, что память о тех или иных событиях трагического прошлого непосредственно связана с временной дистанцией, отделяющей от них респондентов (возраст женщин-респондентов в период блокады был от 3 до 7 лет).

В общей преамбуле нарратива предлагалась рассказать о своей биографии, а так же последовательно описать свой блокадный опыт (как все началось, первые впечатления, наиболее яркие эпизоды, эвакуация, возвращение из эвакуации и послевоенная адаптация). Таким образом, в интервью нарративная память о прошлых событиях, воспоминания о блокадном опыте были приписаны к тематике «биографического», по принципу их встроенности в общий жизненный мир того или иного респондента.

В целом дискурс памяти начинается с описание общей ситуацией в начале войны слов: *«Когда началась война, мы были на даче», «Когда началась война, мне было девять лет», «Первое воспоминание связано с отцом: я, трехлетняя, совсем кроха, сижу на кровати, в комнату входит отец, берет меня и начинает подкидывать, а я залиvisto хохочу».* Часто употребляется безлично-субъектный дискурс: «вспоминается», как некое отстранение своей субъектности от событийности (роль стороннего наблюдателя), что представляется очевидным, так как наши информанты в том период были еще детьми и вся ответственность за них возлагалась на матерей. Эти рассказы, скорее, ближе к полюсу памяти-воспоминания о своей семье (мама, бабушка, тетя, брат, сестра), чем к формату военных мемуаров. Естественно, что их воспоминания фрагментарны: что-то вспоминается, а что-то уже забыто, что-то живет на поверхности, другое запрятано глубоко.

В понятиях коллективной идентичности или общности можно говорить о коллективном травматизме или «раненой» коллективной памяти. Есть ли представление об утрате, травме в памяти и рассказах самих блокадников? Сразу надо сказать, что прямых высказываний о травме мы в процессе исследования не получили. Как было уже сказано, рассказы

женщин носили достаточно спокойный, повествовательный характер. В одном случае информант рассказывала о сильном эмоциональном переживании, когда после Победы 1945 года осознала, что отец не вернется с войны: *«Так сильно я никогда более не ревела в своей жизни»*. Опосредованными, косвенными доказательствами наличия травмы можно назвать следующие высказывания: *«Это такой ужас, такой ужас и больше ничего»*. *«Блокада – ничего не может быть страшней, когда даже ягоды-рябинки нет»*. *«Люди просто обезумели от голода»*. *«Я до сих пор не могу понять, как наша обезумевшая от голода мама могла донести до нас с братом хлеб и не съесть его»*. *«Страшные это воспоминания, не дай бог кому пережить такое»*. *«Мы должны были умереть, потому что невозможно было выжить»*.

Полновесных эпизодов описания блокады в воспоминаниях наших респондентов почти не было. В их биографических рассказах центральным риторическим приемом повествования является описание ситуаций смерти и страдания от голода, боли, которые недоступны опыту «остальных», не переживших блокаду, бомбежки, ночные налеты, пожар Бадаевских складов.

Конструирование границ их коллективной идентичности проходит по событию "эвакуация". Коллективная идентичность выстраивается в диалоге с внешними, «чужими» по отношению к данной группе, по отношению к тем, кто представляет внешнюю угрозу по мнению сообщества. В данном случае информанты по-разному описывают эвакуацию из блокадного Ленинграда: *«Нас эвакуировали в бакирскую деревню, где даже не было русской школы. У моего брата была пачка чая, которую мы выменяли на ведро картошки»*. *«Мама выменяла свои сережки на мешок картошки у местных жителей»*. *«Тем, кого эвакуировали, выдавали нормальную еду в том количестве, которое необходимо, чтобы доехать для места конечной эвакуации. А многие из тех, кто вдруг получал доступ к нормальной пище, нередко умирали, потому*

что истощенный организм не мог принять пищу, от которой отвык. Прежде чем выдать такое количество еды, необходимо было объяснить изголодавшимся людям, что еду надо принимать понемногу».

Для многих наших информантов общим моментом являются разговоры-«воспоминания» о возможных репрессиях. Так, в одном случае, эвакуировавшись из блокадного Ленинграда, семья оказалась на юге России, который впоследствии был оккупирован немецкими войсками: *«Мы очень боялись, что нас арестуют немцы, ведь все местные жители считали, что наш папа офицер и в любой момент могли сообщить в немецкую комендатуру».*

Внутренне-групповой нарратив по поводу памяти также выстраивается по определенным нормативам и состоит из отдельных неписаных ограничений: о чем можно и о чем не следует говорить в разных ситуациях межличностного общения внутри своего сообщества. В целом эти нормативы можно разложить на три части: открыто проговариваемые сюжеты и типы повествований, скрытые, редко проговариваемые темы и сюжеты (только в особых случаях), а также внутренний монолог как память умолчания.

Открыто проговариваемые темы и сюжеты – это повествовательные, хронологически-последовательные житейские рассказы о войне, особенно «как начиналось событие». Затем происходит привыкание, переход к житейским практикам как выжить: *«Спали мы втроем: я, брат и мама на маленькой кухоньке, чтобы теплее было». «Когда совершались ночные налеты, нас мама крепко обнимала, видимо из-за соображения, что если погибнем, то вместе». «Мы с братом уже не ходили, а лежали на топчане. Брат опух от голода, а я почему-то не опухла. Такая разная реакция на голод». «С наступлением весны жить стало легче. Солнышко пригрело, начала прорастать зелень. Рвали лебеду, крапиву – суп из них варили. И еще за землей ходили. На Бадаевских складах она после пожара сладковатая была от сахара. А в районе*

Сосновки, где на станции из-за диверсии был взорван состав с крахмалом, земля была крахмалом пропитана. Кисель варили из этой земли». «Назвать хлеб, который мы получали тогда, хлебом в привычном понимании нельзя. Чтобы хоть как-то обеспечить город при отсутствии муки, в него добавляли практически все более-менее съедобное. Приходилось класть кусок хлеба на лист бумаги, чтобы ни малейшая крошечка не упала и не пропала».

«На ленинградских рынках можно было купить много съедобных вещей. В частности, продавали землю из-под сгоревших Бадаевских продовольственных складов. При пожаре имевшийся сахарный песок, расплавившись, частично пропитал землю под фундаментами склада. И цена на эту землю была разной – в зависимости от глубины, с которой она была добыта. Но даже такой «деликатес» позволить себе могли очень немногие – все более или менее ценное было обменено ленинградцами на еду еще в первые месяцы блокады. Золото и бриллианты потеряли свою ценность – всему меркой стал только хлеб».

Фактически это описание мира повседневности, но повседневности мира блокады и военных действий, где каждое действие описывается как рутинное, повторяющееся изо дня в день, когда привыкаешь к общему блокадному фону. Тенденция к норматизации нарратива о блокадном опыте проявляет себя и в другом виде – как стремление снизить общий накал повествований с трагичного, травматического на обычный, повседневный, где все подчинено одной цели – выжить.

К редко проговариваемым темам относятся сюжеты, которые подробно описаны Д. Граниными в его «Блокадной книге». Однако в нашем случае информант попросил выключить микрофон в следующем сюжете. *«Мы должны были умереть, нас спас только случай. Однажды к нам пришла моя тетя. Я до сих пор не могу понять, почему она пришла, она же не знала, что мы находимся в Ленинграде, она*

думала, что все мы уехали еще в августе. Тетя работала в столовой, кажется, заведовала столовой и, очевидно, имела какой-то доступ к еде. Когда тетя пришла, она увидела нас с братом, а мы уже от голода не вставали. Тетя сказала, что возьмет брата к себе, погрузила его в саночки и повезла. И это было спасение, ведь мы получили дополнительную пайку хлеба, которая была предназначена моему брату. Я думаю, что она взяла брата, а не меня, потому что брат опух от голода, наверное, она думала, что он должен умереть первым. В первый день, когда тетя привезла брата к себе домой, она его накормила до такой степени, что он заболел и чуть не умер».

Понятие «долга памяти» является одним из самых обсуждаемых и полемичных в дискурсе о памяти, но представляется очевидным, что с понятием "долг памяти" надо обращаться достаточно осторожно, понимая возможные его интерпретации для разных контекстов. Важно, что вопрос об ответственности за прошлые события и поступки, а также обязанностях, налагаемых прошлыми событиями и поступками, встает и перед индивидами, обдумывающими собственное устройство жизни, а также народами и государствами.

В рассказах женщин-блокадников рассуждения о долге являются очень популярными и, естественно, трактуются всеми по-разному. Но сам факт частого обращения к понятию «долг» является весьма характерным для конструирования идентичности блокадников. Для них поговорить о долге – это повод поговорить об истинном мужестве (в нашем случае мужестве матерей), что важно также для выявления «типа» личности, наиболее важного с точки зрения меморизаторского сообщества. Можно утверждать, что именно человек долга является наиболее желательным личностным образом в их глазах. Другим аспектом понимания долга представляются высказывания о выполненном долге: *«Был уже 1942 г. Открыли школы, собрали детей, но голод делал свое подлое дело. Я слегла, уже не вставала – полная дистрофия. А рядом*

стояла воинская часть, и бойцы меня часто видели и даже сухариком угощали, я ходила мимо этой части в школу. И когда бойцы узнали от моей мамы, что я умираю, они взводом отказались от суточного пайка и принесли его мне (их было трое матросов и одна девушка). Вот благодаря таким поступкам в то суровое (голодное, холодное) время спасались ленинградцы. Спасибо тем людям, низкий поклон и вечная память о них и их подвигах. В такую жестокую годину дать человеку сухарик, «дуранду» или что-то еще – это героизм души и тела». «Но кому-то надо было, чтобы мы выжили и рассказывали детям в школах, на уроках мужества о жестокой блокаде Ленинграда».

Сегодня мы являемся свидетелями бунта коллективной памяти и роста интереса к исторической памяти во многих странах мира, сопровождаемыми культивированием прошлого. «Случай» Ленинградской блокады является одним лишь частным случаем наличия множественных женских памятей. Тот факт, что исторические нарративы и общие коллективные воспоминания не только фиксируют и объясняют прошлое, но и его оценивают, открывает возможность идеологического использования дискурса о прошлом, которое неявно служит формированию и продвижению вполне определенных образов женщины и истории. Индивидуализация социально-культурной памяти, стиля взаимодействия, идентификацией отмечается у молодых, подростков, включенных в современные информационные сети. С заботой и совестью согласуется дискурс гражданственности, в который активно включается молодое поколение. При этом возможно выявление типов взаимосвязей между социальными ценностями, установками и социальной средой поколений, обусловленных историческим этапом культуры. Формы темпоральности подчинены именно эволюции культуры, они усваивают и вспоминают уроки истории, формируют историческую память поколения. «История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет, репрезентация

прошлого»¹²⁸. Женская память уникальна, эмоциональна и неповторима, порождается культурной инверсией времени индивида или социальной группы, которую объединяет, формируя ценностно-смысловые ориентиры и, соответственно, социальную сплоченность.

Л.В. Лебедева

*г. Пенза, Пензенский государственный
технологический университет*

Р.П. Лебедева: память о войне

Все более отдаляется от нас время Великой Отечественной войны. На протяжении этих 70 лет велась поисковая работа, собирались документальные свидетельства, нарративы. За этот период сделано немало. Однако полностью история этих трагических лет еще не написана.

В настоящее время большой интерес стали вызывать исследования повседневной жизни людей на фронте, в оккупации, в плену, в тылу¹²⁹. Наиболее значимым в данных исследованиях является микроисторический подход, который позволяет, принимая во внимание единичные проявления, реконструировать пространство жизни социумов, воссоздать их потребности, возможности, практики выживания, поведение и эмоциональные реакции на жизненные события¹³⁰.

¹²⁸ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

¹²⁹ Сенявская Е.С. Фронтная повседневность Великой Отечественной войны: опыт конкретно-исторического исследования // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов-на-Дону, 2009. С. 121–143.

¹³⁰ Сенявский А.С. Повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов-на-Дону, 2009. С. 9–13.

Изучение повседневности предполагает особое отношение исследователей к источнику. На первичном уровне изучения проблемы необходимо накопление вербальных и невербальных трансформаций знания: рукописных и печатных свидетельств, косвенных данных, фотографий, предметов быта, различных вещей изучаемой эпохи и т. п. Затем эмпирический материал должен быть систематизирован и подвергнут комплексному междисциплинарному и интегральному изучению в целях выработки цельного знания о рассматриваемом феномене. Для объективности выводов и обобщений к исследованию необходимо привлекать разнообразные по происхождению и содержанию источники, подвергая их критическому анализу. Для реконструкции жизни социумов большое значение имеют свидетельства личного происхождения, воссоздающие живую картину повседневности – воспоминания, письма, дневники людей рассматриваемой эпохи, свидетельства информаторов. Анализируя данные источники, исследователь прежде всего должен обратить внимание на переживания, поведение, причины высказанных оценок, учесть недоговоренное и случайно прорвавшееся, т.е. проникнуть во внутренний смысл сообщенного. Кроме этого, чтобы приоткрыть завесу скрытого, исследователь должен стараться встать на место индивидов в заданных обстоятельствах, выяснить мотивацию действий, их самоощущения и представления о себе самих и мире вокруг¹³¹. Применение данных подходов значительно расширит знание о поколении Победителей.

С каждым годом ветеранов и тружеников тыла становится все меньше и меньше. Тем, кому на начало 1941 г. было 18 лет, сейчас должно исполниться 88. Уходят из жизни и те, чье детство пришлось на то лихолетье. Военные годы полностью поменяли их жизнь, оставив глубокий след в их душах и судьбах. Им пришлось преодолеть все лишения того периода

¹³¹ *Пушкарева Н.Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» // *Этнографическое обозрение.* № 5. 2004. С. 12–15.

времени: голод, холод, нехватку самого необходимого, некоторым эвакуацию и потерю родителей. Долг нашего поколения – записать воспоминания детей войны, их чувства и переживания. Успеть накопить эти уникальные источники, которые позволят развить знания о прошлом: жизни, быте, психологии людей, переживших в детстве военное время.

Интервьюирование предполагает определенную структуру вопросов. Мы за основу взяли программу, составленную к.и.н. Н.П. Востоковой. Разработанная ей анкета включает в себя следующие вопросы к информатору: ФИО, дата рождения, место проживания в военное время, память об объявлении войны и ее начало, поведение родственников и соседей в первые дни войны, питание и борьба с голодом, одежда и обувь, их источники пополнения, физическое здоровье, состояние медицинской помощи, участие детей в домашних делах и помощь по хозяйству, наличие домашних животных и уход за ними, содержание огорода, празднование домашних праздников, условия обучения в школе, источники массовой информации, получение семьей писем с фронта и «похоронок», занятия эвакуированных, беженцев, военнопленных и отношение к ним местных жителей, отношение населения к подкидышам, наиболее запомнившийся яркий эпизод из военного детства, память о дне Победы¹³².

Данное анкетирование было применено нами к опросу Лебедевой Риммы Петровны, рожденной 13 августа 1941 г., русской, в настоящее время проживающей в г. Пензе. На момент начала войны ее семья проживала в с. Билярск Билярского района, в 1942 г. в районном центре Шереметьевка Шереметьевского района Татарской АССР.

Приведем наиболее яркие данные опроса.

¹³² *Востокова Н.П.* Великая Отечественная война 1941–1945 годов глазами детей войны // Пензенское краеведение: Научно-популярный журнал. № 2 (14). 2015. С. 51–54.

Отца – Петра Ивановича Куляжева трижды призывали на подготовку в действующую армию, но каждый раз возвращали в связи с тем, что он занимал должность прокурора и был необходим в тылу. Мама – Антонина Якимовна Куляжева была домохозяйкой. В семье были маленькие дети: старшей Галине на начало войны было 4 года, Владимиру 2 года, Римма родилась в 1941 г. и Слава в 1943 г.

Дети в период войны отличались большой самостоятельностью. Большой ватагой в возрасте от 4 до 8 лет их отпускали в лес, на луг. Для безопасности они брали с собой собаку. Были случаи, когда она спасала детей от «неприятных» встреч с незнакомцами в лесу. Там они собирали ягоды, грибы, орехи. Угроза голода заставляла использовать все средства. Было распространено применение в пищу различных растений. Ели клевер, щавель, желуди, крапиву, лебеду, шиповник. Опираясь на личный опыт, друг другу советовали, что можно употреблять в пищу. Летом все ребятишки бегали с пучками дикого лука. Женщины собирали в лесу черемуху. В отношениях между людьми была развита поддержка друг друга. Лесными сборами нередко делились, помогая более бедным односельчанам.

В семье ели то, что выращивали на огороде. Плодовых деревьев и кустарников не было. Основной едой была картошка и капуста. Хлеб мама пекла сама. В тяжелые периоды он готовился с добавками. Пили морковный чай или заваривали горелую корку хлеба. От голода спасало наличие в хозяйстве кур и коровы. Ярким воспоминанием была ситуация, когда «кормилицу» хотели увести со двора «лихие» люди и ее спасла собака, бросившаяся на воров. Отец ходил на охоту, принося уток, зайцев, а также ездил на р. Каму ловить рыбу.

В тот период времени много было нищих, которые с котомкой собирали милостыню. Ценился кусок хлеба и картофель.

Маленькие дети много времени находились без присмотра. Римма Петровна вспоминала, что когда ее мама была

привлечена на уборку колхозного урожая, она с такой же малолетней подругой самостоятельно приходила в поле ее «навестить». Дети рано начинали помогать родителям. В 4 года ей приходилось управлять лошадью, когда другие члены семьи были заняты, и была необходимость отогнать тарантас в нужное место. Все дети, как и она, сажали и копали картошку, помогали на огороде.

В годы войны в школу ходила Галина. Некоторые ее одноклассники пропускали школу из-за того, что нечего было обуть. Самых бедных детей выявляли учителя, и им покупалась самая простая обувь. Все дети были очень бедно одеты. В холодное время ходили в телогрейках. В пальто и костюмах ходили единицы. Антонина Якимовна обшивала детей сама. Они ходили в одежде, перелицованной из костюмов и шинели Петра Ивановича. Родители других детей говорили, что они «форсили».

В тот период времени у учеников не было тетрадей. Практически все писали на оберточной бумаге, газетах. Единицы, находили чистые листы, прошивали и линовали их. Стремление к учебе было у многих. Обучение проходило вместе с детьми из детского дома. Запомнилось, что их хорошо кормили. Лучше, чем некоторые питались дома.

В школе были шахматы и шашки. Они хранились в канцелярии. Получив разрешение, дети очень часто играли в них в коридоре, расположившись на полу. У мальчиков распространенными играми были «ножички» и «махнушка». Она представляла собой кусочек овчины с пришитой к ней пуговицей. Ее необходимо было подкинуть одной ногой. Больше всех набивший был победителем.

Яркими впечатлениями было празднование Нового года. Для детей елка была большой радостью. Веселила подготовка к празднику. Игрушки делали своими руками. Это были цепочки из цветной бумаги, снежинки, игрушки, набитые ватой. Наверху обязательно была звезда. Елки устраивались так же в школе и детских садах.

Незабываемое впечатление на респондента оказал голос Ю.Б. Левитана. Он врзался в память и стал олицетворением мужественности и стойкости наших воинов. Голос из «черной тарелки» слушали всей семьей. На фронте у Петра Ивановича погибло 4 брата и все – в начале войны. Служили и их дети.

Римма Петровна хорошо помнит Победу. В детском восприятии переход к мирной жизни связан с остеклением окон. В военное время они были заклеены бумажными полосками. Через месяц после окончания войны пригласили стекольщика, так как окна все были треснуты. Это было очень радостным событием. Все веселились. Ей, 4-летнему ребенку, доверили промазывать рамы, чем она была очень горда.

Подытоживая, можно отметить, что обращение к устной памяти детей войны, их воспоминания значительно расширяют источниковедческую базу исследования. Наряду с фактическим материалом они дают возможность обратить внимание на переживания людей той эпохи.

Н.А. Птицына

г. Иваново, ФБГУ ВПО «Ивановский государственный университет»

В.С. Ивашевская

г. Иваново, ОБУСО «Ивановский комплексный центр социального обслуживания»

Военное лихолетье в судьбах и памяти женщин

Юбилейная дата, связываемая в сознании наших соотечественников с трагическими и героическими страницами истории страны, обращает к размышлению о хрупкости мира (в связи с событиями на Украине) и необходимости осмысления вклада представителей старшего поколения – участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла – в его восстановление и сохранение.

В современных условиях социальная работа с пожилыми людьми предполагает не только предоставление комплекса

социальных услуг, но и освоение богатого опыта старшего поколения, сумевшего выстоять в лихие годы.

Положения статьи базируются на результатах анализа 20 глубинных интервью женщин (в возрасте от 80 до 96 лет на момент интервьюирования, находящиеся на обслуживании в ОБУСО «Ивановский комплексный центр социального обслуживания», проживающих в городе Иваново), проведенных в 2014-2015 гг.

1. Женщина и война... Казалось бы, эти понятия несовместимы. Изначальным предназначением женщины было продолжение человеческого рода, сохранение домашнего очага, воспитание детей, умиротворение воинственности мужчин. С началом же Великой Отечественной войны сотни тысяч женщин вступили в действующую армию и встали за станки, не желая отставать от мужчин и стремясь наравне с ними вынести все тяготы военного времени, утверждая за собой равные с ними права на защиту Отечества.

Более трети опрошенных женщин (35%) наравне с мужчинами участвовали в военных действиях (как добровольно, так и по призыву), они проходили службу в разных войсках: в медицинских частях (15%), в подразделениях связи (10%), войсках НКВД (10%).

Уже в первые дни войны более половины респондентов (55%) заменили в тылу ушедших на фронт мужей и братьев, в том числе четверть из них участвовали в оборонительных работах (рыли окопы, противотанковые рвы, строили блиндажи, чистили посадочные полосы для самолетов); 15% – производили военное снаряжение и обмундирование; 10% – снабжали фронт продуктами, 5% – военной техникой и топливом. Свой вклад в борьбу с оккупантами внесли и девушки, работавшие связными в партизанских формированиях (5%), и сотрудницы социальных учреждений (5%). Несмотря на военное положение, в большинстве населенных пунктов не прекращали работу детские сады,

школы, больницы. Советские женщины в тылу стали трудовым резервом действующей армии.

2. Практически ни одна из опрошенных женщин в мирное время не подозревала о том, какая судьба ее ждет. У каждой из них были свои желания, сбыться которым помешала война. В юности девушки мечтали о продолжении обучения (80%), в том числе в техникуме – 35%, в вузе – 25%, в школе – 20%, о выборе будущей профессии (80%), продолжении профессиональной карьеры (20%). Но настал час испытаний, и недавним школьницам и студенткам пришлось адаптироваться к условиям военного времени. Женщины, находившиеся как в армии, так и в тылу, столкнулись с огромным количеством проблем. По воспоминаниям бывших военнослужащих – это скудные продуктовые пайки (30%), отсутствие специального обмундирования (25%), антисанитарные условия (15%), нехватка медикаментов (10%), подъем тяжестей (10%), неустроенность солдатского быта (5%). Приведем ряд примеров, характеризующих военные условия. Фрагмент из интервью с фельдшером батальона И.Н. Барминой (90 лет): «Мы на фронте не жили, а выживали. Каждый день – борьба за жизнь... Скудного пайка не хватало даже для восстановления сил. Одежда не согревала от холодных ветров и дождей. Медикаменты заканчивались очень быстро, приходилось вспоминать бабушкины рецепты: готовили отвар из дубовой коры, сушили ромашку, зверобой, подорожник, заготавливали клюкву и бруснику. А как тут быть? Каждого раненого помню... Как забыть их глаза, молящие о помощи...». О рядовом эпизоде войны вспоминает бывший сержант А.С. Бадалова (91 год): «Разворачиваю гимнастерку, а она на мужичкиные плечи, огромная... Но это еще полбеды. Как только увидела громоздкие огромные ботинки, чуть не разрыдалась... Ножка-то у меня всегда малюсенькая была – 36-го размера. На помощь пришел один однополчанин, он укоротил носа ботинок...».

Армейская дисциплина, солдатская форма, мужское окружение, тяжелые физические нагрузки, – та будничная сущность войны, которая для многих из них явилась неожиданностью, о которой они, когда устремились на фронт, и не подозревали. Потом был и сам фронт – со смертью и кровью, с ежеминутной опасностью и вечно преследующим, но скрываемым страхом.

С аналогичными проблемами встретились и женщины в тылу: тяжелые физические нагрузки (100%), удлиненные рабочие смены (100%), недостаточное питание (60%), плохие санитарно-гигиенические условия (30%), дефицит одежды (20%), потеря жилья (20%). О нелегких условиях труда на торфозаготовках повествует Е.А. Самойлова (89 лет): «По колению в ледяной воде вырезали пласты торфа. Приходили в барак голодные, холодные, сырые. Переодеться было не во что. Кашель постоянно разбирал, давил грудь. Платье насквозь сырое, портянки – хоть выжимай...». Малышева А.В. (95 лет), трудившаяся на рытье окопов, рассказывает: «Паек был настолько мал, что съев его, чувствовали – сил ни капельки не прибавлялось. Ноги подкашивались, руки-плеточки. Я была истощена до неузнаваемости...».

3. В специфических условиях войны, встречаясь лицом к лицу со смертью, женщины неосознанно старались избавиться от посттравматического стресса: вспоминали детство, школьных товарищей и соседей. Большинство респондентов отметили, что их редко посещали пессимистичные мысли, они старались смотреть в будущее с оптимизмом: думали об окончании войны, рисовали картины предстоящей мирной жизни, представляли свое возвращение домой. «Мы не знали, сколько продлится эта война, но были уверены, что мы победим! – рассказывает труженица тыла П.Н. Ермакова (92 года). «Иногда посмотришь в голубое небо, и не верится сердцу, что война сейчас. Кажется, придешь домой, а там, как раньше: папка ушивает свои большие сапоги, мама варит картошку с мясом, сестренки у печки играют в куклы, а дома

тепло, пахнет пирогами... Представляла, что вот скоро война кончится, папа вернется снова к нам домой, и станет все, как и прежде...», – вспоминает труженица тыла А.И. Ильичева (86 лет).

Наряду с главной мечтой об окончании войны, женщины часто мечтали о любви, обновках и вкусном ужине. Приведем фрагмент из интервью жительницы блокадного Ленинграда Л.В. Графской (91 год): «Несмотря на то, что кругом война, мы все равно мечтали о любви, хотели понравиться. Помню, я красила губы остатками помады, румянила ими щеки и подводила угольком брови. Этакая мадама ходила, старалась голову вверх держать... А у самой, самой-то лицо опухло от голода, на теле язвы, зубы все в растопырку от цинги, а я ж тогда не думала, что я так плохо выгляжу. Ведь все вокруг точно такие же и хуже были». Фронтowymi мечтами поделилась рядовой медслужбы В.И. Семик (91 год): «У меня в шифоньере остался кусочек ситца, красивого такого, желтого, и весь он усыпан белыми горошинами. Думала, вернусь, пошью платье, да такое, чтобы на танцах закружиться. А юбка чтобы порхала туда-сюда, сюда-туда... ».

4. Специфические условия войны оказали существенное влияние на психику женщин. Респонденты отмечают, что после экстремальных условий войны они с трудом адаптировались к мирной жизни. Многих из опрошенных женщин преследовали страхи, у них часто возникало нервное напряжение, необъяснимая, с их точки зрения, подозрительность. «Мужчина есть мужчина, он от природы сильнее, – вспоминает служившая в войсках НКВД А.С. Бадалова (89 лет), – а вот женщина по натуре существо слабое, сердце женское переживает из-за всего, а тут такое... Ужас какой-то... Смерть видишь каждый день, и никак не скрыться от нее, всегда она перед глазами. Я теперь, как только вспомню, то меня страх охватывает, а тогда все могла: закрывала глаза убитым товарищам, сама стреляла, кровь видела, очень много крови, трупы, обожженные тела. Помню

запах крови, он настолько сильный, что его ничем не смыть... Вот я сейчас говорю, и уже чувствую его... А тогда ничего, все терпела, все могла».

В кругу своих ровесниц, вернувшись с фронта, опрошенные женщины чувствовали себя намного старше, потому что смотрели на жизнь совсем другими глазами – глазами, видевшими смерть. «Смотрю в зеркало, а там девушка, молодая, красивая на меня смотрит. Но это все одна сторона... А душа-то ведь стариковская была. Столько мы пережили... Домой вернулась, казалось, что впереди вся жизнь, а нет, все эти пятьдесят лет почти каждую ночь снятся кошмары... Нет, не женское дело – война!» (из интервью с майором медслужбы С.А. Родиной (96 лет).

Длительное физическое и нервное напряжение, испытанное респондентами в экстремальной обстановке, в последствии проявлялось по-разному: душевные надломы, срывы, ожесточение, непримиримость, повышенная конфликтность – с одной стороны, усталость, апатия – с другой.

Очевидно, что причины кроются в особенностях женской психологии. Если мужчину война захватывала как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе. Как точно заметила Светлана Алексиевич, автор книги «У войны не женское лицо»: «Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания»¹³³. Женщина сильнее ощущала физические и моральные перегрузки, она труднее переносила «мужской» быт войны. В сущности, то, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, было чудовищным противоречием ее женскому естеству.

5. Под влиянием экстремальных условий войны у многих опрошенных женщин сформировались такие качества, как

¹³³ Алексиевич С. А. У войны – не женское лицо. М.: Пальмира, 2004. С. 4.

решительность, инициативность, находчивость, способность к самостоятельным действиям в сложных обстоятельствах, поскольку смогли выжить те, чья реакция оказывалась быстрее, а принятое решение в большей мере соответствовало конкретной ситуации. Опыт, приобретенный ими в течение 1941–1945 годов, был богат и разнообразен, весьма важен для формирования личности, ее мировоззрения, но все-таки крайне специфичен. Чаще всего именно он способствовал формированию особых жизненных сценариев, определенных семейных отношений. По-разному сложилась послевоенная жизнь у опрошенных женщин. До начала войны многие из них не имели ни законченного образования, ни профессии, ни семьи. После войны большинство из них (70%) завершили обучение. Трудились респонденты в разных сферах: на промышленных предприятиях (40%), в сферах образования (30%), медицины (10%), торговли (10%), органах судопроизводства (5%), в области культуры (5%). Подавляющее большинство из них вышли замуж (80%), в том числе 10 % из них по истечению времени развелись, а затем вступили в брак повторно; 10% никогда не состояли в браке.

Неожиданностью для женщин оказалось изменение поведения мужчин по отношению к слабому полу в мирное время по сравнению с военными годами. По словам респондентов, в условиях войны мужчины с уважением и заботой относились к женщинам. Типичным примером может служить фрагмент из интервью с бывшим связистом Е.П. Петровой (93 года): «Они к нам относились очень хорошо. Нас никто не трогал и не унижал. Нас жалели. Дружба была – такая дружба душевная, я еще после войны, сколько живу, а такой дружбы не видела, какая была на фронте».

В семейной жизни отношения довольно часто складывались по-иному. Подобные эпизоды встречались в интервью более трети опрошенных женщин: «С мужем часто мы ссорились... Иногда вспыхивал он, как огонь... Не любил он вспоминать прошлое: то закричит, уйдет, то махнет рукой и

закроет глаза... Потом стал часто выпивать» (из интервью с одной из опрошенных женщин, 85 лет).

Последствия событий, пережитых мужьями на фронте (у многих мужчин встречались посттравматические стрессовые расстройства), проявлялись в наличии страхов, демонстративности поведения, агрессивности и подозрительности. Для бывших солдат были характерны повышенная конфликтность в отношениях с членами семьи, родственниками, коллегами по работе; резкие вспышки гнева, злоупотребление алкоголем. Именно эти проявления посттравматического стресса выступали основными причинами несложившейся супружеской жизни.

6. Подавляющее большинство опрошенных женщин испытали радости материнства (90%). При встрече они по собственной инициативе показывали материалы семейных архивов, детские фотографии, рассказывали о сыновьях, дочерях, внуках и правнуках, но на вопросы, касающиеся сегодняшних отношений с детьми, отвечали скупо и неохотно. Можно предположить, что далеко не все из опрошенных сумели выстроить позитивные отношения с близкими, так как основную заботу о них в настоящее время несут сотрудники социальной службы.

Резюме. Угроза, нависшая над страной в июне 1941 года, заставила женщин по-иному оценить свои возможности, встать в строй наравне с мужчинами, заменить в тылу ушедших на фронт мужей, сыновей, братьев. Но именно война оставила нестираемый след в судьбах и памяти женщин, заставляя возвращаться вновь и вновь к событиям тех лихих военных лет, и оказала существенное влияние на всю их дальнейшую жизнь.

Н.И. Шитова

г. Горно-Алтайск, Горно-Алтайский
государственный университет

**Женская память о Великой Отечественной войне в
воспоминаниях и фольклоре
(по материалам русских Горного Алтая)¹³⁴**

Особое место в воспоминаниях и фольклорном репертуаре женщин Горного Алтая занимает память о Великой отечественной войне, о тяжелых испытаниях, которые пришлось пережить в тылу. Настоящая работа посвящена этой женской памяти и основана на полевых материалах автора, собранных в Горном Алтае в 2012-2014 гг. Это записи интервью, письменные крестьянские источники. Среди последних отметим частушки, собранные С.Д. Дьяченко¹³⁵. Есть в этом собрании и частушки, посвященные войне, отражающие женский взгляд на войну и женскую память о ней.

Женщины, проводившие на фронт мужчин, должны были выполнять работу в колхозе, дома и справляться с трудностями войны. Годы Великой Отечественной войны были голодными. В начале войны вырубали имевшиеся запасы урожая. Чтобы голодные дети не умерли без присмотра, матери часто брали их с собой на работу: *«Мама возила с собой, чтобы не сдохла с голоду»*.

Из продуктов основными в это время стали картошка и кукуруза, хотя перед войной *«запретили в поле картошку садить»*. Ж.И. Филиппова вспоминает: *«На отходы – пахта. Картошку сварить, пахтой запиваешь»*. Вспоминают о пропаганде кукурузы в военные годы: *«В войну – насадили. До войны кукурузы не было, в войну – пропагандировали»*. Также в

¹³⁴ РГНФ, проект №14-11-04001 «Русские среднегорной зоны Горного Алтая: этнокультурная специфика».

¹³⁵ Дементьева С.Д. Тетрадь №1. Рукопись, с. Черга. 49 л.; Она же. Тетрадь № 2. Рукопись, с. Черга. 26 л.

это время были увеличены посадки картофеля: *«Картошку не сажали – выковыривали каждый глазок. В войну приблизительно в 43-м люди больше картошку стали сажать»*. После таких посадок ситуация с питанием стала легче: *«В войну трудно было первые два года... Мама съездит [на мельницу – Н.Ш.] – кукурузная мука с картошкой вместе, ложкой накладывают на протвень – булки. Вот и хлеб»* (А.Т. Ларионова).

Чтобы получить паек хлеба, в военные годы ходили несколько километров: *«Хлеб – ходили в Тайну, другой раз – за 12 км»*. Детям иногда удавалось собрать колоски на полях: *«Война – колоски собирали»*. Муку из добытого зерна изготавливали на ручных мельницах, добавляя отруби, получали хлеб.

С ранней весны и до выпадения снега в голодные годы собирали дикорастущие растения: *«Дождались весны – колба, пучки, медунки»*. Подъедали и первые всходы в огородах. Как рассказывают, *«за счет травы и выжили»*. Собирали и различными способами готовили пестики, пучки, колбу, саранки, крапиву, медунку, кандык, щавель, репей, также грибы. Дети пробовали употреблять в пищу и несъедобную, ядовитую «зелень»: *«Ботву ели помидорную, а младшая сестра опухла, но выходили»*.

Выручала ягода. Жительницы Горного Алтая вспоминают о небывалом урожае черемухи перед началом войны. Сушеную черемуху толкли в железных ступках и использовали, предварительно распарив, самостоятельно или в качестве начинки: *«Картошку нарежешь – лепешку, туда черемуху»*.

В военные годы спасала от голода рыбалка традиционными способами, охота на мелких зверьков. Дети и подростки отлавливали бурундуков и кротов, что зачастую спасало от голодной смерти. Н.Г. Карелина вспоминает о своем младшем брате: *«В войну – что-то в школе все продукты дали, и на улице дали. Оказывается, брат голодал, пошел украсть морковку, выдрать – и упал. Его и увидели, позвали медсестру»*.

Он лежал дома. Ей дали еду, сказали, по маленькой ложечке кормить. А мать пошла в город, в очередь за хлебом ... Брата выходили. Какой-то родственник ловил кротов, и выпашивали этим бульоном». Также ели «пропастину», т.е. погибших животных: «Падали ели. Особенно овцы. Вертячка в мозгу – глисты их ели. Лошади. Питались – пропастину ели». Проблема голода нашла отражение и в частушках:

*Конь вороный,
Белое копыто,
Когда кончится война,
Поедим досыта*¹³⁶.

Самой горькой была другая беда. Воспоминания о былых молодежных забавах тесно сплетаются с памятью о своих сверстниках, погибших на войне: «*Карымская гора большая. Сани конские увезут и катятся. Молодежь этим занималась. Полтора километра высотой гора. А потом никто не вернулся с войны*» (З.И. Усова, с. Чоя). Потеря этого поколения молодых отчетливо выражена в частушках:

*Ой война, ты война, // Что же ты наделала,
Сколь девчат и ребят // Без любви сделала*¹³⁷.

*Девочки, война, война, // Девочки, Победа.
Девочки, держитесь // За старого деда*¹³⁸.

Наши собеседницы были свидетельницами ухода на фронт своих сверстников и ребят постарше, большинство из которых уже не вернулось:

*Девочки, война, война // Забрали до единого
Скоро очередь дойдет // До моего милого*¹³⁹.

В случаях, когда долго не было вестей с фронта, женщины гадали на своих мужей (вернутся ли домой, живы ли) в Святки. Для этого использовались гадания с кольцом, зеркалом и

¹³⁶ Дьяченко С.Д. Тетрадь № 1. Л. 36.

¹³⁷ Шевелева Т.А. Воспоминания. Рукопись, с. Ильинка. Л. 71.

¹³⁸ Дьяченко С.Д. Тетрадь № 1. Л. 2 об.

¹³⁹ Там же. Л. 13.

водой. Так, например, видели в зеркале, как муж спускался вниз по лестнице, и оставалась последняя ступенька, или же могилу, которую окружали пеня и упавшая береза. Увидев плохое, торопились перевернуть зеркало с целью предотвратить несчастье. По рассказам, такие печальные гадания сбывались: *«Похоронка пришла, и она в зеркало видела»* (Н.Г. Карелина, с. Чоя). Во время войны гадали также на печке, задавая в трубу вопрос и растапливая печь (если печка разгоралась хорошо – это к добру): *«Цыганка научила маму. Печку затопляешь, наклонялась в трубу, спрашивала: «Придет ли живой мой Николай?». Сильно разгорится – положительный результат»* (Н.Н. Басаргина, с. Барангол).

Сохранялись в памяти частушки, отражающие ожидание конца войны. Ожидание конца войны – это, прежде всего, ожидание возвращения мужчин:

*Ты германец–оборванец // Тебе хватит воевать
Отпусти ребят на волю // Девочек некуда девать¹⁴⁰.
Скоро кончится война // Пойдут солдаты ротами
Я своего дорогого // Встречу за воротами¹⁴¹.*

Вернулись немногие. Женщины остались без мужей, без женихов. После войны стали петь грустные вдовьи песни: *«Мужья не пришли, в Говоровке все одинокие»:*

*На войну уехал дряля, // Я осталась у моста.
Пятый год пошел у вдовушки // Великого поста¹⁴².*

В заключение отметим, что в экстремальных условиях женщины черпали силы из неисчерпаемого источника народной культуры, что позволяло им выжить. Ими был мобилизован народный опыт выживания, осуществлялся возврат к старым простым технологиям. Например, в сфере питания – к собирательству и использованию дикоросов, а также простейшим приемам переработки зерна (ручная мельница). В сфере духовной культуры традиции несколько

¹⁴⁰ Дементьева С.Д. Тетрадь № 1. Л. 2 об.

¹⁴¹ Там же. Л. 16.

¹⁴² Там же. Л. 35 об.

трансформировались. Например, в период, когда неженатая молодежь гадала о своих суженых (Святки), гадали о судьбе своих мужей. Преодолевать горе и трудности сообщало обращение к традиционным фольклорным народным жанрам и формам проведения досуга.

Л.А. Явнова

г. Бийск, Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина

«Война в моей жизни» (отражение Великой Отечественной войны в судьбах женщин и детей)

Трагические события, связанные с годами Великой Отечественной войны, прочно сохранились в памяти людей. На сегодняшний день передача информации о прошлом и то, как оно трактуется в наши дни, оказывает огромное влияние на формирование памяти как части процесса обращения к недавнему прошлому и его переосмысления¹⁴³.

Из местностей, в которых возникла угроза оккупации, в первую очередь эвакуировались дети и детские учреждения. За вторую половину 1941 г. и в начале 1942 г. было вывезено 976 детских домов с 107 223 воспитанниками. В течение июня 1941 г. из Ленинграда было отправлено свыше 300 тыс. детей. В период Великой Отечественной войны были эвакуированы из прифронтовых районов (Московской, Тульской, Рязанской, Калининской, Орловской и других областей) 92 детских дома, 133 интерната, которые насчитывали 15 624 воспитанника. В Барнауле, Омске, Новосибирске, Томске и Кемерово были созданы центральные детские эвакуационные пункты. В целом за период с 1 сентября 1941 г. по 1 января 1942 г. через эвакуационные пункты городов Западной Сибири прошли

¹⁴³Зубкова Е.А. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность 1945-1953. М., Изд-во РОССПЭН, 2000.

более 12 тыс. детей¹⁴⁴. Начало войны сопровождалось перемещениями огромных масс людей, в том числе срочной эвакуацией детей. "Самое начало войны. Ленинград. Мне 9 лет. Еще ничего не понятно, что с нами будет. Бомбоубежище. Темно. Из-за переполненности этого подвального помещения совсем нечем дышать"¹⁴⁵. Юлия Николаевна Журавлева (Трушкова), 1937 г.р. из г. Бийска: "Яркие мои воспоминания о детстве – это военные годы, с 1941 по 1945 год. Мне было четыре годика, когда началась война. Помню, папе принесли повестку, чтоб он немедленно явился в военкомат. Когда он вернулся из военкомата, уже был одет в военную форму. И сказал нам: «Завтра нас отправляют на фронт». Утром он рано ушел в военкомат, а мы пошли пешком через мост, в город, так как жили мы в Заречье, и сбор всех мобилизованных был назначен от памятника Фомченко. Я сначала, как ребенок, не поняла, в чем же дело, куда это папу увозят. Потом мама сказала: «Сейчас привезут отца, немного побудем, и их увезут». Смотрю, приехали машины, было много военных. После этого машины уехали на заправку. Папа сказал: «Давайте будем прощаться, потому что сейчас приедут, нас увезут на вокзал». И действительно, вскоре машины приехали. И по команде встали, началась погрузка. В кузов садились все, там были скамейки, уже прибитые, и повезли их на вокзал. Я запомнила, как все люди бежали за машинами, плакали, махали вслед руками, кто-то имена выкрикивал, такой был шум, что ничего не было слышно. С этого момента детство оборвалось, так как начался голод, холод, зимой морозы были до сорока градусов, а если снег шел, так заносило, что в ограде прочистят маленький лазик, и в него только и пролезешь. Дров не было у людей. Ходили люди в лес, ветки вязанками свяжут,

¹⁴⁴Гаврилов Н.С. Западная Сибирь в Великой Отечественной войне. Барнаул, 1998. С. 134–135.

¹⁴⁵Полевые материалы автора, записано от Ии Леонидовны Ковердяевой, 1932 г.р. Полевой дневник. Л. 10-12

на спину кладут – по морозу приносили. Протопят печку, а утром снова в лес, бабушки в основном, и ребятишки тоже ходили с ними, кто постарше, а матери работали. У кого были вещи, те еще немножко жили: они меняли эти вещи в деревне на картошку. И я помню только одно: хотелось, есть, поесть хоть корочку хлеба. Это не передать словами. Недаром моя бабушка, пережив это все, эту войну, до конца своих дней сушила сухари, все боялась, вдруг будет война"¹⁴⁶. Таким образом, главными особенностями воспоминаний детей войны были борьба с голодом и проблема выживания, страх перед неизвестностью.

Годы Великой Отечественной войны оставили примеры бескорыстной помощи и солидарности¹⁴⁷. Зельма Германовна Дамер вспоминает, что с началом войны (на тот момент ей было 6 лет) всю их семью (родители и пять малолетних детей) депортировали на Алтай, но отца сняли с эшелона и забрали в трудармию, распределили в село Тюменцево, где под жильем было выделен полуразбитый коровник. Во время зимы с 1941 на 1942 г. два брата и сестра умерли от голода. Мать послали на самые тяжелые работы – лесозаготовки, и Зельма с сестрой были оставлены одни, предоставлены самим себе. Несмотря на плохое отношение к ним, многие жители помогали продуктами и поношенными вещами, благодаря этому удалось пережить эту голодную зиму¹⁴⁸.

Иван Данилович Оплеухин 1929 г.р, с. Вер-Бобровка Косихинский р-н. «Наступает 1941 год. До войны жизнь

¹⁴⁶ Алтайский край: источники и судьбы (диалоги с земляками). Сборник исторических свидетельств / Сост. А.И. Акимова, Н.А. Блазнова, Т.В. Жукова. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012. С. 24.

¹⁴⁷Смирнов В.В. Война и дети. // Исторический архив. 2000. № 4. С. 49.

¹⁴⁸ Архив Лаборатории Этнокультурных исследований АГАО имени В.М. Шукшина, г. Бийск, 2010 г., записано от Дамер З.Г., 1935 г.р. Кассета № 706.

голодная да тяжелая была, а тут вовсе перестали давать хлеб, только «пайку печеного хлеба» и то только тем, кто работал. Женщина получала 500-600 граммов хлеба на день, нужно было что-то самой взять в поле на весь день. А тогда в основном много работали физически, тяпали, косили»¹⁴⁹. В трудных условиях колхозы и совхозы приступили к полевым работам в первую военную весну. Почти все работы выполняли женщины и подростки, так как трудоспособных мужчин осталось мало. Война закрепила тенденцию разрушения традиционных представлений о женщине¹⁵⁰. В июне 1941 г. в Смоленской МТС был организован кружок по изучению комбайна, на занятиях которого пришли жены комбайнеров. Удивительное мужество проявляли женщины. На полях колхозов и совхозов они вели заготовку кормов¹⁵¹. В условиях военного времени востребованными оказались те умения и навыки из традиционной системы хозяйствования, которые позволяли без механизации труда заниматься сельскохозяйственными работами¹⁵². В 1942-1943-х годах "на лошадей напала болезнь, много умерло коней, осталось очень мало, так мало, что люди стали коров и быков запрягать"¹⁵³. Евдокия Яковлевна Кабанова из Точильного вспоминает, как она пятнадцати лет с группой подростков под руководством старика Никифора Бочарова сеяли вручную из лукошка хлеб,

¹⁴⁹ Алтайский край: источники и судьбы (диалоги с земляками). Сборник исторических свидетельств // Составители А.И. Акимова, Н.А. Блазнова, Т.В. Жукова. Бийск, 2012. С. 84.

¹⁵⁰ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история: монография. Барнаул, 2008. С. 381.

¹⁵¹ Панин М.П. Смоленский район: Очерки истории. Барнаул, 2002. С. 82.

¹⁵² Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история: монография. Барнаул, 2008. С. 382.

¹⁵³ Алтайский край: источники и судьбы (диалоги с земляками). Сборник исторических свидетельств. Бийск, 2012. С. 84.

боронили на своей корове по полтора гектара в день, работали на скирдовании и обмолоте хлебов, а позже окончили курсы механизаторов и работали комбайнерами¹⁵⁴.

Анализируя тексты краеведов, мемуаров или интервью, можно выявить закономерности восприятия детьми и женщинами экстремальных условий, воссоздать женское восприятие войны как целостную картину.

Раздел 4. ЖЕНСКИЙ ОБРАХ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Е.А. Андрусенко

г. Старый Оскол,

МКУК «Старооскольский краеведческий музей»

Образ женщины в памятниках Великой Отечественной войны (на примере Белгородской области)

В годы Второй мировой войны женщина стала солдатом. Наравне с мужчинами женщины участвовали в боевых действиях, ходили в разведку, на своих плечах они держали тыл, спасали дом и сохраняли детей. Женщины войны... Их подвиг не описать словами, судьбы не измерить привычной мерой, им жить вечно в памяти народной и оставаться символом жизни и славы нашего народа. По всей стране память о женщине увековечена в камне и металле, монументах и памятных знаках.

На примере памятников современной Белгородской области рассмотрим образ женщины в памятниках воинской славы.

Нужно отметить, что большинство памятников, в которых присутствует образ женщины – это памятники-символы и памятники матерям и вдовам, установленные на братских

¹⁵⁴ *Панин М.П.* Смоленский район: Очерки истории. Барнаул, 2002. С. 83.

могилах, однако есть памятники и труженицам тыла, медицинским работникам.

Один из первых мемориальных комплексов с изображением женщины был установлен в Белгороде в 1959 году. Это мемориальный комплекс «Слава героям!» расположен на Соборной площади. Над братской могилой возвышается скульптурная композиция – скорбящая мать и ребенок. Женщина с покрытой головой склонила голову. В руках у мальчика венок с надписью «Слава героям!». У подножия монумента горит Вечный огонь. Это символ женщины – матери, скорбящей и оберегающей своего ребенка. Скульптор – Г.В. Нерода, архитектор – И.А. Француз.

В 70-е годы в различных районах области на местах братских захоронений устанавливаются памятники-символы «Скорбящая мать». Ключевой фигурой композиции является образ матери, скорбящей о своих сыновьях. Она ассоциируется с Родиной, защищая которую, так же как и родную мать, пали бойцы, погребенные в братских могилах. Памятник «Скорбящая мать» был, например, установлен в 1976 году в поселке Борисовка на братской могиле. Автор композиции – скульптор А.Г. Саушкин. Похожий по композиции памятник установлен в селе Октябрьская Готня на братской могиле воинов 23-го стрелкового корпуса 27-й армии, погибших при освобождении села. Скульптура «Скорбящая мать» установлена на братских могилах в городе Валуйки, поселке Вейделевка, в селе Калиново Красногвардейского района, в поселке Красная Яруга, в городе Шебекино, в селах Шаталовка, Потудань Старооскольского округа¹⁵⁵.

Среди композиций «Скорбящая мать» отличается памятник, жертвам фашизма, установленный на месте расстрела мирных жителей в период оккупации в Старом

¹⁵⁵ Памятники истории и культуры Белгородской области, взятые под охрану государства. Белгород, 1987.

Осколе¹⁵⁶. Композиция представляет собой кирпичную стену, в центре которой, выполненное из металла рельефное изображение лица женщины, закрытое руками. Мы не видим лица, только часть склоненной головы, покрытой, согласно традиции, косынкой и платком. Скорбный жест, руки труженицы и выпавшие тюльпаны передают всю боль, всю горечь утраты. Знак установлен в 1985 году, к 40-летию Великой Победы. Авторы памятника – старооскольские художники, члены Союза художников П.С. Шляпников, В.В. Гольшев.

Еще одно изображение женщины, характерное для 60-70-х годов, это – скульптура «Родина-мать». Здесь фигура женщины символизирует Родину. Она величественна и монументальна. Эти скульптуры отличает общность форм и скупость деталей. Это символ величия и торжества Победы. В конце 60-х годов памятники «Родина-мать» были установлены в селе Белый Колодезь Вейделевского района, селе Крюково Яковлевского района, в Старом Осколе.

Скульптурная композиция «Советский воин и партизанка» прославляет воина Красной Армии и женщину-воина, участницу партизанского движения. Парные скульптурные изображения устанавливались на братских могилах в 60-70-е годы. Так, памятник «Советский воин и партизанка» был установлен в 1965 году в селе Никольское Шебекинского района, в 1967 году в селе Беленихино Прохоровского района, в 1959 году в Старом Осколе¹⁵⁷. В этой композиции женщина с оружием в руках предстает как боец, соратница, равная мужчине по воинской доблести.

¹⁵⁶ Бессмертного мужества огонь. Старооскольский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг./ Ред.–сост. В.А. Вербкин. Старый Оскол, 2010. С. 241.

¹⁵⁷ Памятники истории и культуры Белгородской области, взятые под охрану государства. Белгород, 1987.

Если для 60–70-х годов характерны памятники – символы, имеющие сходство во многих композиционных решениях, то в памятниках, установленных в 80–90-е годы, появляются новые художественные и композиционные решения. Памятники этого периода не просто символы, они приближены к живым людям, их судьбам, историям.

Среди композиций этого периода можно выделить установленный в 1995 году на въезде в село Бобровы Дворы памятник «Вдове и матери солдата». Памятник представляет собой скульптурную группу, олицетворяющую русскую крестьянскую семью времен Великой Отечественной войны. В своей композиции автор воплотил трагедию живых людей, страшную суть войны. Скульптурная композиция состоит из трех фигур – матери и двух детей, которые так и не дождались с войны отца и мужа. Скульптор – заслуженный художник России А.А. Шишков. Прообразом памятника стала жительница села Шорстово Мария Федоровна Хорхордина и её дети. Шишков изобразил женщину с высоко поднятой гордой головой. Глядя на композицию, можно сказать, что женщина не сломлена горем, она живет ожиданием. Мальчик – защитник Отечества, девочка – продолжательница рода.

Анатолий Александрович Шишков – автор целого ряда композиций, в которых запечатлен образ женщины. К лучшим работам скульптора можно отнести памятник «Строителям железной дороги Старый Оскол – Ржава» в Старом Осколе. Памятник посвящен женщинам, построившим железную дорогу, протяженностью 92 км пути за 32 дня летом 1943 года. Вместе с железнодорожными войсками на стройку вышло около 25 тысяч трудящихся прифронтовых районов. В основном, это были совсем юные девушки, голодные, плохо одетые, пришедшие с недавно освобожденных от оккупации территорий, которым пришлось вручную выполнять самую тяжелую работу. Композиция состоит из фигур трех работающих женщин и рельсов, поставленных вертикально и уходящих в небо. Автору удалось показать в этих угловатых

фигурах, из которых война вычеркнула всю женственность, непосильную тяжесть труда.

12 мая 2014 года в Международный день медицинской сестры – на территории Старооскольского медицинского колледжа был открыт памятник медицинской сестре. Это символ и дань уважения женщинам – медицинским работникам всех воин и эпох.

Необычен и художественно выразителен памятник, установленный на братской могиле воинов и мирных жителей, сожженных фашистами в здании школы 26 января 1943 года, расположенной на окраине села Гусь-Погореловка Прохоровского района. Первоначально на братской могиле стоял обелиск. В 1967 году была установлена композиция «Родина помнит своих героев». Со временем памятник начал разрушаться, и в 2010 году был установлен новый монумент. Его автор, скульптор Анатолий Федорович Ларин предложил интересную композицию: фигура женщины, олицетворяющей и Родину-мать, и солдатку, ожидающую мужа с фронта, расположена внутри разверзшегося распятия. Будто Родина-мать своей верой и любовью не позволяет распятию распастись на части по вине страшной войны. И одновременно распятие охраняет женщину.

Особое место занимают памятники женщинам – героям войны. Так, 3 ноября 2011 года в селе Соломино, недалеко от моста через Белгородское водохранилище, открыли памятный знак в честь Маресевой Зинаиды Ивановны, посмертно удостоенной звания Героя Советского Союза. Санинструктор 214-го гвардейского стрелкового полка 73-й гвардейской Сталинградской стрелковой дивизии Маресева погибла 6 августа 1943 года. В составе своего подразделения 20-летняя Зинаида участвовала в форсировании реки Северский Донец между сёлами Соломино и Топлинка. В ходе боёв за двое суток она вместе с другим санинструктором вынесла с поля боя 64

раненых и переправила их через реку¹⁵⁸. Памятный знак З.И. Маресевой был установлен еще в 1953 году. В новой композиции присутствует рельефный портрет Зинаиды Ивановны.

В XXI веке память о войне не стерлась. Она приобрела новые художественные формы. Всего на территории Белгородской области 782 памятника воинской славы и воинских захоронений, которые хранят историческую память для будущих поколений.

Л.Н. Анпилова

г. Старый Оскол, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»

Тема исторической памяти в творчестве В.А. Бочаровой

Одной из ключевых тенденций развития декоративно-прикладного искусства Белгородчины является возрождение и развитие традиционных народных промыслов (это ткачество, войлоковаляние, лозо- и кружевоплетение; среди приоритетных направлений – возрождение глиняной игрушки, изучение традиционных кукол). Далеко за пределами Белгородчины известны и успехи мастеров лоскутного шитья: белгородских художниц М. Кудрявцевой, Г. Аксеновой и старооскольских мастериц: Л. Шаталовой (Дом ремесел), Н. Мельниковой (Центр декоративно-прикладного творчества) и, конечно же, признанного мастера декоративно-прикладного искусства Валентины Бочаровой (Старооскольский дом художника).

Валентина Алексеевна Бочарова – член Союза художников России, член Российской ассоциации мастеров лоскутного

¹⁵⁸ Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. Т.2 / Пред. ред.коллегии И.Н. Шкадов. М., 1988.

шитья. В изготовлении лоскутных панно сочетает традиционные и современные лоскутные техники (лоскутную мозаику, аппликацию, синель); удачно экспериментирует с цветом, часто использует авторскую ткань, окрашенную традиционными красителями или с помощью сублимационной печати (это ее авторская разработка). В жанровом отношении лоскутные панно В. Бочаровой многообразны: это пейзажи, сложные тематические композиции, натюрморты и даже портреты.

При всем разнообразии тем и жанров, свойственных современному лоскутному шитью, обращение к военной тематике в этом виде искусства встречается не часто. Работы старооскольской художницы являются, в известном смысле, исключением.

В коллекции Белгородского музея-диорамы «Огненная дуга» хранится лоскутное панно Валентины Бочаровой «Пепел прошлых лет» (2005 г.). Рассмотрим его подробнее. На фоне бескрайнего русского пейзажа (вспаханное поле сменяется косогорами, уходящими в высокое мирное небо) автор искусно воссоздает обгоревшие фронтовые письма и фотографии времен Великой Отечественной войны. В цветовом решении панно автору удалось добиться почти документальной точности: ткань тонировалась чаем, а края отдельных фрагментов обжигались. В работе использована техника «пицца»: «фотографии», размещенные в центре композиции, сложены из крошечных кусочков ткани, скрепленных верхним слоем органзы, придающим особую «дымку», слагающую тот самый «пепел» военных лет. Скрупулезно, слой за слоем выкладывая кусочки ткани, автор воссоздает пожелтевшие снимки, запечатлевшие эпизоды той страшной поры: вот в атаку поднимается взвод солдат, вот пешим маршем бойцы идут по улице деревеньки, а вот привал и фотография солдата, отправленная в родной дом. Панно «Пепел прошлых лет» удивительно многослойно, будит многие ассоциации, связанные с поэзией времен Великой Отечественной войны,

задушевными песнями военных лет. Особый лиризм этой работы обусловлен тем, что военная тема воплощена здесь как тема памяти: мы видим не просто эпизоды войны, хронику военных лет – перед нами свято сберегаемые воспоминания о войне, о людях, о судьбах, о тех, кому мы обязаны своими жизнями.

Тема памяти развивается и в лоскутном панно художницы под названием «Поле» (эта работа стала финалистом Международной выставки-конкурса «Прохоровское поле – 2013»). Сдержанное в цвете, в характере композиции, панно предельно насыщено смыслами. Набор символов лаконичен – вспаханное поле, высокое небо, клин журавлей – так создается образ Родины, Матери-сырой-земли, знакомый каждому. Но вот акцент на напряженную красно-коричневую гамму в нижней части композиции становится в полной мере понятен не сразу. Может быть, это цвет весенней пашни? Тогда возникает вопрос: откуда такая тревожность? Но стоит внимательно взглядеться, и в валунах вспаханной земли становятся отчетливо различимыми гусеницы танков, фрагменты военной техники, груды ржавого металла. Вскрывается глубинный трагический смысл работы: русское поле – это не только нива, это и поле сражений, хранящее память о страшной войне. И в этом ракурсе даже журавлиный клин воспринимается иначе. Он – как воплощение памятных с детства строк Расула Гамзатова:

Мне кажется, порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Эта «перекличка» образов, культурных знаков создает смысловую многослойность лоскутного панно, и простой, на первый взгляд, пейзаж наполняется глубоким символическим подтекстом.

Следует отметить, что обращение к военной теме далеко не случайно в творчестве художницы. Валентина Бочарова родилась в с. Курское Белгородской области, Великая

Отечественная война не обошла ее семью стороной. Ее дед по материнской линии, Федор Константинович Пирогов, воевал в артиллерийском полку, был командиром орудия, помощником командира взвода, дошел до Берлина, был награжден боевыми орденами и медалями. А дед по отцовской линии, Митрофан Дмитриевич Гранкин, с 1941 года считался пропавшим без вести. Лишь в 2013 году благодаря portalу «Память народа» семье удалось установить его судьбу: красноармеец М. Д. Гранкин был убит 19 декабря 1941 г. в боях под Тулой и захоронен в братской могиле № 4 в селе Новоникольское Тульской области.

Нелегкая доля выпала и женщинам, оставшимся дома. Бабушки Валентины Бочаровой помогали советским войскам, рыли окопы, одна из них во время работ была ранена, другую позже угнали в Германию. Во время немецкой оккупации семья матери скрывала раненого советского офицера, а семья отца жила в лесу, прячась в землянках и шалашах.

Родители художницы – дети войны (на начало войны матери было восемь лет, а отцу – двенадцать). Отец Валентины Бочаровой в четырнадцатилетнем возрасте участвовал в строительстве легендарной железной дороги Старый Оскол – Ржава. Рассказы родителей о войне, документальные кадры фотохроники военных лет положены в основу триптиха В. Бочаровой «Дети войны» (эта работа стала финалистом Международной выставки-конкурса «Прохоровское поле – 2014»). Смысловое содержание триптиха неоднозначно: страшное голодное время, руины сожженных домов, натруженные руки матерей, и все же детство – пора надежд и ожиданий, время улыбок и детских забав, пусть даже это качели на дуле артиллерийских орудий...

Как признается сама художница, идеи многих ее произведений навеяны воспоминаниями собственного детства: «Темы моих работ живут внутри меня: воспоминания из детства, крестьянский быт...». Образ малой родины, история России – излюбленные темы Валентины Бочаровой. «Сном о

детстве» можно назвать одну из известнейших ее работ – «Подровное» (это старинное название родного села художницы). В мерцании сине-розовых лоскутков неспешно раскрывается образ русской деревеньки. Укутанные снежными шапками дома, тихая улочка, везущая сани лошадь, а в середине – то ли заснеженное поле, то ли гуси-лебеди, уносящие на крыльях волшебные сказки детства.

Символический образ России, навеянный мотивами русских сказок, раздольем старинных песен, сказаний представлен во многих панно мастера: «Счастье» (работа заняла I место на VII Международном конкурсе «Евроквилт-2009» в г. Москве); «Посконная Русь» (работа получила диплом лауреата Международного фестиваля лоскутного шитья в Хьюстоне в 2009 г.); «Казачья песня» и др.

Лоскутные панно Валентины Бочаровой хорошо известны не только в России, но и за ее пределами. Работы старооскольской художницы побывали во Франции (Эльзас), Германии (Дрезден), Чехии (Теплица), США (Хьюстон, Нью-Йорк), Японии (Токио). Произведения В. А. Бочаровой находятся в коллекциях Государственного Российского Дома народного творчества (г. Москва), Белгородского музея народной культуры, Белгородского музея-диорамы «Огненная дуга», в собственности Старооскольского художественного музея, а также в частных собраниях России, Германии, Франции, Италии, США, Японии.

А.В. Борисова

*г. Ярославль, Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова*

Женский нарратив об Отечественной войне 1812 года

В данной работе мы хотим выделить женские источники личного происхождения, посвященные Отечественной войне 1812 г., как особую группу. Изученные тексты принадлежат широкому социальному кругу авторов.

Прежде всего, это представительницы императорской семьи – императрица Елизавета Алексеевна и великая княгиня Екатерина Павловна. Широко известен и автор, чьи письма к петербургской родственнице и подруге В.А. Ланской стали источником для романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Это Мария Александровна Волкова. Другой автор, принадлежавший к дворянскому кругу, – Надежда Андреевна Дурова. В Отечественную войну она командовала полуэскадрой, участвовала в сражениях. Особая группа авторов – это крестьянки, которые составили свои рассказы об Отечественной войне 1812 г. спустя многие годы.

Независимо от социальной принадлежности авторов, нам интересен индивидуальный опыт проживания в условиях войны. Каждый рассказ – личная история, которая имеет ценность в силу своей уникальности. Источники личного происхождения дают исследователю возможность рассматривать авторов и как героев данных повествований, и как сторонних наблюдателей драматических событий.

Разные задачи ставили перед собой наши героини, рассказывая о событиях той эпохи. В то же время можно выделить несколько тем, которые так или иначе отражены во всех текстах.

Прежде всего, это тема патриотизма. Характер наших героинь определил и формы участия в этих событиях. Императрица Елизавета Алексеевна, натура очень деликатная, мягкая, чуждая публичности и резкости, болезненно воспринимала известия о значительном числе раненых и страждущих. Свое участие в деле помощи Отечеству она выразила в создании Благотворительного общества.

Деятельная, целеустремленная, обладавшая, по мнению современников, мужским характером, вел. кн. Екатерина Павловна разработала проект создания народного ополчения для помощи армии: «В то время, когда любовь к Отечеству и преданность Государю, одушевляя всех россиян, делают их готовыми к величайшим пожертвованиям жизнью и

имуществом, я не могла воспротивиться влечению моего сердца, чтоб принять некоторое деятельное участие в способах ко умножению военных наших ополчений»¹⁵⁹.

В переписке 1812 г. Екатерины Павловны не звучат философские размышления, стремления осознать происходящее и найти ответы на вопросы времени. Эта деятельная натура сосредоточила свое внимание на практической стороне бытия. Имея возможность и стремление, она проявила свое отношение к событиям через опосредованное участие в военных действиях.

Находившаяся в действующей армии Н.А. Дурова отразила взрыв патриотических настроений в своих записках следующим образом: «Близ Смоленска объявили нам государев манифест, в котором было сказано, что «государь не удерживает более нашего мужества и дает свободу отметить неприятелю за скуку противу вольного отступления...». Солдаты наши прыгали от радости, и взоры всех пылали мужеством и удовольствием»¹⁶⁰.

Неотъемлемой составляющей патриотических чувств были чувства религиозные. Все без исключения авторы в период тяжелых испытаний уповали на Бога, видели Его промысел во всем происходящем. Елизавета Алексеевна и М.А. Волкова рассуждали о Высшей силе как движении истории, направляющей тысячи и миллионы людей. Императрица писала матери: «Наконец-то Господь направляет нас ко благой

¹⁵⁹Письма великой княгини Екатерины Павловны: Читано в заседании Тверской ученой архивной комиссии 13 апреля 1888 г. членом комиссии Е.А. Пушкиным. Тверь, 1888. С. 27.

¹⁶⁰ Дурова, Н.А. Материалы к ее биографии / Сообщ. Ф.Ф. Лашманов // Русская старина. 1890. Т. 67. № 9. С. 649.

цели и, надеюсь, не оставит теперь уже до самого конца, ибо бесчисленные жертвы послужили только добру»¹⁶¹.

Черпала силы и твердость духа в вере и М.А. Волкова: «Какое счастье не быть лишенной веры в Провидение: она не дает впасть в отчаяние, что непременно случилось бы, если бы полагались на силы и гений жалкого человечества»¹⁶².

Воспоминания представительниц крестьянского сословия скупы на эмоции. В них отсутствуют политические и философские рассуждения. Они ощущали ситуацию иначе: питались именем Божиим, видели Провидение в поступках отдельных людей, считая, что расплата за грехи наступает неотвратимо. Так, очень выразительно рассказала о происшествии в своем селе Андреева: «Раз пришли к нам шестеро французов. Был у нас мужик, тоже крещеный, а жалости не знал. Схватил он дубину и бросился на французов. Пятерых тут же положили. ...А мужик-то и года после того не прожил: его Господь наказал»¹⁶³.

В записках крестьянских женщин война отражена как период жизни, мало отличавшийся от обыденного существования. У них отсутствовал страх за свою жизнь (как Бог даст), за свое имущество (все ценное можно было унести в котомке). Они отмечали примеры человечности и жестокости как со стороны французов, так и русских.

Иная тональность в письмах великосветских дам. Они наполнены официальной идеологией, транслируют тот образ врага, который так настойчиво формировали церковь и правительство. Во многих источниках звучали слова восхищения русским народом, вставшим на защиту своего

¹⁶¹Письма 1812 года М.А. Волковой к В.А. Ланской. Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. Сост. М. Вострышев. М., 1990. С. 234.

¹⁶²Письма 1812 года М.А. Волковой к В.А. Ланской... С. 254.

¹⁶³Рассказ Т. Андреевой, бывшей крепостной// Отечественная война 1812 года глазами современников... С. 50.

Отечества. В этот период современники стали сравнивать тот образ жизни, к которому они привыкли и считали единственно возможным, и народную жизнь, кипевшую вокруг. Иностранное влияние перестало восприниматься как благо: «Французам обязаны мы развратом; подражая им, мы приняли их пороки, заблуждения, в скверных книгах их почерпнули мы все дурное»¹⁶⁴.

Разделяя патриотические чувства своей второй родины, императрица Елизавета Алексеевна внимательно наблюдала за происходящим и с восторгом писала матери: «Сообщают о героизме и стойкости даже простых крестьян.... Безмерные жертвы русского народа, его верность при всех испытаниях и доблесть, даже среди крестьян, которые сами собираются в отряды без каких-либо приказов»¹⁶⁵. Из наших авторов только Елизавета Алексеевна отражала в своих письмах события как звенья исторического процесса. Для нее было важно не столько то, что происходит, сколько то, почему это случается и какой урок мы должны получить, проживая эти дни.

Настроения в русской армии по поводу взятия французами Москвы отразила Н.А. Дурова: «оставление столицы привело нас в какое-то недоумение; солдаты как будто испуганы; иногда вырываются у них слова: лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдавать Москву!»¹⁶⁶.

Бедственные обстоятельства, в которых оказалась французская армия, вызывали сострадание русского населения. В мемуарах отмечены многочисленные случаи помощи пленным: «со двора потянулись телеги с ранеными. Где они проехали, остался кровавый след... Хозяйка наша скупа была,

¹⁶⁴Письма 1812 года М.А. Волковой к В. А. Ланской... С. 254.

¹⁶⁵ Елизавета и Александр. Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792-1826 / Сост., пер. с фр. яз и коммент. Д.В. Соловьева и С.Н. Искюля. М., 2013. С. 150.

¹⁶⁶ Дурова Н.А. Материалы к ее биографии ... С. 663.

а тут уж ничего не пожалела: «Откупоривайте бочки! Разносите вино! Кто сколько хочет, пусть пьет на здоровье»¹⁶⁷.

Как следует из источников, женский взгляд на события Отечественной войны 1812 г. оказался содержательным, эмоционально окрашенным. Причинами тому были объективные и субъективные обстоятельства. Во-первых, жены и матери оказывались в ситуации неведения, отсутствия возможности активно участвовать в событиях, могли только сопереживать близким и Отечеству. Во-вторых, женщины остро и ярко чувствовали происходящее вокруг, были участницами и очевидцами событий, которые вызывали глубокую рефлексию.

Е.А. Боряк

*г. Киев (Украина), Институт искусствоведения,
фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рильского НАН
Украины, Украинский этнологический центр*

“...Вот и пишу всякую ерунду...”:

**“мелочи” армейской жизни в письмах зенитчицы
(1943–1945 гг.)**

Своеобразие личной переписки как источника состоит в том, что она не предназначается для коллективного прочтения – детали частной жизни важны только лишь для самого близкого окружения. С другой стороны, именно эта “частность” делает содержание писем отражением несколько другой реальности, которая, очевидно, может отличаться от официального дискурса. Именно благодаря письмам эта реальность открывает свои потаенные черты. Она характеризуется открытостью суждений, высокой степенью

¹⁶⁷ *Кромановская А.И.* Рассказ бывшей крепостной М.Я. Кротковой // Отечественная война 1812 года глазами современников. М., 2012. С. 51.

эмоциональности и искренности, внутренним взглядом на собственное мужество и героизм, так же как и на случаи слабости и отчаяния. Все это, как правило, оказывается далеким от идеологического канона.

В Украине в 2014 г. отраслевой государственный архив Службы безопасности осуществил электронную публикацию коллекции архивных материалов под названием: “Прості люди Другої світової війни: думки, настрої, переживання” (“Простые люди Второй мировой войны: мысли, настроения, переживания”), в том числе – перлюстрированные цензурой письма, изъятые при пересылке¹⁶⁸. В 2015 г. подготовлено научный сборник “Жінки Центральної та Східної Європи у Другій світовій війні: гендерна специфіка досвіду в часи екстремального насильства” (“Женщины Центральной и Восточной Европы во Второй мировой войне: гендерная специфика опыта во время экстремального насилия”)¹⁶⁹.

В основе представленного на VIII конференции РАИЖИ доклада – 25 писем девушки –командира приборного отделения 767 зенитно-артиллерийского полка Куйбышевского дивизионного района ПВО. Они датируются 1943–1945 гг., были адресованы в Москву самым близким людям – маме, папе и сестре. К моменту написания первого письма (январь 1943 г.) автору только исполнилось 19 лет. Последнее письмо датируется 15 мая 1945 г. Ныне все письма хранятся в семейном архиве адресанта.

Письма, написанные с января 1943 г. до июня 1944 г., доставлялись полевой почтой со станции Правая Волга (поселок Батраки, ныне – город Октябрьск Самарской области), где все это время 767 ЗАП стоял на обороне стратегического объекта через р. Волга – так называемого Сызранского железнодорожного моста. Все это время

¹⁶⁸http://www.sbu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=124862&cat_id=39574

¹⁶⁹<http://uamoderna.com/robochij-stil/book-launch-women-wwii-kyiv>

заградительным огнем они обеспечивали прохождение военных эшелонов, техники, продовольствия. Летом 1944 г. полк был передислоцирован ближе к военным действиям – на территорию Польши. Для его личного состава война закончилась в г. Варшаве.

Особенность ЗАП времен Второй мировой войны состояла в том, что это были даже не женские, а “девичьи” полки. Мужчины тут исполняли преимущественно командные функции. Быть зенитчицей (да еще и “заряжающей”) означало почти изо дня в день носить ящики со снарядами, каждый из которых весил 16 кг (а в комплекте их было 4). Надо было быть всегда предельно выдержанной, внимательной, реагировать на приближение вражеского самолета, быстро считать.

Следует обратить внимание, что почти полтора года полк дислоцировался на одном месте – на правом берегу Волги (к тому же значительное время – вдали от линии фронта). Поэтому в данном ЗАП быт во многих своих чертах был, очевидно, нетипичным. При этом следует учитывать, что армейские “треугольники” проходили строгую цензуру, фронтовики об этом были предупреждены и при переписке себя контролировали. Для нас важно также помнить, что письма были адресованы маме, поэтому они прежде всего должны были успокоить ее тревогу: “Мамочка, ты за меня не волнуйся [...] я тебе рассказывала, как я живу, дай Бог всякому” (июль 1943 г.); “Милая мамочка, я знаю, что ты теперь сильно будешь волноваться за меня, но я думаю, что мы близко от передовой линии не будем, о здоровье моем тоже нечего волноваться, чувствую себя лучше, немного поболела и похудела, но ведь я была такая загорелая!” (август 1944 г.).

Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении письма дают уникальную возможность глубинного взгляда на армейскую повседневность. В одном из своих писем зенитчица сетовала: “За глупые мои письма не обижайтесь, я прямо не знаю, что в них писать, вот и пишу всякую ерунду” (сентябрь

1943 г.). Спустя 70 лет именно эта “ерунда”, вопреки всем обстоятельствам, высвечивает для нас потайную реальность женской военной повседневности.

Из чего же она состояла? Осмелюсь утверждать: из абсолютной, безмерной (хотя внешне и очень скромной) уверенности в том, что ее место – только на фронте, в битве с врагом: “...с моей силой только фашистов бить, но, видно, так ни одного и не кокну” (декабрь 1943 г.). Но при этом – ежедневной, ежечасной мысли о доме, о маме, о друзьях, с мечтой об уюте, тепле, комфорте: “Мамуличка, родная, ты совсем забываешь свою доченьку, а я каждый день вижу во сне тебя, и днем все мои мысли дома”; “Очень, очень соскучилась, очень хочу вас повидать. Прямо хоть полчаса”; “...сейчас в холодные осенние дни, особенно ночи, хочется домой, посидеть за столом, а потом лечь спать под теплое одеяльце вместе с вами, так как мы спали при моем приезде в Москву” (сентябрь 1944 г.).

Военная повседневность состояла из стойкости в лишениях и трудностях армейской жизни, понимания их неизбежности. В письмах к маме – никаких жалоб. Возможность излить душу оставалась только при общении с сестрой, но и тут слова отчаяния воспринимаются как минутная слабость: “Прямо не везет мне, то малярия, то теперь простудилась. Ужасный насморк, болит горло, да еще в ухо стреляет, t – 38,5. Сейчас лежу в землянке одна, все ушли на политбеседу в ленинский уголок, а мне так стало скучно, что я всплакнула даже.[...] Танечка дорогая моя, как все надоело ужасно, и эта землянка, и все, все. Мне кажется, что никогда это не кончится, еще погода такая паршивая, холодно...” (сентябрь 1943 г.). Но, собственно, на этом жалобы в письмах заканчиваются...

Но того, что описывалось зенитчицей, преимущественно в легком, с тенью беззаботности, стиле, все же достаточно, чтобы понять степень напряжения ее сил: “На улице мороз стал меньше, щеки мои почернели и лупятся немного, но это

все ерунда”; “Не беспокойся обо мне, я сыта, сейчас кормить стали лучше, уже второй день дают сахар и кашу маслят” (январь 1943 г.); “У нас сразу было много несчастий. Убило комбата током, некоторые сбежали. Но сейчас все вошло в свою колею. В вагоне весело, гармонь, гитара, поют” (август 1944 г.); “Ехали весело, в полуразрушенных вагонах” (начало 1945 г.).

Невзирая на то, что война все три долгих ее фронтовых года была рядом, она не смогла лишить девушку стремления оставаться женственной, привлекательной. Хотя добиться этого было сложно: “Теперь частенько у нас бывают сержантские вечера с вином. Понемногу привыкаю к настоящей русской горькой, теперь еще осталось курить, но этого никогда не будет. Образ девушки терять не стоит, очень противные девчата, которые курят, лучше скушать сахару вместо табаку” (сентябрь 1943 г.). Обращаясь к родным, она не раз просит выслать ей стиральный порошок, пуговицы, крем, пудру, заколки, черные нитки. Она радуется обновке: “Мне дают новую гимнастерку, и я буду форсить как поеду в Батраки” (январь 1943 г.); “...получила хорошенькую гимнастерку и шапку” (ноябрь 1944 г.), и болезненно переживает свое внутреннее, как ей представляется, неминуемое перерождение: “...все же армия взяла свое, грубиянка стала большая, так нас научили, это требуют от нас командиры. Быть отделенным командиром – значит быть грубым к подчиненным, иначе они тебе на голову сядут, вот и результат. Пошли мы [...] в клуб гражданский г. Сызрани на танцы, там было много ребят, а я не могу ни с кем похорошему разговаривать, всем грублю помимо воли, прямо неудобно. Меня даже спросили, вы долго на фронте были? Понятно, почему на фронте люди такие серые” (сентябрь 1943 г.). На страницах писем мы найдем упоминание и о привязанности к молодому офицеру, и о сексуальных домогательствах в отношении девушек, особенно на исходе войны.

Как видим, фронтовые письма проливают свет на особенности пребывания в Красной Армии женщин – тех, кого независимо от возраста будут называть “фронтовички”. Воинская служба давалась им нелегко. Приходилось адаптироваться к тяготам военного быта, состояниям стресса и страха, чувственным переживаниям, и при этом искать пути выживания. Но как физические, так и душевные силы в экстремальных условиях войны они черпали в причастности к достижению великой цели – победы над нацизмом.

А. Броше

г. Москва, актуальная художница

«Амнезия» (артпроект-участник выставки «Забытая война»)

Артпроект «Забытой войны» вновь возрождает известное наблюдение: не женщины придумали войну. Однако общество, теряющее память, возвращается к войне. Кураторы выставки искали работы современных художников о войне – и нашли их среди работ женщин-художниц, хотя это не «девичья» тема. На тему войны художника наводят разные ассоциации и аллюзии. На Конаковском фаянсовом (бывшем заводе Кузнецова) о войне трудно не вспомнить, находясь в горячих цехах. Можно представить ужасы войны, находясь в действующих, огромных, как самолетные ангары, пространствах. Тарелки, ползущие по конвейеру, остаются где-то высоко под потолком. Глухой лязг железной дороги, заходящей прямо на территорию завода, в цеха, тоже наводит на мысль о войне. И весь завод – это же нешуточная война с собственными достижениями, с мастерством, традициями, культурой и искусством в конце концов. Хрупкость наивного ширпотреба, как хрупкость человеческой жизни. Кто бы мог подумать 10-15 лет назад, что где то недалеко («Крымнаш») будут стрелять, убивать, бомбить, разрушать. Думать об этом очень тяжело, болезненно. Для экспонирования моих работ во

время научной конференции мне понадобится старинный медицинский шкаф, как в школьном медкабинете. Тогда (мне кажется) почувствуется почти физическая боль: бьется не фарфор, а человеческая жизнь, такая же красивая и хрупкая. Шамот (глина) сможет тогда «прорасти» насквозь, стать нежным рисунком, собирающим обломки во что-то вновь целое. Если Война что-то разбивает, Искусство в силах попытаться осмыслить, «склеить» и воссоздать разбитое.

Е.В. Годовова

г. Оренбург, Оренбургский филиал ФБОУВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»

**«За все счастье, за то, что жить хочется, благодарю тебя»:
письма донского казачьего офицера
как источник по истории военной повседневности**

Одним из интереснейших источников по истории повседневности являются письма. Личные письма, написанные близкому человеку и не предназначенные для чужих глаз, заведомо не преследуют никакой общественно-политической цели и представляют собой источник уникальной психологической достоверности. Ни один другой источник не может так же точно передать настроение, образ мысли, психологию человека определенного социального слоя и определенного исторического периода, восприятие им тех или иных событий¹⁷⁰.

К сожалению, писем, написанных казаками во второй половине XIX – начале XX века, практически нет в архивах, и поэтому поистине уникальным источником являются письма, опубликованные Е.Ф. Колпиковой в книге «300 писем расстрелянного есаула». Они были написаны в период Первой

¹⁷⁰ Волков С.А. Предисловие // Колпикова Е.Ф. 300 писем расстрелянного есаула. М., 2009. С.5.

мировой войны донским казачьим офицером Александром Упорниковым и адресованы любимой девушке, подруге, а потом жене Валентине Хрисанфовне Упорниковой, до замужества Григорьевой.

Александр Упорников родился в 1893 году в станице Акишевой Хоперского округа Войска Донского. Воспитывался в Симбирском кадетском корпусе. После его окончания был принят в Михайловское конно-артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, которое окончил в 1912 г.¹⁷¹ Валентина Григорьевна тоже выросла на Дону, в станице Урюпинской, училась в гимназии в станице Усть-Медведицкой. Ее роман с молодым донским казаком Александром Упорниковым начался в 1913 году в Замостье (Польша), где служили донские казаки, в том числе сам Упорников, отец и брат Вали, и куда она приезжала со своей матерью на лето. В 1914 году началась Первая мировая война и Александр Упорников ушел на фронт. За годы войны молодые люди виделись всего несколько раз: во время его краткосрочного отпуска и ее приездов на фронт в период затишья. А в основном их общение – это переписка, в которой так много любви.

В одном из своих первых писем, написанном спустя некоторое время после знакомства, он говорит: «...Начиная эти строки, мне только хочется сказать Вам о том, как безумно иногда тоскую по Вам с тех пор, как Вы покинули Замостье, и как сильно с первого взгляда люблю Вас»¹⁷². Когда Александр писал эти строки, он еще не знал, что Валя тоже полюбила его, поэтому извинялся за свои откровения и не рассчитывал получить ответ: «Я знаю – Вы не ответите мне на это письмо, и поэтому оно будет последним»¹⁷³ – и, конечно, был очень рад получить от нее ответ: «Я все же никогда не думал, что Вы мне

¹⁷¹ Колтикова Е.Ф. 300 писем расстрелянного есаула. М., 2009. С. 550.

¹⁷² Там же. С. 205.

¹⁷³ Там же.

ответите. Мне всегда казалось, что я для Вас пустое место, мимо которого можно пройти, не замечая, и с этой мыслью я совсем примирился. Вы можете судить теперь, что было со мной, когда на столе у себя я увидел Ваше письмо. Я долго его не распечатывал, но в конце концов почти угадал его содержание, потому что на мое письмо можно было или вовсе не ответить, или же ответить так, как Вы»¹⁷⁴.

Из писем Александра Упорникова писем мы узнаем о его увлечении изучением военной истории и желании воевать («Пока что на мою долю выпадает отвратительная жизнь тыла. Что же, я не унываю, пройдем через все тернии, но и дойдем же когда-нибудь до передовых линий»)¹⁷⁵, о том, что тяжелее условий фронтовой жизни для молодого офицера был «книжный голод», что в блиндаже он мечтал прочитать «Войну и мир», и, конечно, желал скорейшего завершения войны: «Теперь и я начинаю мечтать о том времени, когда все наконец кончится»¹⁷⁶.

В одном из своих писем Упорников отговаривает Валю ехать на фронт сестрой милосердия: «Теперь снова проскользнуло у тебя желание ехать на фронт. Право, не стоит, Валя. Поверь мне. Ведь это все не то, что ты захочешь встретить. Почти наверное к раненым тебя и близко не пустят, а тогда зачем же ехать. Брось это дело. Тебе оно не может доставить ни минуты нравственного удовлетворения»¹⁷⁷. Конечно, он опасался за жизнь любимой и не хотел, чтобы она видела все ужасы войны.

Упорников очень хочет жениться на Вале и в трех письмах пишет ей, что она должна сделать для окончания «бумажного дела»: переслать ему свое метрическое свидетельство, согласие на вступление в брак невесты и ее матери. В сентябре 1916

¹⁷⁴ Там же. С. 207.

¹⁷⁵ Там же. С. 215.

¹⁷⁶ Там же. С. 245.

¹⁷⁷ Там же. С. 240.

года молодые люди обвенчались. После этого в письмах как будто становится еще больше нежных чувств к своей любимой, теперь уже жене.

Маленькая девочка, любимая маленькая мечтательница, моя любимая Валя, Валечка, Валюська, дорогой Китаец (Валя шурила глаза из-за близорукости – Е.Г.), дорогая, родная, греза моя, любимая моя девочка, дорогой, славный друг, мое солнышко, малышка, славная, милая, любимая, звездочка, женка, мое единственное счастье – такими ласковыми именами называет свою Валентину А. Упорников.

Практически каждое свое письмо он заканчивает словами: «Будь здорова и счастлива. Крепко целую».

Упорников не очень много пишет о самой войне, обычно ограничивается фразами «ты это можешь узнать из газет» или «не хочу описывать этого». Вероятно, это было связано с тем, что все письма проходили цензуру. Хотя в одном из них он рассказывает, как попал под удушливые газы. Он и еще один казак были в масках и выжили, а двое других задохнулись¹⁷⁸.

Несмотря на то, что письма Упорникова обращены к любимой, они позволяют увидеть, насколько велико в нем чувство самосознания как представителя казачьего сословия: «Я не жду от своей службы ни выгод, ни карьеры, иначе не стоило бы оставаться в войске. Ведь в любой из регулярных батарей я был бы старшим офицером. Но расстаться с родным нет желания. Я все же горд сознанием, что я донской казак, и пусть в тылу вешают на нас каких угодно собак, в бою с нами счастлив быть каждый»¹⁷⁹. Когда брат Александра предложил ему быть у него в батарее старшим офицером, он отказался: «Меня остановила необходимость перестать быть казаком. Перестать верить и любить все то, чему верил и любил раньше, перестать быть конником...»¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Там же. С. 311.

¹⁷⁹ Там же. С. 250.

¹⁸⁰ Там же. С. 337.

Письма Упорникова свидетельствуют о том, как за годы войны меняются его взгляды на армию и на войну.

В августе 1914 года он пишет: «Вот и война, Валя, о которой мы все так мечтали в Замостье. Так больно и стыдно, что до сих пор еще не впереди, что нет сил писать... Когда нас двинут из Новочеркаска, неизвестно. Пока я далеко еще от всех этих прелестей, не думаю, что такое положение продлится долго»¹⁸¹.

В 1916 году в нем еще сохраняется оптимистический настрой и патриотический дух: «Теперь только одно мне ясно, что нужно продолжать войну до конца, до тех пор, пока окончательно возьмем верх либо мы, либо они. Иначе нет права вернуться домой, и как жить с вечным стыдом перед родными могилами. Хватило бы только силы, так как эта жизнь дает себя чувствовать уже на втором году»¹⁸². Однако события февраля – марта 1917 года кардинальным образом изменили отношение Упорникова к войне. В мае 1917 года он пишет: «Постепенно я превращаюсь в самого ярого противника войны. Я даже не знаю, способен ли я после мира остаться офицером. Мне страшно обидно, что миллионы людей говорят ложь и прикрывают ее такими святыми идеалами»¹⁸³; «Патриотизм мой совсем испарился, и я одинаково чувствую себя чуждым всяким течениям»¹⁸⁴; «Патриотическое чувство пропало совершенно, веры нет ни в кого и ни во что... Война, на мой взгляд, уже проиграна, и теперь совершенно безразлично, будем ли мы продолжать драться»¹⁸⁵.

Безусловно, выживать на фронте и коротать время в тылу помогали письма, о чем А. Упорников не единожды писал Валентине: «Твои письма всегда как будто возвращают к

¹⁸¹ Там же. С. 2–33, 215.

¹⁸² Там же. С. 311–312.

¹⁸³ Там же. С. 469.

¹⁸⁴ Там же. С. 488.

¹⁸⁵ Там же. С. 497.

жизни, как будто повторяют, что есть другая, какая-то особенная жизнь¹⁸⁶. Так хорошо, что у нас с тобой есть своя личная жизнь. За все счастье, за то, что жить хочется, благодарю тебя»¹⁸⁷.

Частная переписка уникальна как исторический источник. Письма раскрывают мировоззрение человека, показывают, как меняются его мысли, взгляды, настроения, помогают увидеть особенности характера автора письма, позволяют исследователю или просто читателю прочувствовать то, что он чувствовал, пережить те события, которые пережил он.

Д. Джиганте

г. Брюссель (Бельгия), Брюссельский Свободный Университет

Другой фронт войны: роль женщины в борьбе за выживание своей семьи. Особенности женского нарратива

Роль женщины во время войны тесно связана с темой еды или ее отсутствия, что обусловлено трагической социальной спецификой военных конфликтов вообще, а в СССР и в России особенно. Эта тематика часто превалирует в произведениях современных российских писателей и, в первую очередь, писательниц, которые, видимо, наиболее остро чувствуют проблему, повествуя о настоящих чудесах, совершаемых женщинами, умудряющихся извлекать еду почти «из ничего», чтобы спасти от голодной смерти свою семью. В произведениях, которые будут рассмотрены в докладе, описываются сложные психологические отношения с едой, возникающие у людей в период голода или нехватки продуктов питания, и последствия во времени такого состояния. Еда также часто является катализатором интроспективных мотивов, психологических нюансов и может также служить ключом для реконструкции и отражения той роли «кормилиц», которую

¹⁸⁶ Там же. С. 343.

¹⁸⁷ *Колтикова Е.Ф.* 300 писем расстрелянного есаула. М.: 2009. С. 489.

играли женщины во время войны и в трудные послевоенные годы. Конечно самые страшные картины голода и голодной смерти мирного населения мы находим в воспоминаниях блокадников-ленинградцев, когда людям приходилось есть известку, уголь, клей, обувную кожу. Темы еды во время блокады касаются в своих произведениях как писательницы, сами пережившие блокаду, например, Лидия Гинзбург (*Записки блокадного человека*), так и авторы новых поколений Елена Чижова (*Время женщин*), Татьяна Толстая, Карина Добротворская и другие.

Показательные примеры сложности литературных мотивов, связанных с темой еды, находим в произведениях Людмилы Петрушевской, в которых нередко, например в романе *Время ночь*, то что едят, а еще более - не едят персонажи во многом определяет сущность их характеров. Человеческий космос, который демонстрирует Петрушевская, часто помечен неумолимым чувством голода, необходимостью любой ценой доставать еду, что влияет и на отношения между людьми. Подобный контекст порождает женские типы, полные решимости преодолеть любые, возникающие постоянно материальные трудности, чтобы суметь тем или иным способом накормить семью. Этот опыт, который писательница переживала в собственной жизни, позволяет ей погружаться в души своих героев, демонстрируя то, как страдания, физические и духовные, повлияли на все послевоенные поколения. Интересным представляется свидетельство автора из ее автобиографического романа *Маленькая девочка из «Метрополя»*, в котором Петрушевская описывает события своего детства в Куйбышеве сразу после войны: "Мы рыскали в поисках пропитания всюду, как бродячие щенята." Среди описанных в книге Петрушевской фигур выделяется своим могучим характером бабушка, которая выискивает в мусоре «толстые картофельные очистки, селедочные хребты с головкой, зеленые капустные листья», из которых ей удается варить супы.

Искусство советской домохозяйки «доставать» продукты, накормить семью «из ничего» стало *топосом* в литературе о том времени. Людмила Улицкая, например, в *Медее* описывает хрустящее печенье сделанное из картофельных очисток; Владимир Каминер в романе *Тоталитарная кухня* (написанном на немецком) вспоминает необыкновенную способность своей бабушки, которая готовила практически из ничего: «Могла сделать торт из черствого хлеба, готовила мармелад из пары морковок и лука, из муки и рыбьих голов изготавляла вполне съедобные котлеты». В пандан к этим кухонным «подвигам» можно добавить разнообразного типа уловки, позволявшие каким-либо образом обмануть голод. Не удивляет, что во многих произведениях о войне, о послевоенном времени еда нередко приобретает почти сакральное значение. И это накладывает специфический оттенок и на лексико-семантические аспекты создаваемых писательницами женских характеров, о чем также будет сказано в докладе.

В книге *Детство 45-53: а завтра будет счастье* Людмила Улицкая опубликовала воспоминания тех, чье детство прошло в послевоенные годы и одна глава книги, *Ели*, посвящена еде. В своем кратком предисловии к этой главе писательница вспоминает поистине геройские поступки, совершаемые домохозяйками, которые “проводили над своими печками, керосинками, керогазами не меньше времени, чем сегодняшние гурманы. Но что они готовили? Бедный супчик, каша, картошка. Это было безотходное производство: картофельные очистки – еда, свекольная ботва – еда, жмых – еда! Послевоенное поколение мечтало о хлебе!”.

В выступлении будут рассмотрены особенности нарративной техники, присущие женской прозе, тематически связанной с проблемой еды, а также некоторые приемы создания наиболее репрезентативных женских образов в произведениях современных писательниц: Петрушевской, Улицкой, Чижовой и других.

Т.М. Дмитриева, Е.С. Турутина
г. Томск, МАУ ЦПСА «Семья», Национальный
исследовательский
Томский государственный университет

Образы женщин в дискурсе фильмов о войне

Замысел данной статьи заключался в ответе на основной вопрос – происходит ли трансформация образов женщин-участниц войны в таком массовом искусстве, как кино, или в кинематографическом дискурсе по-прежнему доминируют традиционные представления о роли женщин на войне. Предметом исследования были выбраны анонсы и комментарии на сайтах, посвященных кино. Особенный интерес авторов вызвали 2 фильма про войну, вышедших в прокат в 2015 году, где главными героинями выступили женщины: «Батальон» и «Битва за Севастополь». В совокупности с кинокартиной «А зори здесь тихие» эти работы в интернет-пространстве уже окрестили трилогией фильмов о женщинах на войне.

Внесем пояснения: под традиционным стереотипом женщины на войне понимается представления о ней как пассивной, не имеющей отношения к риторике героизма, в ее репрезентации не признается значения в военных действиях и в целом вклада в исход войны и Победы. При этом важно помнить, что в годы Великой Отечественной войны «около 800 тысяч женщин воевали с фашистами. Они служили в разных войсках – большинство в госпиталях (61% среднего медперсонала составляли женщины), в подразделениях связи (80%) и дорожных войсках (почти половина состава). Прославился женский авиационный полк ("Ночные ведьмы"). Воевали женщины-снайперы, женщины-разведчики, женщины-зенитчицы...»¹⁸⁸. К этому списку можно добавить женщин,

¹⁸⁸ www.otvoyna.ru

служивших в танковых и стрелковых войсках (автоматчицы, пулеметчицы, минометчицы). При этом традиционные массовые образы женщины на войне в отечественном кинематографе – санитарка, радистка, боевая подруга, работница штаба, военный врач, иными словами, все, что связано с принципами заботы и ухода.

Новый, модифицированный взгляд на женщину как участницу войны предполагает ее активную социальную позицию, признание ее достижений на войне и наличия лидирующих качеств.

Методом исследования выбран гендерный анализ – он представляет собой реализацию гендерного подхода в практике анализа исследуемого материала. Важную роль в нашем исследовании оказал метод гендерной деконструкции, который с позиции гендерных различий помогает прочесть скрытые смыслы в социальном дискурсе. Касавин И.Т. определяет дискурс как неоконченный, живой текст, взятый в момент его непосредственного включения в акт коммуникации, во взаимодействии с контекстом¹⁸⁹. Дискурсивным полем в нашем случае выступают тексты анонсов и комментариев к обозначенным фильмам на различных сайтах о кино. По словам А. Усмановой, «гендер может быть помыслен как продукт различных социальных технологий»¹⁹⁰, а кино, как известно, является одним из таких. В целом, медиа являются «наиболее эффективными технологиями гендера – приспособляющимися, модифицирующими, реконструирующими и производящими культурные представления о

¹⁸⁹ Касавин И.Т. Социальная эпистемология: Фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2013. С. 310.

¹⁹⁰ Усманова А. Гендерная пробелматика в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков, 2012; СПб.: Алетей, 2001. С. 451.

половом различии»¹⁹¹. В результате «кодировки» текстов анонсов и аннотаций к указанным фильмам мы можем получить ряд тезисов, позволяющих по-новому осмыслить образы женщин на войне.

Женский опыт и фемининные практики на войне, бесспорно, находят свое отражение в официальном дискурсе – СМИ, науке, политике. Массовое кино и реклама как формы такого дискурса показательны особенно, т.к. во всем многообразии отражают распространенные в социокультурном пространстве традиционные гендерные стереотипы и новые, формирующиеся модели мужественности и женственности. Все выбранные кино картины были широко анонсированы в социальных сетях.

Активные репрезентации образов женщин в кинофильмах о войне начались в 2013 г., когда на телеэкранах вышли многосерийные фильмы «Разведчицы» и «Гетеры майора Соколова». В январе 2015 г. по российскому телевидению на Первом канале прошел многосерийный фильм «Палач», раскрывающий историю негативного образа женщины – Тоньки-пулеметчицы.

В феврале 2015 г. выходит фильм «Батальон», он хотя и не о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., но один из первых в 2015 г., который открывает в массовом прокате трилогию женского опыта на войне. Действия этого военного фильма разворачиваются в дореволюционной России, в Первую мировую войну. В нем повествуется о женщине – командире женского батальона. Этот образ воплотила на экране замечательная русская актриса Мария Аронова. Благодаря ей женщина-командир получилась брутальной внешне, и одновременно по-женски чувственной. Марию Бочкареву, персонаж кинокартины, по праву можно отнести к

¹⁹¹ Там же. С. 452.

андрогинному типу личности, соединяющему в себе маскулинные и фемининные качества.

Для авторов статьи героиня этого фильма особенно значима. Дело в том, что она имеет общие корни с нашим родным городом Томском, куда из Новгородской губернии переехала ее семья в поисках средств к существованию. Здесь же Мария вышла первый раз замуж, сюда же вернулась, когда рассталась со вторым супругом, известным по фильму Яшкой, который нередко применял по отношению к ней рукоприкладство. Эти сцены со всей жестокостью показаны в кино и поражают диссонансом: когда легендарная женщина, командир батальона, отважная, смелая, сильная физически и морально, вдруг до крови избивается своим бывшим мужем на глазах его боевых товарищей¹⁹².

Возникает вопрос, почему авторы фильма включили эти сцены в фильм: либо они хотели показать исторические реалии жизни простой русской женщины, либо важно было показать яркую сцену, которая бы привлекла внимание телезрителей, ведь, как известно, насилие относится к числу подобных явлений? Эта сцена действительно, с одной стороны, показывает твердость характера, силу духа Марии, с другой стороны, указывает на властные отношения мужчин к женщинам.

Из провинции уходили на войну в качестве доброволок совсем юные девушки. Мотивы были разнообразные: месть за убитых на войне отцов, братьев, любимых. Некоторые просто стремились сбежать от однообразных будней. При этом, «стремление уйти от личных проблем сочеталось у доброволок с неподдельной и даже фантастичной любовью к своему Отечеству»¹⁹³. Мария Бочкарева была одной из них.

¹⁹² <https://ru.wikipedia.org/wiki>

¹⁹³ Цит. по: *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в 18 – начале 20 в. С. 440.

Итак, какие репрезентации на сайтах о фильме «Батальон» встречаются в интернет-пространстве, и какой образ женщины на войне они в себе объединяют?

Официальная точка зрения самих издателей этой кинокартины выражается следующим образом: *«Уникальность выбранных нами образов женщин-воинов позволит добиться высокой степени интереса и сочувствия у зрителей, гордости за наш народ, за наше прошлое – а значит, и роста подлинного, глубинного патриотизма», «фильм рассказывает о подвиге Женского «Батальона смерти» – отряде женщин под командованием Марии Бочкаревой», «На фронте они подавали пример храбрости мужчинам, при этом оставаясь женщинами – со своими мечтами и надеждами. Уникальные судьбы этих женщин сплетаются в увлекательное драматургическое полотно – и, позволяя зрителям поставить себя на место героинь, осознать, сколь нелегким был их выбор: жертвовать жизнью во имя Родины», «на непривычную роль воительниц – ведь эти женщины были первыми в истории страны, столь организованно взявшимися за оружие – они опирались на идеалы высокой чести и глубочайшей веры в Бога, и пожертвовали жизнями во имя Отечества, во имя свободы»¹⁹⁴.*

Отсюда видно, что создатели фильма стремились намерено изменить стереотипы о женщинах и показать их в новом, непривычном для зрителей амплуа. На многих сайтах о кино встречаются исключительно положительные отзывы и отклики об этом фильме, а также в самих анонсах к нему:

«Своей службой «Батальон смерти» подает пример храбрости, мужества и спокойствия, поднимает дух солдат и доказывает, что каждая из этих женщин-героев достойна звания воина русской армии»¹⁹⁵;

¹⁹⁴ <http://batalion-film.ru/history>

¹⁹⁵ www.kinopoisk.ru

«они проявляют мужество и отвагу, каждая из них знает, что очередное сражение может для кого-нибудь быть последним, но они не унывают и гордо защищают свою Родину», «не у каждой девушки найдется столько мужества и смелости, чтобы отдать свою жизнь»¹⁹⁶;

«Нина и ее новые подруги – сослуживцы, будут зубами вырывать победу у врага, даже если придется погибнуть на поле боя. Их батальон ничем не уступает мужским отрядам, они показывают настоящую сдержанность, храбрость и строгую дисциплину, которую вбили им в голову учителя. В чем-то девушки даже превосходят своих товарищей по оружию»¹⁹⁷;

почти на каждом сайте проясняется цель фильма – «поднятие духа русских солдат, а также пробуждение совести и патриотизма в мужчинах, отказавшихся воевать. Эти храбрые и смелые женщины совершили не меньше подвигов, чем солдаты-мужчины. Они сыграли большую роль в переломном моменте истории нашей страны», «героические подвиги женщин со стальным характером и колоссальной силой воли»¹⁹⁸;

«Девушки воюют наравне с мужчинами, демонстрируя выдержку и чудеса храбрости, и нередко оказываются более дисциплинированными и стойкими, чем их братья по оружию»¹⁹⁹;

«выдержка, дисциплина, храбрость, стойкость, все это демонстрируют хрупкие девушки»²⁰⁰;

«женщины профессионально справляются с поставленными задачами»²⁰¹;

¹⁹⁶ <http://www.hdkinomax.com>

¹⁹⁷ <http://kgrant.ru>

¹⁹⁸ <http://kinoliza.net>

¹⁹⁹ <http://bigcinema.tv>

²⁰⁰ <http://viamaxx.ru>

²⁰¹ <http://wood-film.ru>

«на фронт прибыли первые женские батальоны смерти, открыв самую героическую и позорную страницу русской истории, когда мужчины превращаются в развращенных собак, а русские бабы ходят за них в итыковские атаки», «настало большое и важное время. Время переосмысления русской истории после 80 лет тотальной советской пропаганды. Фильм «Батальон» станет фундаментом в этом деле. Это точка бифуркации для российского общества, для переосмысления себя, своих семей, своего естества, своих жизненных принципов»²⁰²;

«Дворянки и крестьянки, работницы, служанки и учителя. Они бросили мирные дела и пошли воевать, чтобы мужчинам — дезертирам и смирившимся с тем, что враг у ворот, стало невыносимо стыдно»²⁰³;

«у этих женщин крепкая сила духа способная ликвидировать и убивать», «они становятся примером для воинов остальных батальонов», фильм «показывает демонстрацию женской мудрости и силу воли, а также способность нести вахту наравне с остальными бойцами противоположного мужского пола и даже в некоторых случаях вести себя выносливее и сильнее чем мужчин»²⁰⁴.

В приведенных выше высказываниях явно раскрывается новый, нетрадиционный подход к изображению женщины на войне через использование значений, которые приписывались изначально воинам-мужчинам. Происходит повышение статуса женщин через приписывание им мужских качеств.

Сложное чувство у авторов статьи вызывает понимание того, что этот батальон был сформирован, с одной стороны, по инициативе самих женщин, с другой стороны, женщины выступают как орудие в руках властей – на фронт их направляют для «поднятия боевого духа солдат».

²⁰² <http://cont.ws/post/76200>

²⁰³ <http://www.1tv.ru>

²⁰⁴ <http://bobfilm.biz>

Часто анонсы к фильму «Батальон» сопровождаются любовной темой главной героини Нины Крыловой, – это указывает на то, что в данном дискурсе поддерживается традиционная привязка женщины к сфере чувств и эмоций. На нескольких сайтах встречалась афиша к фильму, на которой был изображен образ романтической молодой женщины со всеми атрибутами фемининности – красное платье, шляпка, перчатки, при этом о военных подвигах и достижениях не упоминалось ни слова. Анонсы, как известно, составляются для целевой группы, поэтому их создателями используются классические приемы для привлечения внимания. Изображение женщины в традиционном амплу усиливает этот эффект.

Фильм «Битва за Севастополь» – одна из немногих кинолент, посвященных женщинам на войне. Эта история известной женщины-снайпера, принимавшей активное участие в обороне Севастополя. Уничтожив 309 фашистов, она покинула город, будучи серьезно раненой. После выздоровления оказалась в США с русской женской делегацией, ездила вместе с Элеонорой Рузвельт по Америке, убеждая открыть второй фронт²⁰⁵.

Аннотации, сопровождающие этот фильм, отличаются полярностью: от пафосных, имеющих мощную героическую риторику, до сводимых к любовной лирике и мелодраме. Но большинство анонсов стремятся отразить реальные события картины через мужество и готовность к подвигу главной героини:

«Большое военно-патриотическое кино про Людмилу Павличенко, самую успешную женщину-снайпера в мировой истории»²⁰⁶;

«В центре сюжета находится конкретная личность, сделавшая большой вклад в победу на войне», «Когда шла

²⁰⁵ <http://vasyatv.com>

²⁰⁶ <http://www.afisha.ru>

борьба за Севастополь, она была в первых рядах защитников города от фашистов», «ездила в США в составе делегации, состоящей из советских чиновников.... Были проведены переговоры, в ходе которых советская сторона рассказала о необходимости открытия второго фронта. Инициатором этого была, конечно же, Людмила, без нее дело бы не сдвинулось»²⁰⁷.

Противоположный ряд анонсов к этому фильму:

«Главная героиня – реальный солдат в юбке, хрупкая красавица»²⁰⁸,

«Любовь под нескончаемым огнем противника, дружба с Элеонорой Рузвельт, выступление на конференции, повлиявшее на исход Второй мировой войны, желание жить и страх потерять любимого человека – справится ли со всем этим хрупкая женщина?»²⁰⁹;

«Сюжет фильма – любовная драма на фоне войны, совмещенная с ужасами войны. Трудности войны уходят на второй план на фоне любви»²¹⁰.

«Она смотрела смерти в лицо, но самым большим испытанием для нее стала любовь»²¹¹.

Складывается впечатление, что авторам подобных аннотаций к фильму «Битва за Севастополь» недостаточно показать героизм уникальной женщины, только самовыражение через любовь делает ее в их глазах истинной женщиной.

Людмила Павличенко, легендарная женщина-снайпер, на конференции Элеоноры Рузвельт произнесла известную фразу: *«Джентльмены, мне 25 лет. На фронте я уже успела уничтожить 309 фашистских захватчиков. Не кажется ли*

²⁰⁷ <http://amfiteatr.net>

²⁰⁸ <http://kinokrad.net>

²⁰⁹ <https://afisha.mail.ru>

²¹⁰ <http://kinozadrot.net>

²¹¹ <http://foxcru.ru>

вам, джентльмены, что вы слишком долго прячетесь за моей спиной?». С точки зрения гендерного подхода это высказывание является отражением определенного сдвига в сознании россиян, подтверждающего процесс трансформации гендерных ролей и тенденцию в сторону признания достижений женщины в истории нашей страны.

Всем знакомо высказывание «у войны не женское лицо»: война и женщины в культуре любого общества – это категории, несущие противоположные смысловые коннотации. Война есть порождение патриархата. Патриархатный дискурс обладает такой силой и возможностями, что может вполне в своих целях и интересах эксплуатировать образ женщин на войне. Недалекий пример тому – название одного из анонсов к фильму «Битва за Севастополь» – *«У войны женское лицо»*²¹². С одной стороны, автор этих слов выразил факт участия женщин на войне, признал их вклад и достижения. С другой стороны, за этим высказыванием может прочитаться и другой, более коварный смысл, который в очередной раз привязывает женщину к сфере зла, хаоса и смерти.

Подведем итоги. Проведенный нами анализ зафиксировал процесс конструирования нового образа женщин на войне. Обозначенные фильмы, безусловно, внесут лепту в гендерную социализацию молодежи, воспитывающуюся на современном кинематографе. Кроме того, появление новых образов женщин на войне, активизация данного дискурса в интернете и социальных сетях, – заслуга более глубоких процессов и трансформаций. Фундамент этих изменений в России был подготовлен отечественными феминистскими и гендерными исследованиями.

Безусловно, проанализированный дискурс противоречив и несвободен от традиционной фемининной тематики любви в репрезентации женщин на войне. Тем не менее, создатели

²¹² <http://www.tramvision.ru/recensia/2015/seva.htm>

фильмов «Батальон», «Битва за Севастополь», «А зори здесь тихие», их героини и актрисы подарили новые образы женщин на войне. И хотя они раскрываются через качества и характеристики маскулинности – это те процессы, которые еще предстоит осмыслить. Безусловно, указанные фильмы внесли существенный вклад в создание женской истории в России и представляют богатый эмпирический материал для дальнейшей рефлексии проблематики женщины на войне.

О.И. Зезегова

г. Сыктывкар, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорочкина

Женщины и дети в письмах фронтовиков

Наиболее аутентичным источником являются письма, написанные близким. Однако письма, отправленные с фронтов Великой Отечественной войны, подвергались цензуре, и поэтому их авторы должны были быть более внимательны к написанию весточек своей семье. Об этом войны прекрасно знали, о чем свидетельствует, например, такая строчка письма: «Настена, письма не заклеивай, не затрудняй военную цензуру, их все равно вскрывают»²¹³. В этом отношении наибольший интерес представляют письма, написанные на национальных языках, т.к. цензоры не могли знать всех языков многонационального СССР.

При написании данного небольшого исследования привлекались письма, написанные на коми и русском языках, в которых описывались семейные отношения: решение бытовых вопросов, беспокойство о детях и их воспитании,

²¹³ Письмо А.Николаева жене Насте от 2 июля 1942 г. // Фронтовые дневники – живая память о Великой Отечественной войне. Сост. Б.Н. Гусев. Кострома: КГТУ, 2015. С. 40.

воспоминаниям о мирном времени²¹⁴. Авторами их были не только мужчины, но женщины.

Интересным представляется тот факт, что в письмах мужчин проявляются черты фемининности. Во многих письмах обнаруживаются воспоминания о днях первых свиданий и состояния влюбленности, свойственные женщинам. Василий Николаевич Латкин, пропавший без вести в декабре 1941 г., находясь еще на срочной службе, пишет своей возлюбленной Ксении Петровне: «Ксения, помнишь ли ты старую любовь. Как начинали дружить с тобой. Ни одну даже ночь не ночевал дома. Когда приходил на квартиру, ждал тебя и думаю, что нам было хорошо... Помнишь, как ты обнимала меня на мосту на сплаве, когда уходили в Вашкарью. Я с тех пор все время думал о тебе. После этого стали встречаться»²¹⁵. Тепло, нежность, слезы вызывали у бойцов письма и посылки из дома, в чем они не стеснялись признаться в письмах. Из письма А.А. Старцева: «Большую теплоту и нежность порождают в моем сердце тобой, Люсенька, положенные вещи в мой чемодан, в частности у меня до сих пор лежит отрез твоего белого шелкового платья с розовыми цветочками. Это платье ты в последнее время одевала после бани, а при отъезде были свернуты тобой мне продукты на

²¹⁴ Письмо Н.Н. Калимова жене Галине Михайловне 19 августа 1941 г. (перевод с коми) // ЦГА Республики Коми. Ф. 2121. Оп. 5. Д. 115; Письмо Н.В.Трофимовой матери Анне Александровне 28 июля 1943 г. // Национальный музей Республики Коми. КП № 9577/1; Письмо А.А. Старцева жене и детям от 12 сентября 1942 г. // Национальный музей Республики Коми. КП № 1945/7; Письмо Н.В. Латкиной жене К.П. Старцевой от 07 мая 1941 г., 10 мая 1941 г., 17 мая 1941 г. // Личный архив семьи Зезеговых; Фронтовые дневники – живая память о Великой Отечественной войне. Сост. Б.Н. Гусев. Кострома: КГТУ, 2015.

²¹⁵ Письмо Н.В. Латкиной жене К.П. Старцевой от 10 мая 1941 г. // Личный архив семьи Зезеговых.

дорогу. На память лежит в моем чемодане и моя белая верхняя рубашка очаровательной белизны, ибо она, Люсенька, была выстирана тобой. Есть у меня и наши письма, которые я тоже берегу и время от времени их просматриваю»²¹⁶. А. Николаев, призванный на военную службу через четыре месяца после свадьбы, сквозь слезы благодарит жену за посылку: «Я от вас получил посылку. Когда мне ее дали, я весь дрожал и потел от радости, а когда я ее распечатал, то в первую очередь все облил слезами – ведь все это укладывали руки моей милой жены. Целую вас за это сотни раз. Спасибо за сухари, мыло, спички и особенно табак»²¹⁷.

Чувство жалости, также присущее обычно женщинам, неоднократно прослеживается в письмах мужчин с фронта. Медсестра Н.В. Трофимова, погибшая в 1945 году и захороненная в Польше, пишет своей матери Анне Александровне: «Дорогая мама, и не думай никогда, что я тебя забуду. Нет! И не могу, и не может быть этого с моей стороны. Я не могу забыть тебя. Никогда! Может забуду тогда, когда положат в сырую землю. Да! Жалко, очень жалко мне тебя. Очень, очень жалко»²¹⁸. Те же чувства, но по отношению к детям испытывает Н.Н. Калимов: «Галина, может мне удастся выжить. Лину ты береги, и чтобы выросла хорошей. Мне Лину жалко, когда еще провожала, Лина плакала, не хотела со мной расставаться. Но ладно. Крепко целую обоих, ваш Никанор»²¹⁹. Пройдя военными дорогами, дойдя до границ Германии,

²¹⁶ Письмо А.А. Старцева жене и детям от 12 сентября 1942 г. // Национальный музей Республики Коми. КП № 1945/7.

²¹⁷ Письмо А.Николаева жене Насте от 2 июля 1942 г. // Фронтовые дневники – живая память о Великой Отечественной войне. Сост. Б.Н. Гусев. Кострома: КГТУ, 2015. С. 41.

²¹⁸ Письмо Н.В.Трофимовой матери Анне Александровне 28 июля 1943 г. // Национальный музей Республики Коми. КП № 9577/1

²¹⁹ Письмо Н.Н. Калимова жене Галине Михайловне 19 августа 1941 г. (перевод с коми) // ЦГА Республики Коми. Ф. 2121. Оп. 5. Д. 115.

А.Николаев писал: «Я переживаю, неужели я всю войну провоевал и сейчас при окончании придется погибнуть. Ох, как это будет обидно, что не придется увидеть своих родных и, главное, пожалеть свою жену и своего сына. Я знаю, что после прочтения этих слов ты заплачешь»²²⁰.

Несмотря на некоторые черты проявления поведенческих свойств женщин в письмах мужчин-фронтовиков, все же в них преобладают черты маскулинности: защита семьи, страны, забота о нуждах детей, агрессия по отношению к врагу и даже некая бравада. Учитель П.А. Голубков пишет жене: «Если придется погибнуть, не расстраивайтесь. Я знаю, за что мы бьемся, за что отдаем жизнь: за Родину, за Сталина, за своих матерей, жен, сестер, дочерей, за наш советский народ. Весь я сейчас переполнен жгучей ненавистью к Гитлеру к захватчикам, к поработителям. Нинок, прошу тебя, как молодую мать, впитать всю мою отцовскую ненависть к врагу моей милой малютке Ире. Пусть растет и ненавидит врагов Родины, как отец, который защищает ее жизнь»²²¹. Война вынудила женщин встать на защиту Родины и в их письмах четко прослеживаются черты мужественности и ответственности за страну и своих детей: *«Весточки от родных вливают новую энергию, волю, зовут на новые боевые подвиги. Ежюлька, расти большой и здоровенький. Учись скорее писать, чтобы ты мог сам мне писать. Ведь мать сейчас уже командир Красной Армии, защищает твой покой и сладкие детские сны. Гуля»*²²².

Немалое место в письмах фронтовиков занимали мысли о детях. Многие из воинов знали своих детей лишь по

²²⁰ Письмо А.Николаева жене Насте от 7 января 1944 г. // Фронтовые дневники – живая память о Великой Отечественной войне. Сост. Б.Н. Гусев. Кострома: КГТУ, 2015. С. 42.

²²¹ Письмо П.А. Голуюкова жене от 7 июля 1941 г. // Там же. С. 5.

²²² Гулины письма // Сайт Гуля (Марионелла) Королева. Режим доступа: <http://gulya1922-1942.narod.ru>

фотокарточкам, поскольку родились они уже во время нахождения на поле брани. Александр Николаев так и не встретился со своим сыном, т.к., пройдя почти всю войну, погиб в январе 1945 года в Германии. Сын растет в его письмах за годы долгой войны: «Мне очень хочется посмотреть, какой без меня народился у тебя сын. Береги его, храни наше потомство...»²²³ Я бы пожертвовал чем угодно, лишь бы побыть дома хоть сутки. Вы пишете, что сын наш растет большой, развитый и весь в отца. Он растет как память, как история нашей жизни...²²⁴ Неужели мне больше не придется пожить со своей семьей, с женой и видеть своего сына? Сын Витя уже второй год как на свет вышел, а я его не видел, кроме как на фотокарточке...²²⁵». И.Чугунов тоже не увидел своего младшего ребенка. Когда он уходил на фронт, дома остались беременная жена и двое детей трех и пяти лет. В 1941 г. он писал: «Обо мне не беспокойся, я неуязвим. А вот к дочке готовься и будь спокойна...»²²⁶ Деньги не экономьте, кушайте лучше, сейчас для тебя это необходимо. Если будет возможность, купи зимнее пальто и боты, валенки малышам, не ущемляйте себя в питании»²²⁷.

Мысли о женах, любимых, детях, матерях и родных помогали переживать военные будни. Это была незримая поддержка в борьбе с врагом. Мужчины в письмах часто проявляли мягкость и нежность, а женщины, напротив, агрессию и бесстрашие.

²²³ Письмо А.Николаева жене Насте от 9 января 1942 г. // Там же. С. 40.

²²⁴ Письмо А.Николаева жене Насте от 20 июля 1942 г. // Там же. С. 40.

²²⁵ Письмо А.Николаева жене Насте от 14.08 1942 г. // Там же. С. 41.

²²⁶ Письмо И.Чугунова жене Анфисе от 29.08 1941 г. // Там же. С. 10.

²²⁷ Письмо И.Чугунова жене Анфисе от 1.09 1941 г. // Там же. С. 11.

Н.А. Казарова

г. Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет
**Революционная повседневность начала XX века
в женских текстах²²⁸**

Начальная история российской социал-демократии отражена в разнообразных источниках, ей посвящены десятки исследований. Однако возможности такого источника, как женский нарратив не были достаточно использованы при освещении в историографии этого этапа становления РСДРП, который сами участники называли героическим. О нем оставили воспоминания многие участницы революционного движения, агенты «Искры» Л.Н. Баранская, Ц.С. Бобровская (Зеликсон), Р.С. Землячка, секретари редакции Н.К. Крупская и Л.О. Дан. Все они были активными участницами описываемых событий, их воспоминания представляют большую ценность как для понимания личности самих мемуаристок, так и для изучения революционной повседневности. В отдельных случаях эти воспоминания являются единственными источниками для выяснения и уточнения фактов и событий, свидетелями которых были их авторы.

Наибольший интерес представляют воспоминания Л.О. Дан и Н.К. Крупской, занимавших ключевые позиции в центральном органе РСДРП – газете «Искра». Мемуаристки сходятся в том, что эпоха «Искры» была одной из наиболее счастливых и гармоничных в их жизни.

Все участники их небольшой группы были молоды, охвачены революционными настроениями, что давало необыкновенно высокий тон всей их жизни. Членов кружка связывали поистине братские отношения, они не растратили еще молодого романтизма – по крайней мере, по отношению к немногочисленным людям, которых считали «своими».

²²⁸ При поддержке РГНФ, грант № 13-01-00025.

Воспоминания Лидии Дан передают атмосферу, царившую в их маленьком, но тогда еще сплоченном кружке. Мемуаристка подробно описывает обстановку квартиры в рабочем квартале Мюнхена, в которой помещалась редакция «Искры». Квартиру снимал Ленин, она состояла из трех комнат. Одна из них была одновременно и редакцией, и секретариатом, и приемной, две другие – спальней и кухней. Засулич, Мартов и Потресов снимали комнаты неподалеку в рабочих семьях²²⁹.

Мемуаристка подчеркивает, что несмотря на чрезвычайно скромную обстановку квартиры, можно было чувствовать себя, как дома: курить, пить чай, вести разговоры.

Лидия Дан подробно описывает распорядок дня в редакции, уделяя много внимания различным деталям: расшифровке писем из России, разговорам о прибывшей почте, обсуждению новостей и статей, написанных ночью.

Не менее подробно она описывает, как был организован досуг в их маленькой группе. Мартов, Засулич, Потресов и сама Лидия любили ходить в кафе Луитпольд, в центр города, где можно было читать французские газеты и сидеть за чашкой кофе до 11 часов. Но конспирация вынудила прекратить эти удовольствия, т.к. в кафе Луитпольд ходили русские студенты²³⁰.

Другим развлечением были воскресные прогулки, в них принимали участие и Ленин с Крупской. Обычно ходили все вместе обедать в какую-нибудь большую пивоварню, а затем совершали длительные прогулки за город. Во время прогулок у всех было хорошее настроение, т.к. непременным условием был запрет говорить о политике. Зато все любили напевать: время было певучее²³¹!

²²⁹ Из архива Л.О.Дан. Амстердам, 1987. С.42.

²³⁰ Там же. С.43.

²³¹ Там же. С. 44.

Мемуары Лидии Дан касаются мюнхенского периода деятельности редакции «Искры», непосредственной участницей которой была мемуаристка. О жизни в Лондоне, как и о следующем этапе – женевском, она пишет коротко, не по памяти, т.к. в это время была уже в Сибири и непосредственных впечатлений о происходящих в редакции событиях не имела.

Другой женский текст – воспоминания Н.К. Крупской, также секретаря редакции, знавшей обстановку в редакции изнутри. Как и Лидия Дан, бывшая в этот период самым близким человеком для редактора «Искры» Мартова, Надежда Крупская – самый близкий человек редактора «Искры» Ленина. Как и Лидия Дан, Надежда Крупская стала революционеркой в достаточно юном возрасте. Вероятно, первым толчком к увлечению начитанных барышень марксизмом, ставшим затем убеждением на всю жизнь, была дань идейной моде. Марксизм был модным идейным течением. Но, как и в случае Лидии Дан, решающую роль сыграл авторитет мужчины, увлеченного марксизмом. По свидетельству гимназической подруги Крупской Ариадны Тырковой-Вильямс, Надя рассказывала ей про одного интересного товарища, под руководством которого она «штудировала» Маркса²³². «В ее (Крупской – Н.К.) жизни не было никаких боковых тропинок. Ульянов вложил в ее руки знамя, на котором было написано имя, звучавшее тогда каббалистически – Карл Маркс»²³³.

Воспоминания Н.К. Крупской были написаны летом 1924 г. Глава о жизни в Мюнхене в 1901-1902 гг. была опубликована в первом номере журнала "Красная Новь" за 1925 г. Позже воспоминания неоднократно переиздавались.

В описании жизни в Мюнхене у Дан и Крупской много совпадений. Прежде всего, совпадает восприятие этого

²³² Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 192.

²³³ Там же. С. 195.

времени жизни как светлого периода, когда была общая цель, не было еще глубокой трещины в межличностных отношениях и поэтому у всех было исключительно жизнерадостное настроение. Мемуаристки передают это ощущение праздника, описывая поездки в Цюрих, участие в карнавалах, длительные совместные прогулки по выходным дням²³⁴. Последующие годы эмиграции переживались куда тяжелее.

Воспоминания Крупской дают более полное представление и о психологических факторах, приведших к неприятию большинством редакции предложения Ленина об изменении состава редакции «Искры» на II съезде РСДРП.

Крупская и Дан подчеркивают, что из группы «Освобождение труда» ближе всех к «Искре» была В.И. Засулич: «Она жила вместе с нами в Мюнхене и в Лондоне, жила жизнью редакции «Искры», ее радостями и горестями, жила вестями из России»²³⁵.

Вера Ивановна очень тосковала по России. Поэтому, когда стала выходить «Искра», «она почувствовала, что это кусок русской работы, она судорожно за нее держалась. Для нее уйти из «Искры» – значило опять оторваться от России, опять начать тонуть в мертвой, тянущей ко дну эмигрантщине. Вот почему, когда на II съезде встал вопрос о редакции «Искры», она возмутилась. Для нее это был не вопрос самолюбия, это был вопрос жизни и смерти»²³⁶.

Ощущение «Искры» как семьи, о котором пишут обе мемуаристки, у одинокой и остро чувствовавшей свое одиночество В.И. Засулич было особенно сильным. Вот почему на II съезде РСДРП Вера Ивановна первый раз в жизни пошла против Плеханова, поддержавшего Ленина в вопросе о составе редакции «Искры»²³⁷.

²³⁴ Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 55.

²³⁵ Там же. С. 45.

²³⁶ Там же. С. 46.

²³⁷ Там же.

Обращает на себя внимание тот факт, что наряду с мужскими персонажами, которые традиционно являются главными в женских текстах (в отличие от мужских текстов, где женские персонажи занимают незначительное место), в воспоминаниях Л. Дан и Н. Крупской много внимания уделено женскому персонажу – Вере Ивановне Засулич.

Это можно объяснить как незаурядностью личности самой Засулич, так и стремлением определить собственное место женщины-революционерки в «мужской» истории.

Таким образом, «женские тексты» Л.О. Дан и Н.К. Крупской содержат мельчайшие детали и подробности, из которых складывается общая картина описываемой ими реальности. Эмоциональных и сенсорных оценок в этих текстах больше, чем в мужских. Они дают ключ к пониманию других источников, позволяют, не ограничиваясь сведениями официальной истории, увидеть индивидуальную жизнь, внутренний мир, убеждения, обыденные нравы революционеров в интимном кругу. Мемуары передают атмосферу жизни того круга революционной интеллигенции, к которому принадлежали их авторы, позволяют понять их мораль и устои, их внутренний мир, убеждения, надежды и помыслы. Обе мемуаристки выделяют этическую сторону событий и явлений окружающей действительности. Вместе с тем мемуары дают представление о специфике революционного мышления. Собственная жизнь отражена в них через призму социал-демократического движения, ее значимость определена служением обществу и идеям революции.

Н.Ю. Каменецакая

г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, Творческий союз художников России

Женщина и Война. Артпроект

В настоящее время наиболее актуальной проблемой являются исторические события, повлиявшие на мировые процессы и изменившие судьбы всего человечества, в них Россия играла ключевую роль, – это, прежде всего, две мировые войны. Эти события оказали сильное влияние на судьбы женщин разных национальностей и вероисповеданий, которые становились жертвами военных репрессий, проживали на оккупированных территориях либо в эвакуации, работали не покладая рук вместо ушедших на войну мужчин. Небывалое прежде участие женщин в военных действиях, их трудовые и ратные подвиги заложили новое понимание места женщины в решении глобальных проблем, связанных с войной и миром. Безусловно, это новое понимание женской роли в ключевых событиях истории 20 века вызвало появление новых женских образов, их репрезентации в визуальной культуре.

М.Н. Яблонская отмечает, что независимо от тех или иных художественных тенденций, их сходства и различий, от уровней таланта и мастерства, «женское творчество активизируется в самые острые, напряженные моменты и периоды в общественном бытии и состоянии»²³⁸.

Возможно, такие процессы, как появление в изобразительном российском искусстве до и после Первой мировой войны новой плеяды талантливых и активных женщин-художниц, а также ставшие доминирующими сюжеты с образами сильных, готовых на подвиг женщин в женском

²³⁸ Яблонская М.Н. «Новый» феномен? Опыт систематизации // Искусство женского рода, М. 2002. С. 141-142.

искусстве 1920-х–30-х годов²³⁹, оказали влияние на появление в России небывалого прежде числа женщин-воинов, которые наряду с медсестрами принимали участие в боевых действиях Великой Отечественной войны.

Женщина и Война в проектах художниц современного искусства. Произведения художниц направления «Современное искусство» часто обращены к актуальным в разной степени в разные периоды истории темам баталий и участвующих в них женщинам. Эти сюжеты, как правило, носят символический, ностальгический либо героический характер и по-разному интерпретируют роль сражающейся женщины – зачастую в порой завуалированном контексте битвы как ипостаси мужской и вероломной власти по отношению к участвующей в ней женщине. Так, на выставке «Международный женский день. Феминизм: от авангарда до наших дней» в 2013 г. не случайно визитной карточкой проекта стало произведение Кристины Лукас²⁴⁰ (цитата-интерпретация картины Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ»).

В проектах группы ТОТАРТ (Натальи Абалаковой и Анатолия Жигалова) художники размышляют на тему роли и места художника в экстремальные моменты истории («Место художника», видеоперформанс, 1996), где проходит граница войны и мира, которую охраняет женщина с автоматом. В проекте «Родина / Отечество» (фотоакция, 2002) эта женщина – сама художница Наталья Абалакова.

Героические женские образы – отдельная тема проектов художниц Елены Ковылиной²⁴¹, Марины Обуховой²⁴², группы «Четвертая высота»²⁴³.

²³⁹Художницы Е.С. Зернова, М.Ф. Бри-Бейн, О.Д. Яновская, О.Т. Павленко и др., скульпторы В.И. Мухина, С.Д. Лебедева и др.

²⁴⁰Свобода на баррикадах. 2009, видео.

²⁴¹«Героини с Востока» (совместно с А. Абазиевой), 2001, перформансы «Вальс», «Медаль».

В докладе будет подробно представлен **Арт-проект «Женщина и Война» (2015)**. Организаторы – НОЦ гендерных и молодежных исследований и Музейный центр РГГУ. Этот проект находится в процессе реализации и посвящен участию женщин в двух мировых войнах, осмыслению общего исторического опыта этих женщин с позиций творчества. Во время Гуманитарных чтений в РГГУ на круглом столе «Женщина и Война» состоялась видеопрезентация творческих проектов художниц, посвященных двум мировым войнам и женщинам, в них участвовавшим: инсталляции А. Броше «Амнезия»; проектов группы RD-Systems (И. Нараева, УмитБек, О. Алексева) «Оружие» и «Предчувствие». На круглом столе были представлены также архивные материалы исследователей, ученых – историков и антропологов, которые наряду с проектами художниц войдут в экспозицию художественной выставки "Женщина и война: память и архивы (запланирована в 2015 г.)". Это архив, собранный исследователем Е.П. Высоцкой по теме "Добровольцы" и др.

С.В. Крадецкая

*г. Москва, Московский государственный
машиностроительный университет (МАМИ)*

**Мужская цивилизация – мужская война.
Первая Мировая война в дискурсе журнала
«Женский Вестник»**

Первая мировая война часто оценивается исследователями как своеобразный рубеж для всей европейской истории в целом и российской в частности, как событие, радикально изменившее политическое, экономическое и социокультурное развитие континента. Для специалистов по женской истории,

²⁴²Проект «Вышитое кино»: «Три героини», 1997.

²⁴³Дина Ким, Галина Смирнская, Екатерина Каменева, серии фотопостановок.

истории феминизма, гендерологов Первая мировая является едва ли не ключевым событием первой половины XX в., изменившим положение женщин в государстве, обществе и семье, когда они, по выражению Л. Абрамс, «оказались на переднем крае событий в прямом и переносном смыслах»²⁴⁴.

Показательно, что и сами свидетельницы и участницы войны воспринимали ее как начало чего-то нового. Многие общественные деятельницы представляли войну как поворотный момент в женской истории, как катализатор, благодаря которому наконец-то будет достигнуто долгожданное равноправие. Безусловно понимая всю трагичность происходящего, активистки тем не менее верили, что война принесет женщинам освобождение.

Наряду с этой традиционной верой в лучшее будущее, в начале войны многие феминистки старались разобраться в ее причинах. И здесь на первый план выходили не геополитические рассуждения и не замечания об истоках германского милитаризма, но размышления о том, что привело человеческую цивилизацию к такому печальному концу. Одна из самых оригинальных теорий по этому вопросу была сформулирована на страницах феминистского журнала «Женский Вестник» (Санкт-Петербург, 1904–1917). Ее автором и основным пропагандистом была редактор-издательница журнала, одна из самых ярких феминисток дореволюционной России Мария Ивановна Покровская.

Стоит отметить, что эта теория была лишь частью более общей концепции развития человечества, которую Покровская создала задолго до начала войны, когда в различных статьях и публичных выступлениях она начала размышлять о том, что человеческая цивилизация движется по неправильному пути. Этот путь был задан мужчинами в далеком прошлом при

²⁴⁴ Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789-1918. М., 2011. С.335.

переходе от матриархата к патриархатной общественной системе.

Покровская, как и многие феминистки начала XX в., была сторонницей теории матриархата. При этом матриархат не был для нее синонимом угнетения. Эта общественная система основывалась на качествах, которые феминистки определяли как «женские». Прежде всего, это материнская любовь, т.е. любовь исключительно духовная, созидаящая, защищающая и жертвующая. Чтобы накормить, защитить своих детей женщины создали земледелие, очаг и огонь. В представлении феминисток именно это было основой человеческой цивилизации. «Женщина создала зачаток общества – семью, земледелие, жилище, сохраняла огонь, а все это представляет основу всякой цивилизации. Поэтому женщины могут сказать, что человечество обязано им последней, что если бы не они, то люди наподобие обезьян укрывались бы на деревьях и их питание находилось в зависимости от всяких случайностей»²⁴⁵, – писали в «Женской Вестнике».

Еще один немаловажный признак материнской любви, лежащей в основе матриархата, – это демократизм. Женщина, стоявшая во главе общества и естественно относившаяся к своим подданным как к своим детям, предоставляла им свободу, не ограничивала их ни в чем. «История показывает, что власть матери отличается большей мягкостью и оставляет больше места свободе, равенству и братству»²⁴⁶. Разумеется, при матриархате свободны были и женщины, что особенно подчеркивалось феминистками. «Благодаря матриархату, – писали они, – в древние времена женщины занимали высокое и свободное положение»²⁴⁷. Таким образом, женские качества, лежавшие в основе матриархата, – это, прежде всего, качества

²⁴⁵ Историческая справка // Женский Вестник. 1904. № 1. С.5.

²⁴⁶ Там же. С.4.

²⁴⁷ Там же.

созидающие, защищающие и в то же время не ограничивающие индивидуальную свободу личности.

В противоположность господству женщин господство мужчин – патриархат – не сказывалось столь благотворно на развитии общества. Одной из причин этого была противоестественность мужского господства. Если матриархат был естественным, т.к. именно женщины создали цивилизацию, то господство мужчин было «приобретенным», причем приобретено оно было с помощью грубой физической силы. «Мужчина с своей грубой силой вторгся в плохо способный к сопротивлению дом матери»²⁴⁸ и таким образом устанавливал свою власть. Постепенно и женщины, и дети стали рабами мужчины, обладавшего силой и властью. «Патриархат – это синоним рабства и деспотизма»²⁴⁹, – решительно заключали феминистки.

Таким образом, общество стало развиваться под руководством грубой силы, деструктивных, разрушающих начал. В одном из рассказов, опубликованных в «Женском Вестнике», эта мысль преподносилась в аллегорической форме: «Жесток был потомок Адама: меч царствовал, кровь лилась, справедливость потерялась. Застонала земля от ужаса, под управлением мужчины»²⁵⁰. Все женские созидательные качества были забыты и объявлены слабостью. Только человек, обладавший силой в мужском понимании, т.е. способный употреблять эту силу во вред другим, обладал и правами. Поэтому «слабые» женщины были лишены всех прав.

Любые военные конфликты в рамках данной теории являлись лишним доказательством разрушительности патриархатной системы. Первая Мировая война не стала исключением. Для Покровской и ее сторонниц она представлялась трагичным, но в то же время естественным

²⁴⁸ Там же. С.5.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Гинзбург Х.Б. Сказка // Женский Вестник. 1912. № 7–8. С.148.

результатом мужского господства, которое основывалось на грубой силе, мании величия и властолюбии. В 1915 г., в самый разгар военных действий, Покровская написала: «Настоящая война много принесла бедствий и горя женщинам, но дает им и некоторое благо. Она отнимает у мужчин то, чем они так кичились перед женщинами: горделивое самовосхваление за созданную ими *великолепную цивилизацию* (курсив автора – С.К.). Она заставляет мужчин сознаваться, что созданная ими цивилизация плоха»²⁵¹.

Несмотря на весь ужас происходящего, в войне для женщин (и для мужчин, и для всего человечества) открывались новые цивилизационные возможности. Благодаря ее всеохватному и разрушительному характеру появились шансы исправить неверный вектор развития цивилизации. Разрушая, Первая мировая война в то же время и создавала новое, создавала предпосылки не для возвращения к матриархату, но для перехода на новый этап развития человечества. На этом этапе равноправные мужчины и женщины должны были вместе создавать цивилизацию, в культуре которой объединилось бы все лучшее от обоих полов. «Горячо надо желать, – отмечала Покровская, – чтобы новая цивилизация создавалась товарищеским сотрудничеством обоих полов. <...> Без товарищеского сотрудничества женщин в поисках новых путей мужчины рискуют опять пойти по старому до новой катастрофы. Женщинам надо это помнить и добиваться равноправия во имя лучшего будущего человечества»²⁵².

²⁵¹ Покровская М.И. Вопросы цивилизации // Женский Вестник. 1915. № 7–8. С.162.

²⁵² Там же.

Н.В. Лайдинен

*г. Москва, Институт международных отношений и новых
коммуникационных технологий МАБИУ*

**Между идеологией и человечностью: журнал «Работница»
в годы Великой Отечественной войны²⁵³**

Журнал «Работница» основан в 1914 году для просвещения трудящихся женщин России по инициативе выдающихся общественных деятелей – Н.К. Крупской, И.Ф. Арманд, А.И. Ульяновой-Елизаровой, Л.Н. Сталь и др. За сто лет существования издание неоднократно изменяло информационную концепцию, но сохраняло ориентацию на главную целевую аудиторию – «работниц» России, а затем и СССР. К 1941 году издание стало одним из самых читаемых: тираж составлял 425 тыс. экз., журнал с цветной обложкой выходил еженедельно²⁵⁴.

В военное время тираж упал до 75 тыс. экз., «Работница» с 1942 стала ежемесячной (в 1943-44гг. присутствовали и сдвоенные номера), существенно сократился объем, обложки более двух десятков номеров – черно-белые. Тем не менее, «Работница» оставалась важным источником информации о военных событиях, испытанным средством сплочения вокруг общих задач, инструментом формирования общественного сознания.

Еще до начала войны журнал был глубоко идеологизированным, направленным прежде всего на политическое воспитание работающих женщин. В 1941-45 гг. эта тенденция получает дополнительное развитие, не менее

²⁵³ При подготовке статьи использованы архивы журнала «Работница» за 1941–1945 гг.

²⁵⁴ Ромашова М.В. Журнал «Работница» как источник по истории советского детства (1945-1953 гг.) // Источниковедческие исследования / Отв. ред. А.О. Чубарьян; Сост. Т.В. Гимон. М., 2008. Вып. 4. С. 154-171.

трети (а в некоторых выпусках – и половины) материалов составляют тексты официальных документов: указов, договоров, выступлений и обращений²⁵⁵. Особый акцент делается на единство курсов Ленина-Сталина, подчеркивание преемственности политической власти в стране. Обязательно размещаются материалы к годовщинам революции, Первомаю, Международному женскому дню, что подкрепляется публикацией стихотворений, плакатов, фотографий²⁵⁶.

Международная тема занимает важное место в контексте журнала. В рубрике «Беседа пропагандиста» события мировой политической жизни трактуются «правильным» с точки зрения действовавшей идеологии образом. В 1941-43 гг. журнал публикует обращения советских женщин к женщинам других стран с просьбой поддержать борьбу против фашизма, защитить детей²⁵⁷. Издание размещает материалы, рассказывающие о зверствах нацистского режима на оккупированных территориях²⁵⁸. Публикуются письма женщин мира, обращенные к советским подругам²⁵⁹.

В рубрике «Великие предки советских воинов» в 1942 г. создается галерея славных полководцев прошлого – А. Невского, Д. Донского, А. Суворова, К. Минина и Д. Пожарского²⁶⁰, боровшихся с врагами Родины – и побеждавших.

²⁵⁵ Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина // Работница. 1941. № 20-21 и др.

²⁵⁶ О международной коммунистическом женском дне 8 марта» // Работница. 1942. № 5 и др.

²⁵⁷ Нет большего врага у женщин, чем Гитлер // Работница. 1941. № 22 и др.

²⁵⁸ Против гитлеровской тирании // Работница. 1942. № 4 и др.

²⁵⁹ Приветствия женщинам Советского Союза // Работница. 1942. № 9 и др.

²⁶⁰ Яковлев Н. Александр Невский // Работница. 1942. № 2.

Многие материалы содержат призывы осваивать мужские профессии: водить паровозы, вставать к станку, трудиться на элеваторе, лить металл, спускаться в шахту. Тыл рассматривается как второй фронт, призванный обеспечить бойцов Советской армии всем необходимым²⁶¹. Руководители предприятий, бригадиры пишут о достижениях на производстве, анализируют результаты соцсоревнований, говорят о самоотверженности тружениц, перевыполняющих нормы.

Ключевой журналистский прием воздействия на сознание читательниц – создание запоминающегося позитивного примера («Равняйтесь по лучшим!»). Особая искренность и достоверность достигается рассказом от первого лица: «Работница» размещает материалы, подготовленные стахановками, победительницами трудовых соревнований, успешными главами предприятий, в которых прослеживаются этапы их жизненного пути, описываются достижения²⁶².

Другое важное информационное направление – советская женщина на фронте. «Работница» пишет о подвигах героинь, которые выполняют не только обязанности санитарок, радистов, корреспондентов²⁶³, но и успешно осваивают управление самолетами, танками, становятся водолазами, командирами подразделений²⁶⁴. Одна из значимых тем – «Как я стала героем»: женщины описывают эпизоды боев, делятся эмоциями, вспоминают товарищей.

²⁶¹ Фронт и тыл едины // *Работница*. 1942. № 6 и др.

²⁶² *Левинунова М.* Отвечаем на призыв вождя // *Работница*. 1943. № 11 и др.

²⁶³ *Гальперн С.* Корреспондент на фронте // *Работница*. 1944. № 4-5 и др.

²⁶⁴ *Мартынов М.* Командир гвардейского полка // *Работница* 1943. № 3 и др.

Публикуется немало историй о партизанках, деятельницах подполья²⁶⁵. Такие сюжеты всегда очень правдивы, эмоциональны, призваны поднять дух граждан, мотивировать равняться на смелые поступки.

Большое внимание уделяется раскрытию темы мужества врачей и медсестер в полевых госпиталях, работе санинструкторов и фельдшеров²⁶⁶. Разнообразие фотографий женщин на боевых рубежах, производстве, в быту создает в журнале уникальную атмосферу образов времени.

В рубрике «Слово матери» размещаются стихи, письма и обращения женщин, отправивших детей на фронт. О том, как они растили выдающихся сыновей и дочерей рассказывают А. Гастелло, Е. Кошечкина, Е. Покликушкина и др.²⁶⁷.

«Работница» регулярно информирует о необходимости вносить свой вклад в общую борьбу, перечисляя денежные средства на нужды государства²⁶⁸. Представители заводов, фабрик рапортуют о том, какое количество танков, самолетов приобретено на переданные ими сбережения: «Все для фронта, все для Победы!» К читательницам обращены призывы сдавать металлолом, кровь для раненых воинов, публикуются заметки о женщинах-донорах²⁶⁹. Активно откликаются труженицы на просьбы сбора подарков для сирот и бойцов Красной Армии.

Журнал систематически разъясняет женщинам простейшие правила оказания первой помощи, соблюдения

²⁶⁵ *Лидов П. Таня // Работница. 1942. № 3 и др.*

²⁶⁶ *Немирова Е. На санитарном пароходе // Работница. 1942. № 15 и др.*

²⁶⁷ *Кошечкина Е.Н. Молодая гвардия // Работница. 1943. № 8-9 и др.*

²⁶⁸ *Трудовые достижения – взаймы государству // Работница. 1942. № 7 и др.*

²⁶⁹ *Горячева С. Помогаем своей кровью // Работница. 1943. № 2 и др.*

гигиены, способы противодействия распространению заразных болезней, профилактики инфекций в быту и на производстве²⁷⁰.

Детская тема красной нитью проходит через военные выпуски журнала. «Работница» призывает граждан брать опеку над сиротами, рассказывает о позитивном опыте усыновления²⁷¹. Появляются новости об организации детского отдыха и лечения.

В каждом номере печатаются художественные произведения, а также частушки, подборки стихотворений. Литературное наполнение традиционно важно для журнала: одной из его задач изначально являлось формирование правильного «круга чтения» советских тружениц и подрастающего поколения.

На страницах «Работницы» можно встретить произведения как хорошо известных авторов – А. Твардовского²⁷², С. Щипачева²⁷³, И. Эренбурга²⁷⁴, В. Каверина²⁷⁵, К. Паустовского²⁷⁶, Н. Асеева²⁷⁷, так и простых читателей²⁷⁸. Все они объединены общей темой войны. Среди откровенно памфлетных творений встречается очень искренняя, душевная лирика, замечательные прозаические миниатюры.

Особое значение имеет рубрика, посвященная огородничеству²⁷⁹. Создание коллективных огородов на

²⁷⁰ Демидович Е. Сыпного тифа у нас быть не должно // Работница. 1942. № 1 и др.

²⁷¹ Валина Е. В родной семье // Работница. 1942. № 4.

²⁷² Твардовский А. Ленин и печник // Работница. 1944. № 1.

²⁷³ Щипачев С. О верности // Работница. 1942. № 8.

²⁷⁴ Эренбург И. «Вчера и завтра». №10-11, 1944 г.

²⁷⁵ Каверин В. Кнопка // Работница. 1942. № 13.

²⁷⁶ Паустовский К. Салют под дождем // Работница. 1944. № 12.

²⁷⁷ Асеев Н. Наша юность // Работница. 1943. № 10.

²⁷⁸ Стихи красноармейца И. Левидовой // Работница. 1944. № 5 и др.

²⁷⁹ За массовое развитие огородничества // Работница. 1942. 5 и др.

предприятиях, индивидуальное выращивание овощных культур направлены на обеспечение выживания населения в условиях войны. «Работница» призывает трудиться на земле, подробно описывает, как растить овощи, получать высокие урожаи, дает советы по хранению и приготовлению продуктов.

После коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны в журнале появляются регулярные отчеты о победах советских войск, публикации о восстановлении хозяйства, налаживании детской инфраструктуры, производственных мощностей. Возникает новый призыв для тружениц – участвовать в скорейшем возрождении страны²⁸⁰.

Поскольку в СССР остро встает демографический вопрос, в 1944-45 гг. размещаются статьи, посвященные беременности и уходу за младенцами²⁸¹. Публикуются отчеты по ремонту и расширению сети родовспомогательных учреждений, женских консультаций, открытию детских садов, обеспечению рожениц и подрастающего поколения питанием²⁸². Появляются материалы о многодетных матерях, приоритетном значении семейных ценностей²⁸³.

В 1944 году открывается рубрика «Научно-просветительский отдел», в которой читательницам рассказывают о происхождении жизни на Земле, устройстве Солнечной системы, знакомят с передовыми научными открытиями²⁸⁴.

История журнала «Работница» в военное время – пример уникального совмещения идеологического и просветительского воздействия СМИ, сочетания различных форм донесения доступной и полезной информации. Журнал

²⁸⁰ *Кормилицына Т.* На стройках Сталинграда // *Работница*. 1943. № 9-10 и др.

²⁸¹ *Значение грудного вскармливания* // *Работница*. 1945. № 1 и др.

²⁸² *Мухина Е.* Восстановим детские ясли // *Работница*. 1944. № 1 и др.

²⁸³ *Честь и слава матерям-героиням* // *Работница*. 1944. № 12 и др.

²⁸⁴ *Гурев Г.* Что такое Вселенная? // *Работница*. 1944. № 12 и др.

обучает выживать в тяжелых условиях, рассказывает о человеческих судьбах и достижениях, самоотверженности женских характеров, примерах подлинного героизма, стремления к Победе и мирной жизни на фоне неизбежного для того времени доминирующего пропагандистского воздействия.

Лю Инь

Цзи Нань (Китай), Шаньдунский педагогический университет

**Тема войны в творчестве Е.А. Нагродской
(на примере романа «Злые духи»)**

Е.А. Нагродская ввела тему Первой мировой войны в свой роман «Злые духи» и показала, что война «исправляет» нравственно запутавшихся людей.

Нельзя обойти вниманием роль войны, которая в авантурном сюжете становится важным звеном. Ее особенно выделяет современный литературовед Д.Д. Николаев: «Война воспринимается “как грань, разлом, как конец старого и начало чего-то нового”»²⁸⁵, и хотя он пишет об «авантюристах Гражданской войны», но и в героях Е.А. Нагродской «есть цинизм, есть нарочитая грубость, но в них есть и надежда на чудесное спасение, на милость, явленную заблудшим и грешникам, тем, кто уже дошел до самого края»²⁸⁶. Не случайно писательница использует ситуацию Первой мировой войны как способ «излечения» отчаявшихся и гибнущих в романе «Злые духи».

²⁸⁵ Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930-х годов: авантурная, фантастическая и историческая проза / Д.Д. Николаев; отв. ред. О.Н. Михайлов; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. М., 2006. С. 83.

²⁸⁶ Там же. С. 71.

В романе «Злые духи» Е.А. Нагродская прибегла к новому способу разрешения конфликта между непросветленным и возвышенным мирами, который был подсказан ей самой жизнью. Роман писался во время Первой мировой войны, когда патриотические идеи вдохновляли большую часть общества. С войной связывали надежду на возрождение России, прорыв в будущее. Нагродская не оказалась в стороне от этих настроений, поэтому «переворот» в душах павших героев решила связать именно с возникшим патриотическим чувством, которое, в свою очередь, корреспондирует с масонским сознанием, укрепляющимся в душах героев. Надо признаться, что это оказалось не самым удачным художественным решением, поскольку в этом случае снимается вопрос о волевом участии самого человека в своем совершенствовании. А как мы помним, именно волевое усилие многих героев писательницы оказывалось способно вывести их из нравственного тупика, в котором они оказались. Здесь же война появляется как *deus ex machina*, и все противоречия снимаются сами собой. Но все же следует заметить, что Нагродская находит некоторые неожиданные нюансы для характеристики войны, которая выступает у нее не как конкретное историческое событие, а как вселенский катаклизм, катастрофа, после которой может наступить время осуществления земного рая. Война сама по себе становится очищающей силой, которая, по убеждению автора, способствует усовершенствованию масонской доктрины.

Турчин утверждает, что многие представители искусства «решительно начали строительство новой культуры, куда поначалу входили стиль модерн и символизм. Они говорили “да” новому и решительно “нет” старому»²⁸⁷. И далее: «Их

²⁸⁷Турчин В.С. «Да» и «нет» на переломе эпох. Теософская традиция в русской культуре // С. Дягилев и русское искусство XIX–XX вв.: Т. 1. Пермь: Пермская государственная художественная галерея, 2005. С. 17–18.

революция – революция Духа, революция в сознании, в то время, как другие масоны-радикалы готовили революцию социальную; какое-то время они действовали параллельно, потом одни стали уничтожать других, и культура, ярко вспыхнув, как сознание больного перед смертью, умерла; утописты-реформаторы Духа проиграли, им пришлось погибнуть или уехать из страны»²⁸⁸. Так, мысль о духовном возвышении воплощается у Нагродской в образах сестер милосердия: «...если будет война, пойду в сестры милосердия, – сказала Дора»²⁸⁹; «...будет объявлена война, и я опять поступлю в сестры милосердия, – сказала Таиса»²⁹⁰. Дора и Таиса стремятся на фронт, жаждут помогать людям. Не случайно Нагродская словно бы «дублирует» фигуры этих персонажей: они даже выражаются сходным образом, что видно из приведенных выше цитат. Ей важно указать на актуальность объединения масонов-единомышленников: «А это ты, Тая... Ты пойдешь туда»? «Конечно, пойду. Пойдем со мной, Дора»²⁹¹. Сестры-единомышленницы всегда связаны общими идеалами и целями, что является наиважнейшей основой для создания масонского союза. Мечта Таисы идти на войну, чтобы стать сестрой милосердия, питается одновременно и желанием разрыва с обывательским миром. «Какая глупость. Войны, наверное, не будет... Бросьте капризничать, – сказал Чагин», у которого она служит секретарем. «Все равно, если и войны не будет, я не хочу работать у вас... Не могу...»²⁹², – твердо заявляет она. Чагину не дано понимание высшей цели войны, которую он считает ненужным и глупым делом. Такое восприятие войны неприемлемо для автора и становится отрицательной

²⁸⁸ Там же. С. 18.

²⁸⁹ *Нагродская Е.А.* Злые духи. СПб., 1915. С. 242.

²⁹⁰ Там же. С. 245.

²⁹¹ Там же. С. 251.

²⁹² Там же. С. 245.

характеристикой героя. Е.А. Нагродская делает упор на святости войны, которая установит новый и справедливый порядок в мире: «Это война справедливая... Нужная война, Тая. Это надо, но сколько будет убитых... А горя! Но надо, надо. Нельзя иначе... Нельзя иначе жить... Это война святая... Война против войны. Тая, Тая, как хорошо, что мы молоды, здоровы, свободны»²⁹³! – вот те мысли, которые наиболее близки автору. Е.А. Нагродская как гуманистка сознает, что война принесет много бедствий, но как писательница-масон, стремящийся к установлению нового типа взаимоотношений между людьми, не может не думать о выходе из хаоса и безнравственности, пусть даже таким чудовищным способом. Под фразеологическим сочетанием «война против войны» писательница подразумевает святую войну с ее очищающей силой и войну, разлагающую душу, которая постоянно ведется в мещанской среде. Для защиты масонской морали Нагродская апеллирует к войне как единственной возможности положить конец нравственному опустошению людей.

Вообще в романе «Злые духи» Нагродская уделяет особое внимание общей деятельности людей, объединяемых вокруг какого-либо достойного дела. «Дядя, дядя... Помогите мне... свезите меня к старцу вашему... Мы уедем, уедем... Одни уедем и еще... Таису возьмем...»²⁹⁴, – просит Варвара. Она и муж ее тети относятся друг к другу как единомышленники, которых еще более сплотит совместное путешествие. Оно, несомненно, окажет благотворное воздействие на их дух. Но при этом не будут рваться связи и с оставшимися: «Иди, Василий, иди! Иди смело и спокойно. Радостно иди. Пиши мне. А я здесь за тебя молиться буду»²⁹⁵, – сказала Варвара.

Как видим, даже в романе, посвященном главным образом разоблачению злых страстей, разрушающих человека, читатели

²⁹³ Там же. С. 252–253.

²⁹⁴ Там же. С. 240.

²⁹⁵ Там же. С. 262–263.

обнаруживают новое преломление масонской идеи – война как странствование становится превосходной силой, способной объединить людей и возвысить их дух. Можно сказать, что творчество Нагродской 1910-х годов сконцентрировано вокруг важнейшей для нее проблемы – нравственного совершенствования личности.

Так в романе «Злые духи», посвященном главным образом разоблачению страстей, разрушающих человека, возникает новое преломление масонской идеи: война как проявление духовного подвига, аналогичного странствованию, которое в традиционном масонском учении воспринимается как необходимая ступень очищения. И война становится такой очищающей силой, способной объединить людей и возвысить их дух.

О.М. Морозова

г. Ростов-на-Дону,

Донской государственный технический университет

«Надо создать тип женщины русской революции...»²⁹⁶

Романтизация Гражданской войны дала нам героинь Б.А. Лавренева и А.Н. Толстого. Вытопанное боевой повседневностью женское естество представлялось жертвой, принесенной на алтарь великой цели, а внезапное его пробуждение, становящееся роковым, должно было подчеркнуть и тяжесть времени, и переломность эпохи, и жертвенность женщин, включившихся в вооруженную классовую борьбу.

Реалистичность типажей и судеб объясняется не только талантом писателей, но и их характерностью для 1920-х гг. Случалось, среди архивных материалов попадались тексты,

²⁹⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-01-00025 «Женский революционный нарратив: исторический, психологический, социальный контекст»).

принадлежащие бывшим красноармейкам, причем не мемуары, а письма, которые и доказывают совершенно изменившуюся систему ценностей, этих женщин, обожженных войной. Таково письмо Кати Украинской, датированное 19 ноября 1929 г. От партийных товарищей она услышала фамилию Смирнов и решила написать, надеясь, что это М.В. Смирнов, бывший в ноябре 1918 г. командующим Советско-Таманской армии. В 1929 г. Катя – уполномоченная по хлебозаготовкам Тимашевского райкома ВКП(б), ответственный секретарь партийного журнала, учительница школы 2-й ступени. Надо думать, что времени для семьи у нее не оставалось. А у нее дочь, муж, хотя и беспартийный. Этот факт причиняет ей страдания, и между семьей и работой она безоговорочно выбирает второе. Катя пишет Смирнову, что любит его как старого боевого товарища, которого уже не видела много лет, а мужа не любит, потому что он, как мы можем понять из ее эмоционального письма, не из того мира, который ей дорог. Она вспоминала, что, когда Красная армия переходила в феврале 1921 г. Годерский перевал, таща на себе пушки, она плакала от усталости. Тогда Смирнов сказал ей, что коммунисты не плачут. Проявленная слабость мучила ее долгие годы, и в 1929 г. Катя рапортует ему, что стала настоящей коммунисткой, что даже в момент оппозиционных споров она устояла, и никаким уклонам не поддавалась²⁹⁷.

Образы вот таких яростных большевичек, действительно встречавшиеся в жизни, не без помощи новой советской литературы повлияли на ветеранские мемуары. В воспоминаниях, скопившихся в фондах Истпарта и комиссий помощи бывшим красным партизанам и демобилизованным красноармейцам, явно присутствует некоторое количество автобиографий, подстроенных под формирующийся стандарт революционной биографии. Большую роль в определении

²⁹⁷ ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 6. Л. 109-110.

подлинности представленных в них фактов играет метод комплектования соответствующих фондов. В «партизанских» фондах документы собраны в личные дела, включающие и официальные справки, удостоверения и пр., а истпартовские коллекции содержат немало противоречащих друг другу мемуарных текстов.

Как и многие другие исследовательские проблемы, вопрос о подлинности фактов биографий известных и малоизвестных революционерок может быть решен с помощью сравнения комплекса смежных документов. Эту разновидность компаративного метода предложено называть методикой коллективного свидетельства. Разумеется, он генетически восходит к опыту библейской критики Филона Александрийского и Б. Спинозы, исследованиям летописей А.А. Шахматова и В.И. Ключевского. Этот метод состоит из ряда приемов разной степени сложности. За счет наложения удастся выявить общие для группы документов описания прошлого, оценки и суждения. Взаимная критика текстов реализуется не только по воле исследователей. Ветеранское сообщество было расколото, состояло из конкурирующих и враждующих групп, которые активно дискутировали между собой, приводя в ходе полемики немало любопытных деталей. В итоге формируется картина прошлого, поддающаяся связному объяснению. Это не значит, что в основу будет положен чей-то «самый правдивый рассказ», или что это будет сложение фрагментов разных текстов. Картина складывается из векторов, сошедших в точке логичного, разумного истолкования недомолвок, лжи, ошибок, версий рассказчиков, повествующих о событиях прошлого.

Как видим, метод относится к индуктивным и отчасти интуитивным инструментам. Как один из способов преодоления недостаточности дедуктивных форм мышления Л. Витгенштейном был предложен принцип дверных петель –

назначенных устойчивыми исходных тезисов логических построений²⁹⁸. Этот феномен проявляется в момент, когда при работе с документами вдруг происходит качественный скачок в понимании материала.

Эта методика была применена к большой группе ранних воспоминаний женщин, претендовавших на звание активных участниц революции и Гражданской войны. В итоге было установлено, что в них немало искажений, недомолвок, погрешностей, из которых наиболее важны намеренные и «диагностические». К последним можно отнести отсутствие упоминаний об имевшихся у этих женщин детях. Так, в весьма объемных воспоминаниях левой эсерки Нины Введенской о событиях 1917-1919 гг. ни словом не упоминается ее маленький сын, хотя его присутствие должно было влиять и на ее частную жизнь, и на ее политическую деятельность.

Для женщин типажа революционных валькирий это довольно характерная черта. Эпоха народничества знает немало имен матерей-кукушек, перепоручивших заботу о своих детях родственникам или чужим людям (напр., М.А. Тургенева, Е.К. Брешко-Брешковская). Психологии известно состояние материнской амбивалентности, когда мать испытывает к своему ребенку разнонаправленные чувства. Напр., если он воспринимается одновременно и как ценность, и как помеха; как источник фрустрации на пути личностного совершенствования женщины, вырвавшейся за рамки традиционного общества. Это было частью широкого, в основе своей демократического процесса отказа от традиций в интересах меняющейся картины мира, стремления к простоте и правдивости.

Намеренные умолчания в воспоминаниях женщин, причастных к установлению советской власти на Юге России, относились к их жизни после краткого периода первой

²⁹⁸ См.: Руднев В. Витгенштейн и XX век // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 37-41.

советской власти, т.е. во время отступления Красной армии на север. Часть из них отступила вместе с армией, другие остались на территории, занятой белыми. Весьма часто советские активистки, в т.ч. и с дореволюционным стажем, отходили от дел, занявшись устройством личной жизни и быта. Разумеется, что это время замалчивалось в последующих биографиях. Примером могут стать воспоминания Прасковьи (Пани) Вишняковой, одной из наиболее известных кубанских большевичек, отличающиеся туманностью изложения. Объяснение можно найти в записках Т.Е. Нацвина. В частности, он знал, что Пани покинула ряды Таманской армии в Геленджике и, соединившись с одним из екатеринодарских советчиков по фамилии Гудимпод под видом супругов, перебралась в Крым, а оттуда на Украину, где и прожила до прихода Красной армии в 1919 г.²⁹⁹ Жена С.М. Кирова Р.М. Маркус после эвакуации Терского совнаркома осталась во Владикавказе, где и пробыла до момента прихода РККА в апреле 1920 г., ведя, как утверждали доброжелатели, подпольную работу. Однако никто из других отставших от 12 армии не упоминал о пребывании ее в городе, что можно объяснить ее полным отходом от политической работы.

Женская природа проявляла себя и в суровые времена, обязывая себе подчиняться. Детей рожали в те годы не только почтенные жены мирных обывателей, но и женщины, которых война подхватила и вовлекла в бурный поток событий. В Саратове, где находились некоторые из учреждений Южного фронта, оказалась екатеринодарская большевичка Елена Полуян, урожд. Верецкая, которая к этому времени рассталась с мужем Дмитрием и сошлась с другим бывшим членом Екатеринодарского реввоенсовета, ставшим членом РВС и председателем особой продовольственной комиссии фронта М.К. Марочкиным, родив в 1919 г. от него ребенка³⁰⁰.

²⁹⁹Геленджикский историко-краеведческий музей. Ф. 7. Д. 7. Л. 8.

³⁰⁰Там же. Д. 9. Л. 70-71.

Но встречаются и «прозрачные» тексты, в которых сквозь трескучие фразы-лозунги предстает как всегда нелегкая женская судьба. Фронтовой брак был способом избежать для «плененной» женщины группового насилия. Добраться домой можно было, согласившись стать спутницей обитателя классного вагона в военном эшелоне. Армия как организованная структура, способная предоставить относительную безопасность и пропитание, притягивала людей, в т.ч. и женщин, вступавших в воинские части рядовыми красноармейцами или работниками армейских служб.

В.Л. Нестерова

г. Ставрополь, ФГАОУ ВПО

«Северо-Кавказский федеральный университет»

Женская периодическая печать в отечественной историографии

Для изучения отечественной и социальной истории, а также истории культуры периодическая печать является важнейшим и незаменимым историческим источником.

Первые попытки теоретического осмысления отечественных женских журналов появляются в начале XX в., например работа С. Л-вой «Женские журналы»³⁰¹ выходит в свет в 1901 г. В 1905 г. В. Покровский провел анализ материалов «Журнала для милых»³⁰². В 1913 г. В.П. Семенников опубликовал в журнале «Русский библиограф»³⁰³ рецензию на первый российский женский журнал «Модное

³⁰¹ *Л-ва С.* Женские журналы // Женский альманах: иллюстрированный научно-литературный сборник по вопросам женской жизни. Одесса, 1901. С.162-163.

³⁰² *Покровский В.* Журнал для милых. 1804-1905. М, 1905.

³⁰³ *Семенников В.П.* «Модное ежемесячное издание», журнал 1779 г. // Русский библиограф. 1913. № 6. С.32-54.

ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета»³⁰⁴. М. Клевенский в 1930 г. публикует в сборнике «Русская журналистика. Шестидесятые годы» статью о «Женском вестнике»³⁰⁵. В 1971 г. ученый П.С. Рейфман помещает свое исследование о «Женском журнале» в «Учебных записках Тартусского университета»³⁰⁶.

В.Г. Чернуха в монографии «Правительственная политика в отношении печати. 60-70-е годы XIX века»³⁰⁷ приводит интересные наблюдения о поляризации политической направленности органов периодической печати указанного периода как ответной реакции на правительственную политику и, в частности, на стремление Совета министров через Комитет по делам книгопечатания, направлять деятельность литераторов на формирование общественного мнения в нужном правительству русле³⁰⁸. Автор также акцентирует внимание на малоизученных сторонах политики самодержавия в отношении общественно-политической печати. На основе нормативных источников, документов текущей политики в делах печати, материалов прессы рассматриваются вопросы, связанные с программой этой политики, а затем прослеживаются основные линии деятельности администрации по ее осуществлению.

³⁰⁴ *Смеюха В.В.* Отечественные женские журналы: историко-типологический аспект: монография. Ростов-на-дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011.

³⁰⁵ *Клевенский М.* Журнал "Женский вестник" 1866-1868 // Русская журналистика. Шестидесятые годы. М., Л., 1930. С.127-129.

³⁰⁶ *Рейфман П.С.* Журнал «Женский вестник» // Уч. зап.Тартус. ун-та. XVIII. Литературоведение. Вып. 266. 1971. С. 105-134.

³⁰⁷ *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60-70-е годы XIX века. Л., 1989.

³⁰⁸ *Мохначева М.П.* Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII – XIX вв. М.: РГГУ, 1998. С. 126.

Изучение функциональных особенностей женской периодики представляет особый научный интерес, так как помогает определить роль и значение данного типа средств массовой информации. Так, в 1990-е гг. Р.М. Ямпольская³⁰⁹ посвятила серию работ типологическим особенностям женской прессы, тенденциям развития, основным проблемно-тематическим направлениям. В данном аспекте интересны умозаключения Т.Ф. Пирожковой, которая исследует в своих работах первый российский женский журнал «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета»³¹⁰, с точки зрения его функционала.

Необходимо отметить большой вклад филолога В.В. Смеюхи³¹¹ в историко-типологическое изучение отечественных журналов XVIII-XX вв. В работах автора изучены условия и факторы зарождения женских журналов, их развития в процессе изменения общества, определена типологическая структура женской прессы, выявлены тенденции функционирования отечественной периодики для женщин.

Анализ отечественной женской прессы посвящен ряд диссертационных работ российских исследователей А.В. Жуковой, И.М. Дмитриевой, Е.А. Пленкиной, Н.Г. Зайдемы-Слотиной, Ю.В. Капковой, Е.Ю. Коломийцевой; К.Л.

³⁰⁹Ямпольская Р.М. Новое в системе изданий для женщин // Журналистика в 1991 г. М., 1992; *Ее же*. Быть или не быть женской прессе // Журналистика в 1992 г. М., 1993; *Ее же*. Женская пресса: ее типологические особенности // Вестник Московского университета. Серия 10 «Журналистика» в 1995 г. № 1. С.15-25 и др.

³¹⁰Пирожкова Т.Ф. Журнал для «прекрасного пола» // Вест. Моск. ун-та. Сер.10. «Журналистика». 1994. № 6. С. 26-37.

³¹¹Смеюха В.В. Издания для прекрасных дам: женские журналы России. Ростов-на-Дону: Печатник, 2009; *Ее же*. Отечественные женские журналы: историко-типологический аспект. Ростов-на-дон., 2011; *Ее же*. Трансформация отечественных женских журналов. Ростов-на-Дону, 2012.

Митрохиной, О.А. Симоновой, Д.А. Пустарноковой. В диссертационном исследовании Жуковой А.В., анализируется функция социализации и социализирующая роль женской прессы. Представлен всесторонний анализ тенденций развития системы женской прессы (как отечественной, так и зарубежной), а также выявление функций ее в процессе социализации в новом социально-историческом и культурном контексте. В работе Дмитриевой И.М. демонстрируется изучение ценностно-мотивационной сферы аудитории женских журналов и тенденций ее изменения, особенностей потребительского поведения аудитории женских журналов в условиях становления рыночных отношений. В диссертации Пленкиной Е.А. рассматриваются социальные и экономические предпосылки появления отечественного элитарного женского журнала, его типологические особенности и место на отечественном журнальном рынке, особенности программных установок российского женского элитарного издания. Коломийцева Е.Ю. в своем научном труде определяет основные этапы развития отечественных женских журналов, их функционально-типологические и предметно-тематические особенности, значение в истории отечественной культуры и журналистики, их роль и влияние на жизнь общества. Митрохина К.Л. исследует процессы возникновения и формирования изданий для женщин в России с 1779 г. по 1861 г. Автором рассматривается исторический и общественно-политический контекст существования изданий для женщин, складывание их успешных моделей – по тематике и аудитории; степень участия этих изданий в общественных дискуссиях о роли и положении женщин в обществе, эволюция образа читательницы, типологические характеристики изданий в историческом рассмотрении. Работа Пустарниковой Д.А. представляет исследование сущностных особенностей процесса появления и дальнейшего функционирования на отечественной почве женских изданий, посвященных общественно-политической проблематике, сквозь призму

проблем женского движения в России второй половины XIX – начала XX вв.

Таким образом, несомненным достижением отечественной историографии последних лет является появление большого количества исследований, посвященных женской периодической печати.

Л.А. Нефедова, И.В. Денисова

г. Челябинск, Челябинский государственный университет
Аналогово-когнитивные процессы в женской литературе

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности», проект № 15-04-00455.

С каждым годом в нашем обществе все больше возрастает интерес к явлениям, рассматриваемым через призму антропоцентризма, когда большую значимость при изучении языковых или литературных аспектов приобретают отдельные характеристики, важнейшей из которых является пол. Гендерные исследования затрагивают самые различные науки – не исключением является и литературоведение. «Гендер» является центральным понятием данного направления и акцентирует социальные и культурные аспекты взаимодействия людей разного пола с учетом их биологических особенностей, а также подразумевает изучение мужского и женского поведения, общения, стереотипов, создаваемых не природой, а обществом, мужественности и женственности как культурных понятий.

В этой связи особый интерес представляет тот факт, как автором в пространстве художественного текста формируется специфически женское отношение к действительности. И здесь представляется интересным рассмотреть аналогово-когнитивные особенности деятельности личности. Если рассмотреть аналогию как когнитивную операцию на основе неполного

сходства, то можно утверждать, что на основе аналогии основывается механизм метафоризации.

Женщины-писательницы в своих произведениях открыли новый мир: мир женщины, описанный глазами женщины. В своих произведениях писательницы предлагали обществу не только новые темы, но и новые образы поведения, отстаивали право женщины на самостоятельный выбор, на самостоятельную судьбу, используют большое количество метафор, в которых вербализуется неявное знание. Вербализация нового знания всегда представляет значительные трудности, будь то интуитивное, перцептивное, практическое или даже рациональное знание.

В течение долгого времени в науке и в социуме больше ценилось логическое мышление, за которое несет ответственность левое полушарие, и недооценивалась роль правого полушария, которое ответственно за целостное восприятие, пространственное мышление, мышление аналогиями, символику, синтез и интуицию, что характерно для женского мышления.

Появление женщин-авторов, пишущих романы, где в центре повествования – женщина, часто связано с ситуацией, когда иррациональное знание может быть названо, прочувствованно, пережито, но не выражено на уровне понятий.

Писатели, анализируя образ женщины, обращаются непосредственно к чувствам человека, его духовному миру.

Английская писательница и феминистка XX века Вирджиния Вулф в своих произведениях часто поднимает проблемы женского и литературного творчества, женского отношения к мужской культуре, рассматривает специфичность женской литературной традиции, значение для женщин экономической независимости. В определенной степени феминизм присутствует во всех произведениях В. Вулф, он постоянно занимает ее мысли. Она была уверена, что «общество, такое, какое оно есть, дело рук мужчин, а они

больше всего любят проливать кровь, наживать деньги, отдавать распоряжения – занятия все малопочтенные»³¹².

Отражение концепта «woman» («женщина») в творчестве Вирджинии Вулф достаточно многогранно. В. Вулф рассмотрела те препятствия и предрассудки, которые мешали женщинам заниматься писательской карьерой: один пол процветает, а другой нищ и неуверен в завтрашнем дне. У одних традиция, а за другими – пустота, и как это может сказаться на развитии писателя; женщина переполняет поэзию и полностью вычеркнута из истории; вдохновеннейшие слова слетают с ее уст, в реальной жизни она едва ли читала и писала, являясь мужчиной законной собственностью³¹³. Она разграничивала женщин как объект для описания и женщин как авторов описания, заявляя, что в литературе необходим новый стиль и форма, так как большая часть литературы была создана мужчинами для их нужды и пользы.

Вирджиния Вулф призывала женщин к глубокому исследованию своей психики, для того чтобы пересмотреть позицию женщины как женщины для мужского мира.

Что касается писательской деятельности, то здесь Вирджиния Вулф была уверена, что не существует режима мужского или женского письма. В. Вулф пишет, что если мужское и женское начала не уравновешены в сознании, верх берет интеллект в ущерб другим внутренним потенциям: губительно человеку пишущему думать односторонне. Нельзя быть просто женщиной или просто мужчиной по складу ума:

³¹² Форстер Э.М. Избранное: Вирджиния Вулф. Л., 1977. С. 309.

³¹³ Эти загадочные англичанки...: Э. Гаскелл, В. Вулф, М. Спарк, Ф. Уэлдон пишут о сестрах Бронте, М. Шелли, Д. Остен: пер. с англ. / сост. и авт. предисл. Е. Ю. Гениева М., 2002.

нужно быть женственно-мужественным или же мужественно-женственным³¹⁴.

Изображая женский и мужской миры в своих романах, писательница подчеркивает, что различия между мужчиной и женщиной, занимающих по мнению философов XIX века более низкое положение, воспринимаются обществом как само собой разумеющиеся. В. Вулф выступила с феминистской критикой той социальной и политической позиции женщин в Великобритании, которую они занимали согласно Доктрине о статусе замужней женщины: например, женщины не могли владеть землей, голосовать или подать иск в суд; все эти действия за них выполняли их мужья.

Женщина для Вирджинии Вулф – создание небольшое, но значимое; слабое, но необычное и целое; и наконец, меньшая, но лучшая часть. Анализ произведений Вирджинии Вулф показывает, что женщина для писательницы это символ, а не просто живое создание. Это символ души человека, символ свободы и страдания. Женщина в эпоху Вирджинии Вулф была всячески обделена свободой выбора. Борьба таких женщин за свои права, их жертвенность, солидарность, чувство справедливости воплотились в идеале женского образа у В. Вулф. Героини В. Вулф болеют болезнью своего века. Это женщины-борцы за справедливость, жертвы общественных устоев, одним словом, это женщины-феминистки. В своих произведениях, писательница стремилась раскрыть те качества женщины, которые не замечались ранее: индивидуальность, самостоятельность, смелость, полнота суждений, мужественность. Через сознание женских образов Вирджиния Вулф представляет дисгармонию женского и мужского восприятия в семье. В целом образ женщины служит средством уравнивания и примирения. Рассматривая вопросы роли

³¹⁴ Эти загадочные англичанки...: Э. Гаскелл, В. Вулф, М. Спарк, Ф. Уэлдон пишут о сестрах Бронте, М. Шелли, Д. Остен: пер. с англ. / сост. Е. Ю. Гениева. М., 2002.

женщины на войне, писатель касается вопросов разных логик, повышенной рефлексии женщин, принятия идеи неопределенности как связующего этапа развития отношений: смысловых, синхронных, структурных.

Н.Н. Орехова

г. Архангельск, НОУВПО «Институт управления»

О некоторых языковых особенностях женской прозы

Гендерные различия в языке признаются всеми лингвистами. Русская гендерлингвистика представлена достаточно глубоко: в настоящее время в работах Е.А. Земской, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой [Земская, Китайгородская, Розанова, 1990, 1993] даются подробные описания языковых гендерных различий – от фонетики до синтаксиса, в речевом поведении и в поэтике речи. Гендерные различия проявляются и в так называемой женской прозе – в темах, стиле и характере повествования. Женской прозой традиционно считается «социокультурный феномен, возникающий в процессе освоения женщинами публичного пространства и выражающийся в появлении литературных текстов, описывающих мир, социальный опыт и практики женщин глазами женщин» (1). Ученые отмечают высокую психологичность женской прозы, особую тонкость восприятия мира и передачи сложного внутреннего состояния своих героев. Рассмотрим синтаксические особенности языка, в частности парцелляцию определений, в произведениях И. Грековой.

Атрибутивная связь слов – наиболее тесная и менее всего поддается расчленению. Если использовать трактовку В.В. Виноградова, то можно сказать, что определение и определяемое слово выражают единое нерасчлененное понятие. На расчленении этой связи и основан экспрессивный эффект, возникающий при парцелляции определений. Парцелляция определения не только выражает факт обо-

особенности элементов атрибутивной связи, ее основная коммуникативная задача и состоит в том, чтобы донести эту обособленность до слушающего, объективизировать ее.

Парцеллированное определение может быть одиночным или развернутым, согласованным и несогласованным.

Парцелляция определений является средством семантического и эмоционально-экспрессивного подчеркивания, увеличения коммуникативной значимости высказывания.

Определение, вынесенное в парцеллят, становится более значимым, выпуклым, выразительным. Часто оно становится ключевым словом всего высказывания, раскрывающим главную мысль фрагмента.

"Какая прекрасная была ночь. Незабываемая..." (И. Грекова. Хозяйка гостиницы). Часто одиночные определения, вынесенные в парцеллят, становятся особенно выразительными, несущими итоговый смысл высказывания. "Растратил, расточил, растоптал свою жизнь. Однуединственную" (И. Грекова. Фазан).

Парцеллят с определениями прямо проецируется на поясняемое слово базовой части и входит в семантический круг, очерченный значением этого слова. В отношениях между частями парцеллированной конструкции возникают некоторые признаки подчинения: парцеллят раскрывает содержание базовой части. При этом высказывание получает дополнительную – экспрессивную – окраску. "Она очень она любила свой дом. Радостный, ясный, привольный – истинно свой" (И. Грекова. Хозяйка гостиницы).

Парцелляция определений как одно из средств характеристики персонажа встречается в творчестве многих писателей. В повести И. Грековой "Фазан" парцеллированные определения несут в себе очень большую смысловую нагрузку. В них содержится концептуальная информация о главном герое – сжатая, емкая характеристика человека, всю жизнь стремящегося к легкости и красоте, не обременяющего себя

заботами и ответственностью, попусту растратившего свои таланты, свою жизнь.

"Федор Азанчевский, короче – Фазан. Все его звали Фазаном, прозвище ему шло. Красивый, талантливый, неистощимый на выдумки, золотокрылый. Всегдашний "заводила", номер первый во всех играх, затеях, представлениях. Играл на рояле, эффектно педалируя... Пел модные песенки... Рисовал карикатуры, мгновенно схватывая сходство. Горел всеми цветами радуги – Фазан..."

"Одежду, обувь, галстуки покупал в Европе. Недорогие, но броские. Фазань". В парцеллированных определениях заключена авторская оценка и одновременно восприятие героя окружающими. Особенно выразительно образное сравнение героя с фазаном – красивой, яркой, декоративной, но глупой птицей. Перед лицом смерти герой – Федор Азанчевский – вспоминает всю свою жизнь, пытаясь уловить тот момент, когда он предал самого себя, отступил от нравственных норм. Одного за другим вспоминает он близких людей – маму, сестру Варю, любимых женщин, сыновей. И каждого – по-своему. С любовью и нежностью – маму (обожание в детстве, к которому потом прибавилось чувство вины и раскаяния за неоправданные надежды и сыновий эгоизм):

"Милая мама! Ну до чего же мила – прямо сил нет! Тогда еще молоденькая, хорошенькая. Невысокая, полная, с крохотными ногами в лаковых туфельках"; "А какая искусница, выдумщица! Изобретательная, ловкая. Умела все – шить, вязать, выпиливать, столярничать".

С легким раздражением за полную себе противоположность во всем вспоминает герой свою сестру Варю – своего друга детства, с которым жизнь развела в разные стороны:

"Все его детство прошло рядом с нею. Некрасивая, надутенькая, с рыжими косичками. Неизменно тут – спутница и раба..."

Безропотная. Ее можно было обидеть, но нельзя рассердить" "Гораздо ближе к отцу была сестра Варя. Неодаренная, ничего не получавшая даром".

Одну за другой вспоминает герой женщин, которых он любил. Все три – такие разные, и чувство к ним тоже было разным.

Лиза – первая любовь: "Стройная, солдатообразная, на полголовы выше его, с прямыми, спортивно развернутыми плечами. С удивительной прямоотой серого взгляда".

Клавдия – первая жена: "Горячая, смуглая, волевая. Жена собственница, жена – властелин"; "Сильная, жесткая. Жесткая во всем, даже в любви... Хваткая, беспощадная". Даша – вторая жена, сильная страсть в молодости и опора в старости: "Хороша была в молодости, по-своему хороша и в зрелые годы, и даже под старость. Полненькая женщина с высокой грудью крутыми бедрами, ногами – бутылочками. Веселая, приветливая"; "А у него – Даша. Чудесная, обольстительная, тогда еще молодая. Тридцати не было, а ему за сорок. Воскрес с нею, обрел себя, Мелкокудрявая, вечно вострепанная, крутобокая, с ярким румянцем. Заразительный, мелкозвонный смех... Даша!"

Парцеллированные определения содержат и характеристику сыновей главного героя – тех, кого он не воспитывал: "Родился сын Петр. Крепкий, красивый, широкоглазый, с материнским овалом лица". Второй, имени которого никак не мог вспомнить, – "Красивый мальчик. Не на кошку – на голубя, вот на кого он был похож. Круглый, гладенький, с воркующей речью".

Подобный прием используется и для характеристики других героев повести – отца, учителя, друзей, и для характеристики неодушевленных предметов: фотография – "Глянцевая, твердая, с золотыми медалями по низу"; детские башмачки – "Легонькие, тупоносые, разноцветные"; игрушки – "Яркие – ядовито-розовые, голубые, лиловые, аккуратно сложенные гармошкой". Таким образом, высокая частотность

употребления подобных конструкций в творчестве отдельного писателя позволяет говорить о парцелляции определений как об определенном стилистическом приеме повествования.

Литература

Гордович К.Д. История отечественной литературы XX века. Пособие для гуманитарных вузов. СПб., 2000.

К.А. Петров

г. Тверь, Тверской государственный университет

Проблемы мирной жизни и конфликта в женской африканской литературе XX в.

Для всего человечества XX в. стал временем тяжелых испытаний, потерь и преобразований. Африка была регионом, на который оказали влияние не только Первая и Вторая мировые войны, но и процесс деколонизации, переход к которому от колониализма стал весьма кровавым для многих местных народов. Как и в литературных традициях других стран, писатели и поэты обращались к темам войны и мира, конфликта и миротворчества, патриотизма, свободы, поскольку именно эти сюжеты волновали людей больше всего. Исключением не стала и африканская литература. Цель данной статьи – выявить особенности отражения действительности в женской африканской литературе XX в.

Женская литература африканских народов в большей мере, нежели мужская, связана непосредственно с самой Африкой. Большинство произведений носят вполне конкретный характер и связаны либо с населением континента (специфической группой или в африканцами в целом), с территорией, традициями или природой. Среди различных сюжетов можно выделить несколько тем, которые наиболее часто затрагиваются в женской литературе Африки.

Во-первых, большое внимание уделяется этнокультурной проблематике. Авторы указывают на этническую принадлежность своих героев, их исторические корни, пишут о

языковой дифференциации местного населения. Внутри данного направления выделяется особая группа, посвященная взаимоотношениям между африканским и европейским населением, а также различными представителями местных народов. В частности, Эфуа Теодора Сазерленд, ганская поэтесса, в стихотворении «Так случилось» описывает отношения мужчины и женщины, европейца и африканки: «Слышите, вы, державы и расы, мы встретились, мы – два цвета, и узнали, что раньше впустую вращалась для нас планета».

Во-вторых, акцент ставится на бытовой сфере, описании образа жизни и повседневности африканского населения. В таких произведениях, в большей мере прозаических по своей форме, главными героями выступают замужние женщины или матери. Подобный статус характерен также и для мужской литературы. Писательницы и некоторые поэтессы создают картину тяжелых трудовых будней африканки или же повествует о конкретных проблемных ситуациях. Так, например, Барбара Макхализа, зимбабвийская писательница, представляет в рассказе «Похитительница» сюжет о молодой замужней женщине, которая не может завести ребенка. Чтобы не потерять из-за этого мужа, она решается на отчаянный шаг – украсть чужое дитя, выдав за свое. В произведении акцент сделан на эмоциональных переживаниях героини и ее семьи. О жизни сенегальских женщин пишет в повести «Такое длинное письмо» Мариам Ба. Как и следует из названия, произведение построено в форме письменного обращения героини по имени Раматулай. В тексте автор отражает существующие в местном обществе проблемы: культ материальных благ, дискриминационное отношение к женщинам, многоженство. В связи с последним Мариам Ба от лица героини передает ее настроение и эмоции, которые она испытывает, когда через тридцать лет брака узнает о второй жене, которая заняла все внимание мужа.

Третьим важнейшим сюжетным направлением в африканской литературе XX в. является тематика конфликта. В рамках местной традиции в качестве конфликта выступают в основном события, связанные с борьбой за независимость африканских народов в середине XX в. В рамках направления можно выделить две группы произведений женской литературы. В первой сюжет строится вокруг непосредственно освободительной войны. В ней авторы от лица своих героинь показывают ужасы колониального гнета и кровавое подавление оппозиции. Так, в стихотворении «В Менаа, в горах Ореса» алжирская поэтесса Анна Греки пишет о том, как в ее родную деревню пришла война: «На корни моего детства навалились пласты страха, ненависти и крови». Еще одна алжирская поэтесса – Асия Джебар – в произведении «Каждое утро» говорит о женщине (матери, жене или дочери), которая пытается отыскать своего родного человека: «Каждое утро в двух шагах от нашего дома я ищу тебя среди трупов». О событиях 5 февраля 1953 г., когда была расстреляна мирная антиколониальная демонстрация местных жителей, пишет жительница острова Сан-Томе Алда до Эспирито Санто.

Небольшим ответвлением в рамках первой группы являются произведения, связанные с описанием послевоенной действительности. Авторы демонстрируют эмоциональную реакцию своих героинь на завершение сражений. Алжирская писательница и поэтесса Надия Гендуз пишет в «Алжире»: «Алжир! Навсегда я твоя. Вчера твою землю кровь обагряла. Сегодня детям твоим принесла я оливы. Вчера на земле твоей корчились в муках тела. Сегодня над теми, кто пал, наливаются соком колосья».

Вторая сюжетная группа связана с осознанием понятия свободы. Герои в произведениях африканских авторов размышляют о колониализме, о страданиях народа и о скором освобождении. Особенно ярко это видно на примере стихотворения Анны Греки «Грядущее придет завтра», в котором поэтесса рисует образ людей, неспособных более

выносить зависимость: «...и изможденные женщины, по горло терпением сытые, никак не хотят и не могут заставить себя молчать». В этом произведении Анна Греки показывает, что не только мужчины боролись за независимость своих народов, но важный вклад в это внесли и женщины: «Строительницы свободы, скромные зодчие нежности, я вас обнимаю, сестры...».

Кроме сюжетов о борьбе за независимость тема конфликта также раскрывается и в произведениях постколониальной литературы, связанной с внутренними проблемами африканских обществ XX вв. Так, в частности, сенегальская писательница Амината Соу Фалль в повести «Забастовка нищих» повествует о конфликте бюрократии и городских низов. Последние поднимаются на борьбу за свои права, в чем им оказывает помощь героиня повести Салла Нианг.

Таким образом, в женской литературе Африки XX в. актуальными становились сюжеты, которые волновали все местное население, особенно женскую его часть, в этот период. Произведения, связанные с этнокультурной проблематикой, отражали поиски собственной идентичности в постколониальном пространстве. Получив независимость, африканцы вновь вернулись к весьма серьезной проблеме полиэтничности и необходимости построения новых связей между собой в условиях отсутствия колониального управления. Эти события и находят отклик в литературе африканцев, в том числе у женских авторов. Сюжеты о повседневности местного общества всегда были важной частью литературы как в колониальный, так и в постколониальный период. Женщины писали о тех проблемах в социуме и в быту, которые волновали и их самих: неравноправие, дискриминация, отход от традиций. Одной из наиболее важных сюжетных групп в африканской литературе XX в. была тема конфликта, связанная, в первую очередь, с движением за независимость африканских народов от колониализма. Авторы произведений показывали, что

женщины также принимали непосредственное участие в борьбе, раскрывали их переживания, мысли и желания.

Карен Петроне

Университет штата Кентукки, Лексингтон, США

"Война против войны: отношение советских женщин-писательниц к Первой мировой войне"

В ходе Первой мировой войны царское правительство подавляло антивоенные настроения и представляло русских мужчин и женщин активными и добровольными ее участниками. Несмотря на то, что большевики считали Первую мировую войну империалистической, они рассматривали ее как неизбежный этап борьбы между капитализмом и коммунизмом и вовсе не были пацифистами. Однако в первые годы советской власти две выдающиеся советские писательницы Софья Федорченко и Александра Коллонтай опубликовали работы, которые поставили под сомнение целесообразность войны.

Федорченко, будучи медсестрой на фронте, написала этнографический очерк о русских "Народ на войне", повествующий о многочисленных уродливых проявлениях войны. В книге содержится описание военных преступлений, совершенных русскими солдатами, и проведено исследование моральной неоднозначности войны. В этой работе, целью которой было выявить "правду войны", также задокументированы огромные военные расходы.

В 1925 г. Коллонтай выпустила отрывки из «Дневника 1914 г.», в которых рассказала о своем содержании под стражей в Германии в течение первых семи недель Первой мировой войны в качестве гражданки враждебного государства. Также в этой работе были проанализированы попытки сохранить позицию сторонника интернационализма, несмотря на начавшиеся военные действия. Неприятие национализма Коллонтай имело сильную пацифистскую

окраску. Она не только осудила немецко-русскую войну, но и заявила о "войне на войне".

Таким образом, в ранние годы существования Советской России две женщины-писательницы решительно выступили против милитаризма, проигнорировав веру советского государства в эффективность войны в деле осуществления мировой революции.

(Перевод Н.В. Ряполовой, ред. С.В. Канныкина)

О.Д. Попова

*г. Рязань, Рязанский государственный
университет имени С.А. Есенина*

**«Полезные советы» на страницах «Работницы» и
«Крестьянки» в 30-40-е годы XX века**

Женские журналы «Крестьянка», «Работница» – старейшие издания, вышедшие на протяжении почти всего советского периода истории нашей страны. В 1922 году начал выходить двухнедельный журнал «Крестьянка». В 1923 году был возобновлен выпуск журнала «Работница», выходившего еще до революции. В 1932-1941 гг. издавался журнал «Работница и крестьянка», конкурирующий и с «Работницей», и с «Крестьянкой». В современной научной литературе данные журналы рассматриваются как важный элемент пропаганды, социализации и формирования нового образа жизни³¹⁵.

³¹⁵ *Коломийцева Е.Ю.* Первые советские женские журналы 1920-х годов: история развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 6 (56). С. 199-205; *Минаева О.Д.* «Неженские» профессии советских женщин 1930 гг. (по материалам журнала «Работница») // Медиаскоп. 2009. № 2. С. 19; *Петров М.С.* Эволюция образа работающей женщины в отечественной журналистике (по материалам журнала «Крестьянка») // Труд и социальные отношения. 2010. № 5. С. 135-139; *Жукова А.В.* Женская пресса как фактор социализации личности. Диссертация на

Большинство авторов на основе анализа основной части журналов приходят к выводу, что большинство статей служило пропаганде коммунизма, убеждению женщин в преимуществе нового образа жизни. Исследование О.Д. Минаевой показывает, что многие публикации ставили цель пропагандировать образ женщины не просто занятой в производстве, но и трудящейся на самых тяжелых работах³¹⁶. В целом многие авторы отмечают, что идеологическая пропаганда была направлена на обобществление быта.

Однако вне рамок большинства исследований оказались небольшие странички, содержащие советы по ведению домашнего хозяйства, рекомендации по рукоделию. О.Д. Минаева 1936 год в истории «Работницы» отмечает как год появления первых непосредственно «женских рубрик»³¹⁷, и с этого момента они становятся постоянными. Представляется, что эти разделы не следует исключать из процесса социализации и механизма пропаганды. Анализ их содержания позволяет выявить не только идеологические установки власти по моделированию образа жизни советского общества, но и показать специфику повседневной жизни людей на данном этапе, определить механизмы адаптации общества к условиям идеологической системы.

Представляется, что главным признаком, по которому публикацию можно отнести к категории «женских рубрик», являться их непосредственная направленность на жизнь, т.е. материал, который рассказывает не о призрачном будущем, не об успехах нового строя, а именно о том, что пригодиться в конкретной повседневной жизни.

В 1938 году на страницах «Крестьянки» регулярными становятся раздел «Полезные советы», где давались

соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб., 1998.

³¹⁶ Минаева О.Д. Указ. соч. С. 19.

³¹⁷ Там же.

различные советы по ведению хозяйства. Так, например, в одном из номеров в такой рубрике давали рекомендации, как постирать тюлевые покрывала и занавески, как приготовить побелку. Привлекает внимание и совет как приготовить дрожжи домашним способом из пива и картофеля, рекомендация в качестве заменителя разрыхлителя теста приобрести в аптеке углекислый аммоний³¹⁸. В других номерах содержались советы по заготовке овощей, грибов, рецепты заготовок ягод без сахара. В этом же году немало было подготовлено публикаций, связанные со здоровьем женщины, детским здоровьем. Женщинам очень популярным языком рассказывали о скарлатине у детей, о борьбе с детскими поносами, о вреде аборт, давали советы по оказанию первой помощи. Появились на страницах «Крестьянки» в 1938 году и выкройки. Так, в № 28 женщинам предложили выкройку и подробные инструкции как сшить жакет на вате³¹⁹.

В журнале «Работница и крестьянка» в предвоенные годы практические советы были еще более разнообразные. В 1938 году к журналу систематически выходило приложение с листами выкроек женской и детской одежды, которые, к сожалению, не сохранились. Так же регулярными были популярные статьи на «женские темы», «советы хозяйкам», среди которых публиковалось немало рецептов. Следует отметить, что кулинарные рецепты на страницах этого журнала были богаче: было больше рецептов с использованием мяса, рыбы.

Значительный интерес представляет причина появления таких чисто практических рубрик. Ведь фактически их содержание входило в противоречие с идеологическими установками на общественный быт, общественную кухню, образ женщины как активной участницы строительства

³¹⁸ *Маковер М.* Полезные советы // Крестьянка. 1938. № 7. С. 23.

³¹⁹ Объяснение к выкройке жакета на вате // Работница. 1938. № 28. С. 22.

коммунизма. Представляться, что причин тому было несколько. Во-первых, преследовалась чисто практическая цель в решении повседневных проблем женщин. Уровень жизни в стране тогда был чрезвычайно низкий. Порой среди женщин существовали совершенно дикие представления о женском здоровье, об уходе за детьми, не отличались правильностью и представления о гигиене, правильном питании. Женщин надо было элементарно учить. Во-вторых, в конце 30-х годов негласно произошел перелом в агитации. Идея общественного быта стала уходить на второй план. Она оказалась экономически невыгодной. Ставилась задача повысить покупательную способность граждан, вызвать интерес к потреблению продукции, которую стала выпускать пищевая промышленность. В это время уже готовилась к изданию «Книга о вкусной и здоровой пище».

В годы Великой Отечественной войны статьи, направленные на практическую деятельность, стали публиковаться еще активнее. Объем рубрик не изменился: они не превышали 1-2 страниц, но такие разделы стали появляться практически в каждом номере, их содержание отражало сложности быта военного времени. Содержание полезных советов на страницах «Работницы» и «Крестьянки» становится схожим. Обращает внимание большое количество кулинарных рецептов, которые ставили задачу помочь пережить трудные времена, найти источники питания, витаминов из того, что окружает: «салат из свежей ботвы и зелени», «свекольная икра», «каша с плодами липы», «что можно приготовить из тыквы». Печаталось и много советов по ведению хозяйства: как приготовить крахмал их отходов, как получить сахар в домашних условиях, как использовать тростник в домашнем хозяйстве.

Очень показательной являться статья на страницах «Крестьянки» об использовании коров в виде тягловой силы³²⁰ или подробная статья о том, как изготовить противогаз самостоятельно³²¹. Также на страницах «Крестьянки» регулярно стали появляться статьи по ведению сельхозработ, например «Как использовать сенокосилку при уборке хлеба»³²².

К концу войны практические рекомендации уже свидетельствуют о небольшом улучшении качества жизни, стали появляться выкройки, рисунки для вышивания.

Таким образом, «полезные советы» являлись, как и основная часть журнала, важным механизмом социализации, что позволяет проследить стратегии выживания женщин в сложные военные годы. Последовательный анализ этих материалов показывает, что идеологические установки власти не всегда получали реализацию в полной мере и порой расходились с практикой.

Л.Г. Рева

г. Киев (Украина), Национальная библиотека Украины

Образ Роксоланы в литературе

Анастасия Гавриловна Лисовская (родилась ок. 1506 г. – ум. ок. 1562 г.) была дочерью священника Гаврилы Лисовского из Рогатина – небольшого городка на Западной Украине, расположенного юго-западнее Тернополя. В XVI веке эта территория принадлежала Речи Посполитой и постоянно подвергалась опустошительным набегам крымских татар. Во время одного из них летом 1522 года юная дочь

³²⁰ Подготовились заранее // Крестьянка. 1942. № 12. С. 21.

³²¹ Хренова М., Жукова Г. Как самому сделать противогаз // Крестьянка. 1942. № 16. С. 22-23.

³²² Как использовать сенокосилку при уборке хлеба // Крестьянка. 1942. № 13. С. 22-23.

священнослужителя попала в отряд людоловов. Легенда гласит, что несчастье произошло как раз накануне свадьбы Анастасии³²³.

Но одну загадку не могут пока разгадать ни историки, ни психологи, ни даже ясновидящие: как мог Сулейман Пышный, познакомившись с украинкой-пленницей, забыть о своем огромном гареме и все дальнейшие более тридцати лет, вплоть до смерти прекрасной Анастасии Лисовской, оставаться верным ей одной? Кем бы она была в милой его сердцу Украине, если бы не судьба турецкой пленницы? Возможно, благородной поповной, которая воспитывала бы свободолюбивых и умных детей. Возможно, составила бы она не одну бессмертную народную песню, потому что имела на удивление богатую душу и отличалась большой чувствительностью. Однако ее величество Судьба прославила нашу соотечественницу как императрицу одной из самых могущественных империй – никогда женская нога не ступала в вельможные палаты императора, а Настя Лисовская получила право сидеть в тех палатах. И не на полу, а в императорском кресле, как это водилось в христианском мире. Наверное, способность любить, в которой сконцентрирована сила и глубина человеческой личности, больше всего отличала эту гениальную женщину³²⁴.

Павел Загребельный, автор эпопеи «Роксолана», симпатизирует Хуррем, повышает ее роль в истории: у султана и Роксоланы были душевные симпатии, но они носили домашний характер. Не нужно утешать себя иллюзиями. Она просто боролась за себя, как личность.

³²³ Букачий М. По святых місцях Малої Азії // Київський вісник. 2011. 22 жовт.

³²⁴ Неділько С. Українка, яка приносить радість // Улюблена газета. 2012. 5–20 квіт.

Из других источников известно, что она была невысокого роста, не красавица, но вполне очаровательная... Ее жизненный путь и достижения – это ее личная гордость, но не является национальной гордостью. Известный украинский журналист Олесь Бузина считает: «Она символизирует тот упадок, в котором находилась украинская земля на тот период». На вопрос, насколько Роксолану можно считать гордостью Украины, отвечает: «Давайте подумаем: чью-то бабушку сейчас похитили чеченцы, она сделала в каком-то чеченском клане хорошую карьеру, стала женой чеченского командира. Вы будете гордиться такой бабушкой? Спросите сами себя, проведите историческую аналогию. Роксолана навсегда потеряна для Украины – как украинский материал. Роксолана – это турецкая султанша, при которой вассалы турецкого султана татары осуществляли регулярные набеги на Украину и похищали тысячи таких роксолан... Не стоит преувеличивать и ее влияние при султанском дворе. В разные периоды оно было разным и выросло к концу жизни Роксоланы. Более всего она была озабочена тем, чтобы ее сын Селим стал престолонаследником. Она победила в придворных интригах, уничтожила свою политическую соперницу – мать наследника, позже физически был уничтожен и соперник ее сына... Ей необходимо было выжить, она находилась в жестоком мире и стояла перед выбором: либо погибнуть, либо самой стать жестоким человеком»³²⁵. Политическая карьера Анастасии Лисовской – дипломата, реформатора, интриганки, по словам О. Забужко, была не хуже Екатерины Медичи. В турецкой исторической традиции, в историческом сознании турок, Роксолана (Хуррем) зафиксировалась как хитрая влиятельная особа, поведение которой привело к падению Османской

³²⁵ Бузина О. От дивана до майдана // Сегодня. 2012. 11 лютого.

империи. Но в восприятии Роксоланы нашими соотечественниками она навсегда останется символом украинской женщины, которая нигде и ни при каких обстоятельствах не погибнет и даже в самых безвыходных ситуациях найдет свое место под солнцем. Анализируя эти ее шаги, нетрудно понять, какую культуру в Средневековье имел наш народ, какими духовными ценностями пользовался. Впрочем, это уже хрестоматийный факт: Киевская Русь была наиболее почитаемой из стран Европы в Средневековье...

Современная Турция справедливо считает Сулеймана Величавого предвестником модернизации государственного устройства и международных связей. Разве могло бы все произойти, если бы его шаг не вдохновляла ближайшая и самая верная союзница во всех нововведениях и творческих переменах? До сих пор отмечается тот исторический факт, что именно благодаря этой женщине в начале XVI века удалось заложить основы Запорожской Сечи. Как известно, турки постоянно опустошали наши земли. Сулейман Величавый (Пышный) за время долгого, почти полувекового владения престолом (1520-1566) ни разу не направил своих завоевателей на Украину. Как справедливо утверждает Юрий Колисниченко в своем рассказе «Султанка из Рогатина»: «Разве это не подвиг убедить султана и его правительство воздержаться не только от походов на Украину, а даже и от мыслей о них?»... Со школьной скамьи украинские школьники помнят балладу о Марусе Богуславке, которая открыла замок с нашими невольниками. Проницательные исследователи не сомневаются: той спасительницей была именно Настя Лисовская, носящая другое имя – Роксолана. Это она освободила своих единокровных братьев, выпросив такой свадебный подарок у Сулеймана Величавого. И едва ли не самым большим достоинством Анастасии Лисовской было ее необычное свободолюбие, заложенное в гены нашего народа. Если бы не оно, вероятно, не было бы и Украины, – растворилась бы она в кругу других этнических сообществ.

Поэтому вполне можно предполагать, что Сулейман Великий был увлечен именно этой чертой женщины – сохранять свободным свой Дух. Как известно, во время самой первой встречи с султаном она не упала на колени, как это делали все без исключения его наложницы, а гордо сказала, что принимает только равноправные отношения между мужчиной и женщиной... Еще до знакомства с султаном за жизнелюбие ее окрестили «Хуррем», что означает: «Та, которая приносит радость». Это – своеобразный символ того, каким особенным светом озаренная украинская душа.

А.А. Рубежанская

г. Старый Оскол, Муниципальное казенное учреждение культуры «Старооскольский краеведческий музей»

Особенности описания женского и мужского вклада в тыловую работу в периодической печати и источниках личного характера, посвященных строительству железной дороги Старый Оскол – Ржава

Железная дорога Старый Оскол – Ржава строилась с 15 июня по 17 июля 1943 года. Прокладка этого участка железнодорожного пути – первая крупнейшая стройка страны с начала ВОВ. Это был беспрецедентный во многих отношениях проект: как по времени и месту строительства, так и по протяженности построенного железнодорожного полотна, скорости его прокладки и количеству задействованных в строительстве местных жителей и бойцов железнодорожных войск. Описываемый участок железной дороги был призван улучшить снабжение Воронежского фронта. Постановление Государственного Комитета обороны от 8 июня 1943 года обозначило точные сроки строительства: с 15 июня по 15 августа, однако по мере развития событий, предвосхищавших бои на Курской дуге, военному руководству стало понятно, что потребность в дороге возникнет гораздо раньше, поэтому

сроки строительства пересмотрели, и дорога была построена в рекордные 32 дня³²⁶.

По подсчетам, к строительству было привлечено до 25 000 человек мирного населения³²⁷ из прилегающих к местам прокладки железной дороги 17 районов Курской области (часть которых впоследствии была включена в Белгородскую область, современный Старооскольский городской округ входил в их число). В прокладке полотна принимали участие 7-я, 19-я и 25-я железнодорожные бригады³²⁸.

В настоящей работе мы детально рассмотрим дискурс о дороге Старый Оскол – Ржава, который представлен в местной периодике, изданной с конца 50-х гг. прошлого века по 2000-е гг., и в воспоминаниях об описываемом историческом отрезке непосредственных участников строительства. Все эти материалы собраны в Старооскольском краеведческом музее. Такой подход отразит как «внешний» взгляд на женский вклад в тыловую работу, так и взгляд женщин «изнутри» на свое участие в строительстве дороги. Гендерная специфика рассматриваемого исторического события в основе своей имеет практически полное разделение по полу между военнообязанными, которые принимали непосредственное участие в военных действиях и категории так называемых «тружеников тыла». Первые из них в подавляющем числе были мужчинами, вторые в большинстве своем – женщинами. В строительстве участка железной дороги Старый Оскол – Ржава это разделение просматривается очень четко. Среди огромного количества жителей, строивших дорогу, большинство были

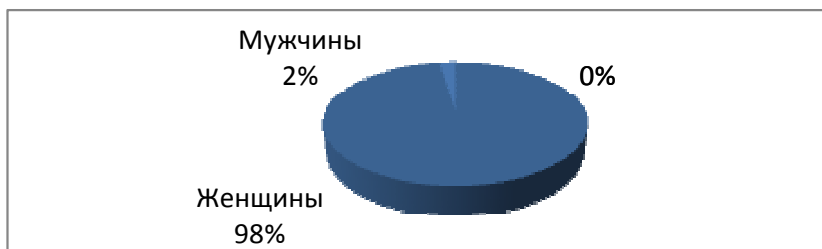
³²⁶ *Зензинов Н.А.* Дорога мужества / // Железнодорожный транспорт: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 124.

³²⁷ *Кабанов П.А.* Стальные перегоны [Электронный ресурс] // Военная литература: [сайт]. 2014. URL: militera.lib.ru/memo/russian/kabanov_pa/07.html (датаобращения: 1.05.2015).

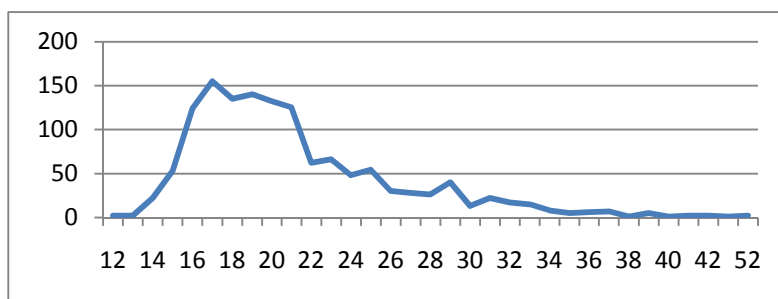
³²⁸ *Чуев Н.Я.* Дорога мужества и жизни. Губкин, 2002. С. 43.

женщины. Материалы по Губкинскому району, представленные в книге «Дорога мужества и жизни», позволяют получить представление о процентном соотношении женского и мужского населения среди строителей дороги – мирных жителей и возрасте участвовавших в строительстве женщин.

Соотношение женщин и мужчин среди мирных жителей Губкинского р-она Белгородской области, строивших железную дорогу Старый Оскол – Ржава³²⁹

Кривая распределения возраста женщин Губкинского р-она Белгородской области, строивших железную дорогу Старый Оскол – Ржава³³⁰

³²⁹Чуев Н.Я. Указ. раб. Губкин, 2002. С. 56-107.

³³⁰Там же.

Гендерная специфика проявляется и в разделении труда в процессе строительства. Женщины выполняли главным образом подсобные, подготовительные, земляные работы – они формировали основание под железнодорожное полотно – перемещали (насыпали и снимали) и трамбовали грунт. Работы эти были очень трудозатратными, поскольку из-за скудости снабжения в строительстве не было задействовано практически никакой техники. «Самыми сложными и, пожалуй, единственными машинами на стройке были копры. Они работали на местах, забивая сваи»³³¹. Работы производились главным образом вручную. Работали кирками, лопатами, грабарками, ломом, топорами. Грунт перемещали носилками, тачками и ведрами. Уровень снабжения орудиями труда был на крайне низком уровне: в Старооскольском музее хранится ведро, выполненное из стреляной гильзы, в воспоминаниях участниц строительства фигурируют сведения о том, что землю приходилось переносить буквально в подолах. Грунт уплотняли ручными трамбовками – тяжелыми деревянными чурками, к которым сверху крепились горизонтальные ручки.

Железнодорожные войска производили разметку для прокладки полотна и укладывали шпалы и рельсы на выровненную земляную подушку.

При описании того или иного явления можно сделать акцент на одном и, не упомянув другое, нивелировать его значимость (умышленно или нет). В данном случае мы располагаем фактами: в строительстве участка дороги Старый Оскол – Ржава участвовали и мужчины, и женщины. Воспоминания участниц строительства дороги – ценный ресурс для изучения описываемого исторического события. Из восьми проанализированных рукописных воспоминаний об участии в строительстве военных говорится только в половине: «Кроме местного населения на строительстве дороги работали

³³¹Чуев Н.Я. Указ. раб. Губкин, 2002. С. 21.

военные³³²» (здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохранены), «Вместе с местным население на строительстве дороги работали и военные³³³», «Военные, какие руководили стройкой...³³⁴», «Военное командование вывело на строительство две железнодорожные бригады, направило специалистов из числа офицеров и опытных сержантов для руководства мобилизованных³³⁵». Ни в одной рукописи сколько-нибудь подробно не описывается работа железнодорожных войск, а описанию работы женщин уделено наибольшее внимание. После прочтения воспоминаний возникает стойкое впечатление о том, что строительство дороги – дело рук исключительно женского местного населения. Воспоминания изобилуют гендерно окрашенными определениями и обращениями при описании женщин-строителей: «девочки-оскольчанки», «девчата», «подруги», «нежные девичьи лица»³³⁶, «молодых девушек», «молодые женщины»³³⁷, «такие молоденькие девчушки 14-16 лет»³³⁸, «девочки 15-17-20 лет»³³⁹, «женщины-домохозяйки и девушки», «веселая девушка»³⁴⁰. С одной стороны, делается акцент на молодости, жизнерадостности и женской слабости, а с другой – авторы воспоминаний описывают физическую и эмоциональную стойкость женщин-строителей.

В рукописях большое внимание уделяется описаниям руководителей-женщин. Они – идеал, их моральные качества – образец для подражания для остальных участниц

³³² СОКМ КП 6452.

³³³ СОКМ КП 9024.

³³⁴ СОКМ КП 11526.

³³⁵ СОКМ КП 11525.

³³⁶ СОКМ КП 18263.

³³⁷ СОКМ КП 11526

³³⁸ СОКМ КП 11525.

³³⁹ СОКМ КП 14294.

³⁴⁰ СОКМ КП 9024.

строительства. Руководительницы одновременно веселые, душевные, готовы выслушать, но при этом они смелые, энергичные, волевые, строгие и требовательные, в прямом смысле «самые-самые» во всем, настоящие «комсомольские вожаки»³⁴¹. Создается впечатление, что строители женского пола существовали в некоем «гендерном вакууме» исключительно среди себе подобных (хотя фактически это не верно), а мужские, и женские качества «распределялись» только в женкой среде. Таким образом, женщины в мемуарах описывались часто в очень «мужских» категориях.

Если обратиться к местной периодической печати конца 50-х гг. XXв. – 2000-е гг., то просматривается одна явная тенденция: вначале этого периода история строительства дороги описывается без акцента на гендерное распределение ролей. Из контекста порой трудно уловить, кто вообще был причастен к строительству, это некие обезличенные «трудящиеся», «колхозники», «советские люди»³⁴². Начиная со второй половины 80-х гг. упоминания о военных-мужчинах имеют место, однако они редки, а строителями оказываются практически исключительно женщины. Местная периодическая печать как будто намеренно замалчивает участие в строительстве «неместных» железнодорожных войск.

Перейдем от текстовых свидетельств к культурным объектам: скульптурная композиция «Памятник строителям железной дороги Старый Оскол – Ржава», установленная 9 июля 2008 года, изображает трех женщин, по замыслу автора это «учительница, колхозница и собирательный поэтический образ русской женщины»³⁴³. Здесь прослеживается явное

³⁴¹ СОКМ КП 11527, СОКМ КП 9024.

³⁴² *Плотников В.* Это было на Белгородской земле // Белгородская правда. 1958. 31 июля.

³⁴³ *Бабич В., Чернова Н.* ...И железную жорогу в рекордные сроки построят! // Оскольский край 2008. № 94-96 (235-237).

смещение внимания на трудовой вклад представительниц женского пола и нивелирование мужского участия в строительстве. Возможно, объяснение этому следует искать в краеведческой специфике, поскольку есть соблазн приписать все лавры местным жителям (в данном случае в лице женского населения) и отобрать их у тех, кто местным населением не является, а представляет собой конгломерат выходцев из разных уголков СССР – железнодорожных войск.

Однако мы намерены предложить еще одно возможное объяснение. Само понимание женских и мужских социальных ролей предполагает фактическое разделение обязанностей: для одних (мужчин) – война, для других (женщин) – созидание. Именно поэтому так легко и логично роль строителей дороги была отдана женщинам. На трудностях и лишениях, которые испытали женщины в ходе строительства, построен весь героический нарратив периодики и ряда других печатных изданий. С одной стороны, женщина выступает как созидающее начало, а с другой – испытывает массу лишений в ходе этого созидания. Именно эта дихотомия легла в основу общегородских мифов, формирующих в сознании местного населения некое представление о прошлом жителей города. Это очень сильный сюжет, он подразумевает героический вклад местных женщин в мирное будущее всей территории.

Посредством этой идеи, имеющей в своей основе дихотомию созидания и разрушения, на женщин переходит часть мужской социальной идентичности, они в прямом смысле «омужествляются», то есть демонстрируют мужские качества: силу, активность, волю.

В качестве подведения своеобразного итога всему вышесказанному мы хотим снова обратить внимание на главное действующее лицо всей истории – железную дорогу. Кроме своего официального наименования – «Старый Оскол – Ржава» – этот участок железной дороги в печатной литературе и в устном нарративе имеет множество поэтических наименований: «Дорога победы», «Дорога мужества», «Дорога

жизни», «Огненная дорога» и, наконец, самое известное – легендарная, героическая или просто «Осколянка». Не многие, сотворенные руками человека объекты, и особенно такие не слишком определенные в пространстве, как участок железной дороги, имеют имя собственное, и тем более такое звучно-осязаемое. Примечательно, что оно, помимо прочего, женского рода. Идея женственности, женского начала для этой тематики всеобъемлюща. Многие участницы строительства отмечают свою эмоциональную и духовную связь с построенным ими объектом. Таким образом, на наш взгляд, идея женственности переходит на сам объект. А на саму дорогу переносятся качества женщин, ее строивших.

О.А. Симонова

*г. Москва, Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН*

Женщина в Гражданской войне: трактовка образа в художественной и мемуарной прозе³⁴⁴

В созданной по инициативе М. Горького серии «История Гражданской войны» был том женских воспоминаний³⁴⁵. Написанные участницами Гражданской войны, мемуары подверглись литературной обработке, произошла определенная утрата аутентичности, унификация образов героинь. Пол авторов нивелировался, упоминание о нем снижалось до необходимого в повествовании минимума.

Хотя в воспоминаниях женщины и пишут о беременностях и детях, физические трудности, связанные с репродуктивной функцией, не заостряются. Умение справляться с ними оценивается женщинами как особая ловкость. Ф. Макушенкова

³⁴⁴ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709).

³⁴⁵ Женщина в гражданской войне. Эпизоды борьбы на Северном Кавказе в 1917–1920-х гг. М.: ОГИЗ, 1937.

вспоминала, как ради кормления младенца грудью ей надо было вылезать из укрытия и как в моменты опасности она стремительно скрывалась, оставив ребенка³⁴⁶. Рождение детей в ужасающей обстановке Гражданской войны описывалось лаконично³⁴⁷. Особую сложность представляло расставание с ребенком, зачастую отягощавшееся неуверенностью в возможности повторной встречи, но оправдываемое революционной необходимостью³⁴⁸.

Совершенные над женщинами изнасилования (упоминания о которых часто редуцированы до одного слова: глумились, издевались, надругались) становятся для рассказчиц не предметом личного переживания, а эпизодом, характеризующим зверства врага. Этими актами женщины символически лишались желанного ими статуса бойца.

Женщины не писали о сложности продвижения в комиссары, становления солдатом, то есть не артикулировались проблемы, связанные с преодолением традиционного понимания места женщины в обществе. На первый план в воспоминаниях выходила женская деятельность на пользу армии, борьба с врагом.

Схема воспоминаний следующая: ад дореволюционной жизни в бедности и постоянных трудах, чистилище гражданской войны, наступившее светлое будущее. Победа в борьбе становится главным достоянием выжившей героини («Не удалось белым меня угробить. И по настоящий момент я жива»³⁴⁹).

³⁴⁶ Макушенкова Ф. В камышах // Женщина в гражданской войне... С. 17.

³⁴⁷ Понятовская С. Юность // Там же. С. 29.

³⁴⁸ Черкасова Е. Сестра-кавалерист // Там же. С. 176.

³⁴⁹ Шейко М. В застенке у белых // Женщина в гражданской войне... С. 7.

В более поздних сборниках представление о гражданской войне подвергается корректировке: важно не участие конкретных людей, а роль партии. Сборник воспоминаний «Без них мы не победили бы»³⁵⁰ 1975 года открывается напутственным словом старейшего члена КПСС Ф.Н. Петрова, продолжается статьей Н.К. Крупской «За власть Советов», очерками о вождях революции. Среди воспоминаний участниц предпочтение отдано не тем, кто непосредственно участвовал в боях, а тем, кто был на партийной работе, работал продкомиссарами, в женотделах, участницам социалистического строительства. Происходит совмещение ракурсов: изображение реальной жизни подчиняется теоретическим представлениям. В этом сборнике очевиднее проявилось пропагандистское освещение революции: показано «светлое будущее», ради которого она совершалась.

Сборник «Революционерки России»³⁵¹ 1983 года посвящен 80-летию второго съезда РСДРП, открывается воспоминаниями Крупской о нем. Организационным центром книги становится роль партии в становлении участниц Гражданской войны, в революции. Все личное сглаживается настолько, что превращается в общие слова, фразы, заменяющие факты: «Путь усеян потерями друзей и товарищей, расстрелянных колчаковцами. Но мы мужественно ведем борьбу. Бывали страшные дни, но мы неотступно дрались за восстановление Советской власти в Сибири»³⁵². Мужское поведение на фронте оказывается единственной возможной моделью, женщина оказывается успешной только

³⁵⁰ Без них мы не победили бы. Воспоминания женщин – участниц Октябрьской революции, гражданской войны и социалистического строительства. М.: Политиздат, 1975.

³⁵¹ Революционерки России: Воспоминания и очерки о революционной деятельности российских большевичек. М.: Советская Россия, 1983.

³⁵² Чудинова К.П. Так было // Революционерки России... С. 93.

тогда, когда следует этому образцу: «Евдокия Ильинична служила в армии без всяких скидок на то, что она женщина. Вела себя мужественно, была верным товарищем по солдатскому братству»³⁵³.

Сравнивая женские воспоминания об участии в гражданской войне и художественные произведения, можно отметить ряд противоречий. Если в воспоминаниях упоминаются беременности участниц войны, то в рассказах репродуктивные функции женщин зачастую отвергаются: в рассказе Б.А. Лавренева «Сорок первый» Мариютку «приняли красногвардейкой, на равных с прочими правах, но взяли подписку об отказе от бабьего образа жизни и, между прочим, деторождения до окончательной победы труда над капиталом».

В художественных произведениях возникают мотивы, не имеющие аналогов в воспоминаниях. Заостряется противоречие личного и общественного. Формирование общественной деятельности в женщине связывается с революцией. Героиня начинает жить согласно своим убеждениям без оглядки на мужа (А.С. Неверов «Марья-большевичка»). Муж и жена оказываются классовыми противниками. Этот мотив существовал и ранее: в массовой патриотической литературе Первой мировой войны разобщение мужа и жены происходило по национальному признаку³⁵⁴. Здесь мотив оказывается идеологически наполненным (К.А. Тренев «Любовь Яровая», В.П. Катаев «Уже написан Вертер»). В этом же ряду стоит мотив любви к врагу. Героини преодолевают свои чувства, жертвуют личным

³⁵³ Гольдберг М.М. «Хватит кланяться пулям» (Евдокия Шойхет) // Там же. С. 75.

³⁵⁴ Симонова О.А. Военная проза для женщин (анализ беллетристики массовых журналов 1914–1916 годов) // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 760.

во имя революции («Любовь Яровая», «Сорок первый»). Так же восходят к массовой литературе Первой мировой войны мотивы принятия решения пойти в армию³⁵⁵. Одним из факторов является следование за любимым, который становится наставником в идеологических вопросах. Участие в войне наполняет смыслом бесполезную жизнь («Виринея» Л.Н. Сейфуллиной).

В воспоминаниях происходит последовательное нанизывание событий. В художественном произведении основой сюжета становится любовный конфликт, столкновение старого и нового, общественного и личного. Но в обоих случаях женщиной-революционеркой преодолеваются ограничения, заданные ее полом, происходит разрушение гендерных предначертаний.

М.А. Текуева, Т.В. Битокова
г. Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный
университет

**«Женская история» Кавказской войны:
песни о чести и скорби**

Кавказская война известна нам только по тому, как в ней проявили себя в ней мужчины и как потом мужчины же написали ее историю. Женщины в этой исторической драме представляли некую молчаливую массу, и можно только догадываться, сколько в стенах домашнего женского пространства пережито чувств: ожидания, терпения, страха, гордости, боли, потерь. Эти нематериальные и незадокументированные аспекты истории являются

³⁵⁵ *Симонова О.А.* Образ сестры милосердия в русской литературе конца XIX – начала XX века: диалог с традицией // Культурологический журнал. 2015, № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/312.html&j_id=22 (дата обращения: 20.04.2015).

несчитываемой эмоциональной составляющей частной женской истории. Женский голос практически не слышен в исторических документах, женские имена затерялись в трагедии Кавказской войны.

Тем дороже нам те редкие свидетельства женского участия в событиях военных лет, которые можно найти в фольклорных источниках. И тут оказывается, что почти в каждой песне содержатся сведения о реальных женщинах. Почти всегда это *гъыбзэ* – песни-плачи по погибшим мужьям, братьям, сыновьям. Эти народные поэтические сочинения имеют самостоятельную ценность для написания «женской истории», так как содержат бесценную информацию о системе ценностей женской культуры адыгов: нравственные основы жизни, нюансы семейных взаимоотношений, интимные подробности любовных переживаний, комплекс качеств достойного мужчины, представления о счастье и т.д. При этом женщины, не являясь главными героями *гъыбзэ*, занимают скромное место «за кадром», вне хроники событий.

Однако в ряде песен упоминаются реальные женские имена для усиления эффекта от описываемых событий: «мертвой среди трупов красуется дочь Бабуковых»³⁵⁶; в завязке сюжета, для обозначения повода для сражения: «Ажагоевых Фардаус-красавицу донские казаки увозили»³⁵⁷; для иллюстрации трагического финала: «Кому мир этот тесен из-за горя, – это Кумпылхан-красавице»³⁵⁸.

В поиске информации об участии женщин в событиях Кавказской войны обращаемся к сборнику устного народного творчества «Кабардинский фольклор», изданному в 1936 г., и находим потрясающее по драматическому накалу

³⁵⁶ Песня о реке Ходзь /Адыгские песни времен Кавказской войны. Изд. 2-е. Нальчик, 2014. С. 590

³⁵⁷ Гибель Асламбеча Ажагоева, его песня. Там же. С. 519.

³⁵⁸ Песня князя Кушука, Ажджериева сына. Там же. С. 529

произведение «Разорение селения»³⁵⁹. Речь в песне идет о русском нападении на аул князя Али Карамурзина предположительно в 1765 г. Она исполняется от имени женщин, многолюдна по количеству действующих лиц, и практически все они – женщины. Цель написания статьи состоит в оживлении их имен, поэтому будем конкретны: это княгини Эльмесхан и Ханы Карамурзины, униженные пленением; это Гошехурей Шогенова, бросившаяся на русские штыки в отчаянном порыве сохранить девственность засватанной невесты; это русоволосая худенькая Ханио, «шелковые косы которой – поводья для проклятых гяуров»; это мать двух маленьких девочек красавица Гура, потерявшая сознание в борьбе за свою честь и проклиная бежавшего в горы мужа; это пожилая княгиня Шырыхона, бесстрашно вступившая в бой с врагами.

Текст одиннадцати куплетов дает представление об особенностях «женского письма» – расстановке акцентов в значимости событий, их последовательности, достоверности в деталях (в противовес абстрактности «мужских» текстов, затрудняющей реконструкцию реального сюжета). Так, изначально очевиден исход нападения – захват неприятелем женщин, и именно это – главная беда войны, семантически объединяющая такие понятия, как потеря независимости, оскорбление чести, народное несчастье.

Женские голоса отчетливо повествуют о героизме мужчин, вставших на их защиту («храбрый Жабаци Таов», «золотой наш Хаджи Нартыжев», «старший Шумахо Шогенов», «меньшой Тутука Барак»). Особо отмечается доблесть Исмаила Атлескирова, который «не опуская простреленных рук, крутясь со своей острой саблей, отбил свою жену из плена». В отличие от «мужских» песен здесь на фоне масштабной трагедии просматриваются частные

³⁵⁹ Разорение селения // Кабардинский фольклор. М.-Л.: Academia, 1936. С. 364–368.

элементы женских переживаний. Антропологические детали дополняют объективное представление о периоде войны, ярко высвечивая реальные предметы, ситуации, чувства, давая полное представление о самом событии и о предыстории «мирного счастья». Женские голоса свидетельствуют о жестоком характере нападения на мирное селение, сопровождавшееся насилием над женщинами: «Сафьяновые коншибы на груди у нас рвут штыками. Снимать бы их юным уоркам урочной ночью брачной»; «Шелк моего бешмета в ошметки порвали штыками»; «Наши шапочки златотканые на глаза нам сзади надвигают, а шелковые шаровары разрывают носком сапога». Поэтические приемы не умаляют жесткого документализма несчастья: «Глянешь на один конец селения – светит яркое солнце. Взглянешь на другой конец селения – трупы детей лежат как коряги». Бесчинство и жестокость, дозволенные армии на самом начальном этапе колониальной политики России в Кабарде, не позволяют усомниться в перспективных планах военного завоевания.

Ценный этнографический материал содержится в каждой фразе этой песни: в описании деталей одежды и внешности, в кратких оговорках о семейных связях и бытовых обычаях. Особое место занимают любовные откровения: «Как взгляну в стеклянные окна, все чудится мне пши молодой, а подойду к белой постели, вижу лохматого зверя»; «С красавцами золотоусыми тешились мы на постелях. А теперь солдатский начальник у печки тешится с нами». Занимающая женщин любовь к мужьям, к детям, к жизни и есть то, во имя чего стоит воевать. Но лишь в женских фольклорных текстах это очевидно, мужские – традиционно сдержаны, а потому и менее информативны.

Предельно правдиво содержание песни в историческом плане. Определяя главного врага – русских солдат, женщины указывают на предателей, своих соплеменников, записывая их имена в историю. И не только их. Страшна месть женщины трусливому мужу: называя его полные имя и фамилию – Али

Коншаов, она и через 250 лет презирает его за предательство:

...кто был мне как крепость,
Укрылся в горах Андруга:
Это младший Али Коншаов.
Двух девочек-малолеток
От груди моей оторвали.
Лучше б мужу моему сгинуть
В тот день, как меня раздели!
Когда жили мы еще вместе,
Щеголял он тесьмой серебряной,
А когда нас брали гяуры,
В бою его не было видно.
Вернешься, трус рыжеусый,
Не вернешь ты красавицу Гуру!
Шелк моего бешмета
В ошметки порвали штыками.
Если б я не упала без памяти,
Живой бы меня ты не видел³⁶⁰.

На анализе фольклорных источников конца XVIII – начала XIX вв. можно сделать выводы о месте адыгских женщин в истории Кавказской войны, в пространстве военной повседневности. Следует еще раз подчеркнуть, что песни, сочиненные женщинами, носят более достоверный характер: подробности описываемых событий – мелкие и интимные, позволяют ощутить чувство сопричастности. Называние реальных женских имен, реальных мужских поступков конкретизируют абстрактные исторические факты. Женские тексты передают объективные сюжеты через свое субъективное восприятие, что делает их понятнее и приближеннее.

³⁶⁰ Там же С. 367.

Т.В. Тернопол

*г. Ярославль, ФГБОУ ВПО "Ярославский государственный
государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского"*

**Образ Кэтрин Баркли в романе Э. Хемингуэя
"Прощай, оружие"**

Война является одной из основных тем в творчестве Э. Хемингуэя. Естественно, что героями военных произведений писателя являются мужчины, но особенностью творчества Э. Хемингуэя как писателя "потерянного поколения" является постоянное обращение к теме "любви на войне", что делает его создателем весьма оригинальных женских персонажей.

Э. Хемингуэй был не просто писателем, он всю жизнь занимался гендерным житнетворчеством, создавая в книгах образы настоящих мужчин и подражая своим героям в жизни. Таким образом жизнь и творчество писателя постоянно взаимообогащались. Роман "Прощай, оружие" автобиографичен, особенно в том, что касается любовной линии.

Прототипом главной героини стала медсестра Агнес фон Куровски. Она ухаживала за раненым Хемингуэем в госпитале и обещала стать его женой, несмотря на разницу в возрасте (Агнес была на семь лет старше), но затем отказалась последовать за ним в США и вышла замуж за другого. Смерть Кэтрин после кесарева сечения (во время работы над романом эта операция была сделана второй жене Э. Хемингуэя, Полин Пфайфер, но и она, и ребенок выжили) была, вероятно, своеобразной мстью писателя своей первой любви.

Рассмотрим теперь, как Э. Хемингуэй создает образ своей героини. Отметим, что в первой половине XX века написано много произведений, в которых поднимается тема любви и добрых сексуальных отношений. Романы современников и соотечественников Э. Хемингуэя ("Дженни Герхардт" и "Американская трагедия" Т. Драйзера, "Великий Гэтсби" Ф.С.

Фицджеральда, "Шум и ярость" У. Фолкнера"), в которых рисуются нравы довоенного американского общества, демонстрируют, что добрачный секс был абсолютным табу для представителей всех классов общества, а рождение незаконнорожденного ребенка автоматически делало женщину изгоем. На фоне единодушного литературного осуждения добрачных связей героиня Э. Хемингуэя кажется персонажем почти революционным.

Поведение Кэтрин Э. Хемингуэй как истинный писатель-реалист старается мотивировать ее трагическим прошлым: гибель на войне жениха, которого она знала и любила с детства и за которым последовала на войну. Автор, видимо, хочет убедить читателя, что этот печальный опыт заставляет девушку нарушать правила поведения женщин первой половины XX века. В первый же день знакомства Кэтрин показывает Фредерику Генри трость своего погибшего жениха и говорит: *"Мне хотелось что-нибудь для него сделать. Я не придавала значения таким вещам; если б он хотел, он мог бы получить все. Он мог бы получить все, что хотел, если б я только понимала. Я бы вышла за него замуж или просто так. Теперь я все это понимаю. Но тогда он собирался на войну, а я ничего не понимала"*³⁶¹. Девушка вполне прозрачно намекает молодому человеку, что на войне нет смысла растягивать время ухаживания, более того, она недвусмысленно дает понять, что готова вступить в сексуальные отношения до брака. На следующий день она целует его, а еще через два дня признается ему в любви, чем окончательно шокирует Фредерика Генри: *"Я решил, что она, должно быть, слегка помешанная"*³⁶². Действительно, такое поведение нетипично

³⁶¹ Хемингуэй Э. Прощай, оружие. [Текст] пер. Е. Калашниковой / Э. Хемингуэй // Военная литература [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/prose/foreign/hemingway1/index.html>, свободный.

³⁶² Там же.

для женщины, традиционно она занимает выжидательную позицию, а инициатива в развитии отношений принадлежит мужчине. Но, с другой стороны, какой мужчина откажется от таких очевидных знаков внимания со стороны женщины?

Встреча в госпитале, где лежит раненый Фредерик и куда приезжает работать Кэтрин, заканчивается тем, что они становятся любовниками. Эта сцена важна не только с точки зрения развития их отношений, она интересна тем, что герои ведут себя согласно традиционным моделям: инициатива исходит от мужчины, при этом девушка опасается, что он еще нездоров, что им могут помешать, несколько раз спрашивает, любит ли он ее, но Фредерик уходит от ответа.

После сближения героев мы наблюдаем некоторую трансформацию образа Кэтрин, которую Э.Хемингуэй прямо не объясняет, но которая отлично вписывается в его желание изобразить идеальную возлюбленную с точки зрения мужчины.

Прежде всего, Кэтрин постоянно декларирует отказ от собственной личности и растворение в любимом мужчине: *"Никакой "меня" нет. Я — это ты. Пожалуйста, не выдумывай отдельной "меня"*³⁶³ или *"Милый, я так тебя люблю, что хочу быть тобой"*³⁶⁴. Желание жить только интересами Фредерика Генри приводит Кэтрин к тому, что она окончательно утрачивает инстинкт самосохранения (дежурит в госпитале все ночи напролет, чуть не падая от усталости, плывет с ними на лодке в Швейцарию, хотя может покинуть Италию официально). Апофеозом альтруизма героини выступает сцена родов, во время которых она думает не о себе

³⁶³ *Хемингуэй* Э. Прощай, оружие. [Текст] пер. Е. Калашниковой / Э. Хемингуэй // Военная литература [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/prose/foreign/hemingway1/index.html>, свободный.

³⁶⁴ Там же.

и даже не о ребенке, а о том, пообедал ли Фредерик, и винит себя за то, что доставляет ему и доктору столько хлопот.

Отношение Кэтрин к будущему ребенку тоже весьма показательно. Первое, что она пытается сделать, узнав о своей беременности, – спровоцировать выкидыш (*"Я все делала. Я все пробовала, но ничего не помогает"*³⁶⁵). Она не хочет говорить об этом Фредерику, боясь, что это его *"огорчит или встревожит"*³⁶⁶. Никакой радости от беременности она не испытывает, о своем здоровье не заботится, не интересуется покупкой вещей для ребенка. Перед смертью (она понимает, что умирает, но автор не сообщает нам, знает ли она, что ребенок родился мертвым) Кэтрин переживает только о Фредерике, о ребенке она не говорит ни слова. Она совершенно не осознает себя матерью, сосредотачиваясь на самореализации в роли возлюбленной.

Так же мало, как своим ребенком, героиня интересуется такими формальностями, как брак: *"Для чего нам жениться сейчас? Мы и так женаты. Уж больше женатыми и быть нельзя"*³⁶⁷. Кэтрин совершенно не переживает, что Фредерик может погибнуть в любой момент и что ее ребенок будет незаконнорожденным, хотя общественное мнение (в лице, например, ее коллеги Эллен Фергюссон) ясно дает понять, что рождение ребенка вне брака – позор для девушки.

Образ Кэтрин, созданный Хемингуэем, нарушает все каноны изображения женщины в литературе того времени: она проявляет инициативу в отношениях, легко соглашается на интимную близость, испытывая от нее явное удовольствие, не требует официального брака, не хочет становится матерью и не проявляет интереса к собственному ребенку, полностью сосредотачиваясь на любви к мужчине. До Э. Хемингуэя такая характеристика была бы скорее отрицательной, но, с точки

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ Там же.

зрения самого писателя, Кэтрин – идеальная возлюбленная, и именно такой и должна быть женщина. Образ Кэтрин не отвечает канонам реализма, но зато дает недвусмысленный ответ на вопрос, чего хотят мужчины. Роман Э. Хемингуэя "Прощай, оружие" представляет собой ярко выраженный маскулинный взгляд на женщину.

Е.И. Трофимова

*г. Москва, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

Возвращение с войны (об одном рассказе Федора Кнорре)

Война как сильнейшее физическое и духовное потрясение человечества с неизбежностью порождает свое отражение и интерпретацию в культуре. Иногда она становится главной тематической линией произведения, иногда используется в качестве предлога для сюжетной провокации, которая обращена к «побочным» сторонам человеческого бытия. Напряженность военной обстановки позволяет более рельефно выявлять драматургию любви и смерти, дружбы и отчуждения, верности и измены. Тема войны, обретшая литературную форму в произведениях Л. Толстого, А.Н. Толстого, А. Фадеева, Ю. Бондарева, В. Кондратьева, А. Чаковского обогатила русскую культуру не только классическими образами героев и героинь, но и затронула многие глубинные нравственные проблемы самого широкого свойства.

В докладе речь пойдет о рассказе Ф.Ф.Кнорре (1903-1987) «Шесть процентов», в котором писатель обращается к теме возвращения солдата с войны, теме внешне не самой эффектной и яркой, но психологически очень тонкой и глубокой. Мотив возвращения всегда связан с мотивом свидания с прошлым, с оставленной когда-то жизнью, со всеми ее физическими и духовными измерениями. Знакомое, привычное частично или полностью утрачено, пришедшее на смену незнакомо, а может быть, и враждебно. Гендерный

аспект рассмотрения темы возвращения – важный ключ к пониманию женского и мужского переживания войны и ее последствий. Этим историко-психологическим аспектам изучения человеческой судьбы в ее гендерном измерении стоит уделить особое внимание.

А.А. Хисамутдинов

г. Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

Русские женские издания в Китае

Окончание Гражданской войны в октябре 1922 г. привело к тому, что только с российского Дальнего Востока в Китай и другие страны отправились около одного миллиона человек. Женщин среди них было гораздо меньше, чем мужчин-участников боевых действий, меньше было и политического противостояния. Первым пристанищем эмигрантов был Харбин, административный центр Китайско-Восточной железной дороги, где у русских людей имелось немало возможностей устроиться и обеспечить себе существование. Правда, в отличие от России, где женщины, имеющие семью, чаще всего не работали, в Харбине и они вынуждены были подыскать себе заработок. Они устраивались в детские сады, школы, больницы, клубы, библиотеки, предприятия общественного питания, работавшие в городе. Давали они и частные уроки. Платили им немного, но это позволяло сводить концы с концами, тем более что никто не думал задерживаться в Китае надолго: все надеялись, что советская власть вот-вот рухнет, и они вернутся на родину.

Большую роль в эмиграции играла периодическая печать. В апреле 1919 г. в Харбине вышел в свет двухнедельный журнал «Женщина и жизнь» (издатель-редактор Нина Николаевна Суворова). Интересно, что он печатался на русском, английском и китайском языках.

Некоторые женские вопросы поднимал еженедельный литературно-художественный «Брачный журнал» (редактор-

издатель А.С. Цыганов), который печатался в марте – мае 1926 г.

В 1929 г. «Журнал для женщин» стал выпускать бывший летчик Николай Павлович Худяков(1893-1947, Шанхай). Он окончил Иркутскую гимназию и Оренбургское военное училище, участвовал в Первой мировой и Гражданской войне, неоднократно был ранен, награжден орденом Святого Георгия 4-ой степени, золотым оружием³⁶⁸.

К сожалению, подавляющее число периодических изданий выходило недолго. Женские издания не стали исключением.

Женские вопросы частенько освещал самый популярный журнал в Китае «Рубеж». В 1934 г. это издание устроило смотр женских литературных сил дальневосточной эмиграции, предложив всем желающим высказать свое мнение о роли женщины в условиях изгнания. Эти заметки помогают понять, что думали сами женщины о своей судьбе и своем предназначении. Журналистка и поэтесса Л.Ю. Хаиндрова написала: «Современная женщина ничем не напоминает своих предшественниц. Она, прежде всего, деловая женщина. Она подошла вплотную к самым разнообразным профессиям. В борьбе за существование она теперь помогает мужчине. Но новые обязанности наложили на женщину свой отпечаток: так много повсюду усталых женщин! Часто слышны жалобы, что нет времени быть хорошей женой и хозяйкой, нет времени заняться любимой работой. Такие женщины уже не мечтают о подвиге – они устали. А может быть, что они делают и есть подвиг? Незаметный каждодневный подвиг помощи человечеству в трудный период его жизни? Я верю, что усталую женщину нашего времени сменит сильная духом,

³⁶⁸Друг. Памяти друга: (Некролог Н.П.Худякова) // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1958. 19 дек.: портр.

смелая женщина, и эта женщина увидит свою Родину раньше нас»³⁶⁹.

В русском Шанхае издавалось гораздо больше женских журналов. Наиболее известным и популярным являлась «Современная женщина» («The Modernwoman»), первый номер которой вышел в феврале 1937 г. Тираж для эмиграции был значительным – тысяча экземпляров. Владельцем и издателем был Виктор Александрович Васильев (1903–после 1950), а первым редактором стала Татьяна Андреевна Барсукова (1903 – после 1974).

Редакция журнала писала: «Говорят, здесь трудно издавать журнал. Публика им не интересуется, но мы считаем, что существование журнала заключается в его содержании, его интересе, его жизнеспособности. Поэтому мы объединились в одно целое и решили дать для вас, дорогие читательницы, интересный журнал»³⁷⁰. В 1940 г. журнал издал книгу «По земным лугам» Ларисы Николаевны Андерсен, которая публиковала в нем свои стихи.

Популярным в Шанхае был «Журнал для женщин = Women's magazine» (Редактор-издатель М.М. Орлова), издававшиеся с 1932 по 1938 гг.

Ныне забылись трудности, с которыми встретились русские женщины в Китае. Сегодня многое идеализируется в рассказах о жизни женщин в эмиграции³⁷¹. В то же время женщины быстрее приспособились к эмигрантской обстановке, чем мужчины, над которыми довлело поражение в Гражданской войне. К огромному сожалению, в настоящее

³⁶⁹ Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // Рубеж. Харбин, 1934. № 47 (17 нояб.). С. 24–25.

³⁷⁰ От редакции // Современная женщина. Шанхай, 1937. № 1 (февр.). С. 1.

³⁷¹ См. также: *Лазарева С.И., Сергеев О.И., Горковенко Н.Л.* Российские женщины в Маньчжурии: Кр. очерки из истории эмиграции. Владивосток, 1996.

время очень трудно найти женские издания, выходившие в свет в Китае. Наиболее полные собрания имеются в Гавайском университете (Гонолулу, США) и в музее русской культуры в Сан-Франциско.

Р.Р. Хисамутдинова

г. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет

Отражение военной повседневности и женской психологии в фронтовой поэзии Юлии Друниной

У войны не женское лицо, но Великую Отечественную войну невозможно представить без участия в ней совсем юных девушек, уходивших на фронт прямо со школьной скамьи. Когда началась война, большое количество женщин и девушек по всей стране пришли в военкоматы, желая добровольно наравне с мужчинами встать на защиту Родины: «Какие удивительные лица военкоматы видели тогда! Текла красавиц юных череда – казалось, выпал жребий им родиться в пуховиках «дворянского гнезда», – писала позже поэт-фронтовик Юлия Владимировна Друнина³⁷². В войне принимало участие свыше 800 тысяч женщин, которые добровольно или по мобилизации ушли на фронт. К их числу относится Юлия Друнина. Выросшая в городе, в интеллигентной московской семье, она вопреки воле родителей девчонкой в 18-летнем возрасте со школьной скамьи летом 1942 года ушла добровольцем на фронт. «Бросив книги и карандаш, встала девочка с парты этой и шагнула в сырой блиндаж»³⁷³. «Напрасно дочек умоляют дома, уж не властен материнский взгляд – у райвоенкоматов и райкомов тургеневские девушки стоят»³⁷⁴. После тяжелого ранения –

³⁷² Друнина Ю.В. За минуту до боя. М., 2012. С. 190.

³⁷³ Друнина Ю.В. Есть время любить: Стихотворения. М., 2008. С. 18.

³⁷⁴ Друнина Ю.В. За минуту до боя. С. 190.

осколок едва не перерезал сонную артерию, прошел в двух миллиметрах от нее – снова ушла на фронт добровольцем, под обстрелы, в холод, грязь. До конца своих дней старшина медицинской службы, сама не избежавшая двух ранений, Друнина ощущала себя «связной между теми, кто жив и кто отнят войной». Поэтому даже в ее многочисленных стихах о любви так часто возникает тема войны...

Военную повседневность и психологию женщины невозможно представить без фронтовой поэзии Юлии Друниной. Ее первая военная дорога пролегла в Подмосковье, когда 17-летняя Юля, окончившая курсы медсестер, но отправленная из столицы на рытье окопов во время вражеского авианалета потерялась, отстала от своего отряда, оказалась в окружении, откуда выходила почти месяц с остатками одного из изрядно потрепанных пехотных полков. Через два года на госпитальной койке она напишет стихотворение о том, что она испытала в те дни. Признается, что сначала оно получилось необычайно длинным, но в окончательном варианте осталось всего четыре строчки, ставшие классикой: «Я только раз видала рукопашный, раз – наяву и сотни раз во сне. Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне»³⁷⁵.

И вот на фронт прибывают девушки, робкие, невинные, только что от мамы «Я ушла из детства в грязную теплушку», «Я пришла из школы в блиндажи сырые», «Худенькой нескладной недотрогой я пришла в окопные края, и была застенчивой и строгой полковая молодость моя», «В семнадцать лет, кочуя по окопам, я увидела Родину свою», – напишет Юлия Друнина³⁷⁶. Свое участие в войне она считала не заслугой, а удачей: «Нет, это не заслуга, а удача – стать девушке солдатом на войне, когда б сложилась моя жизнь

³⁷⁵ Друнина Ю.В. Есть время любить: Стихотворения. С. 294.

³⁷⁶ Друнина Ю.В. Есть время любить. С. 295, 273; Она же. За минуту до боя. С. 10, 36.

иначе, как в День Победы стыдно было б мне»³⁷⁷. «Стыдно было бы мне» – эта фраза красной нитью проходит в воспоминаниях многих фронтовиков.

Она описывает какое напряжение испытывали молодые девчонки, влюбленные в книги, звезды, тишину, когда им приходилось «побледнев, стиснув зубы до хруста от родного окопа» оторваться и «бруствер проскочить под обстрелом...»³⁷⁸, чтобы оказать помощь раненым. «И за то, что снова до утра смерть ползти со мною будет рядом, мимоходом: – Молодец, сестра! – крикнут мне товарищи в награду. Да еще сияющий комбат руки мне протянет после боя: Старшина, родная, как я рад, что опять осталась ты живою!»³⁷⁹.

Для женщин на фронте, как правило, существовали отдельные женские землянки, жили в них по 4-5 человек. Спали в землянках на деревянных нарах, на которые был накидан лапник, сено. Плащ-палатка служила простыней, а накрывались шинелью. А чаще «сырой окоп – солдатская постель, а одеяло – волглая шинель. Укрылся как положено солдат: пола шинели – под, пола шинели над»³⁸⁰.

В фронтовых условиях невозможно было так обустроить свой быт, чтобы было тепло, уютно. «Только что пришла с передовой, мокрая, замерзшая и злая, а в землянке нету никого, и дымится печка, затухая»³⁸¹. Разбитые фронтовые дороги остались в памяти у фронтовиков, когда даже буксовали тракторы и тягачи. «Сквозь туман, сквозь дождей пелену батальоны идут на войну. Грозен топот тяжелых сапог по грязище разбитых дорог»³⁸².

³⁷⁷ Друнина Ю.В. Есть время любить. С. 273, 278, 293; Она же. За минуту до боя. С. 36.

³⁷⁸ Друнина Ю.В. За минуту до боя. С. 25.

³⁷⁹ Там же. С. 27.

³⁸⁰ Там же. С. 124.

³⁸¹ Там же. С. 27.

³⁸² Там же. С. 26.

И молодые ребята, и молодые девчата, мобилизованные сразу после окончания школы, были очень похожи друг на друга. «Идут по войне девчата, похожие на парней», «Подстриженная под мальчишку, была я похожа на всех», «Шинель до пят, обрита голова, до красоты ли тут, до щегольства»³⁸³.

Девчонки молодые, которые вынесли все тяготы солдатской жизни, после войны не понимали, как они это смогли выдержать. «До сих пор не совсем понимаю, как же я, и худа, и мала, сквозь пожары к победному Маю, в кирзачах стопудовых дошла»³⁸⁴. «Я не привыкла, чтоб меня жалели, я тем гордилась, что среди огня мужчины в окровавленных шинелях на помощь звали девушку – меня»³⁸⁵.

Женщинам в силу их эмоциональности пережить смерть любимого человека, близких друзей, подруг было намного сложнее, чем мужчинам: «Машенька, связистка, умирала на руках беспомощных моих», «Девочка в шинели уходила от войны, от жизни, от меня. Снова рыть в безмолвии могилу, комьями замерзшими звеня», «А вечером над братскою могилой с опущенной стояла головой... Не знаю, где я нежности училась, – быть может, на дороге фронтовой...», «В пухлой белой перине лежат батальоны убитых солдат. Если даже вернется весна, что для них может сделать она»³⁸⁶.

Как поэт Юлия Друнина была любима в самых разнообразных читательских аудиториях.

Эти совсем юные девушки сумели сохранить любовь и доброту к ближнему, к окружающей среде. «Я мальчиков этих жалела, как могут лишь сестры жалеть» (Есть время любить. С. 290), «Раз пробираясь партизанской тропкой, я поняла навек,

³⁸³ Друнина Ю.В. За минуту до боя. С. 9; Она же. Есть время любить. С. 290.

³⁸⁴ Друнина Ю.В. Есть время любить. С. 279.

³⁸⁵ Друнина Ю.В. За минуту до боя. С. 90.

³⁸⁶ Там же. С. 148, 41, 26.

что мы должны быть добрыми к любой травинке робкой» (Есть время любить. С. 276). Многие фронтовики в своих воспоминаниях и в интервью говорили о том, что перед боем наступала такая тишина, что слышно было абсолютно все. Об этом очень емко сказала в своих стихах Юлия Друнина: «За минуту до боя очень тихо в траншее, за секунду до боя очень жизнь хорошеет. Как прекрасна травинка, что на бруствере, рядом! Как прекрасна!...»³⁸⁷.

Т.Ю. Шестова

г. Пермь, Пермский филиал РАНХиГС

Женские образы военного периода в сатирической периодике (по материалам журнала «Крокодил»)

Журнал «Крокодил» был одним из наиболее читаемых в СССР изданий. Как и вся советская пресса, он исполнял идеологический заказ, но сатирическая направленность, характерная для журнала, весьма искаженно давала представление о роли женщины. Это подразумевала и внутренняя логика изложения материала. Первые страницы были посвящены внешнеполитической обстановке и боевым действиям, середина отводилась сатире внутри страны, последняя страница уделялась культуре. Поэтому среди материала видны три типа женщин: женщина стран – противниц СССР, женщина – помощница фронта и работница тыла, женщина – член семьи.

Как ни странно, но большинство материала относится к иностранным женщинам. Они, в свою очередь, делились на две группы: немки, недовольные жизнью в Германии, и жены и дочери политиков. Упоминаются жены Геббельса, Муссолини, Маннергейма, причем ни одна из них не носит имени, главной позицией становится принадлежность к семье.

³⁸⁷ Друнина Ю.В. За минуту до боя. С. 88.

Второй тип женщин – это советская женщина на фронте. Как ни странно, но этот типаж, в отличие от женщины-партизанки, представлен очень мало. Рисунок 1945 г. показывал почтальоншу, подающую письмо двум детям, в то время как муж моет посуду: «От мамы, с фронта»³⁸⁸. Большая юмореска «Я и мотоцикл» описывал размолвку молодого инженера с девушкой Тamarой из-за порванного платья в мирное время. В военное время он перевернулся на мотоцикле, когда вез на передовую переводчицу. Повторное действие привело к свадьбе пары³⁸⁹.

Непосредственное участие женщины в военных действиях описывалось только в одной статье рубрики «Вести с фронта» – "Зоя любит тишину". Девушка печатает на машинке, стоящей на ящике, присвоение бойцов к награде. Между палатками в яме горит костер. Она протягивает к нему не просто промокшие, но абсолютно мокрые ноги, от сапог идет пар. Бьет артиллерия. В этой обстановке Зоя обрушается с обвинениями в шуме на офицеров связи, ржание их лошади оторвало ее от дела³⁹⁰.

События 1944 г. приблизили границу. Летчик назначает девушке свидание: «Никуда не уходите Шурочка, я слетаю в Германию и через четверть часа в кино пойдем». Или пара определяется с местом нового свидания – «Как всегда у Никитских ворот? Нет, Зина! У Бранденбургских!»³⁹¹ Рассматривается и будущее таких пар. Пожилая пара колхозников мечтает – «Закончится война, и наши сержант и лейтенант поженятся»³⁹².

Хрестоматийный образ девушки с флажками показывал девичье счастье от самой работы. На вопрос офицеров, как

³⁸⁸ Крокодил. 1945. № 7.

³⁸⁹ Крокодил. 1945. № 14.

³⁹⁰ Крокодил. 1945. № 8.

³⁹¹ Крокодил. 1944. № 11, № 33.

³⁹² Крокодил. 1945. № 15.

проехать до определенной улицы, девушка отвечает, что не знает. «Я пока знаю только одно, мы – в Берлине»³⁹³.

В 1945 г. затрагивалась и тема женщин, угнанных в Германию. Рассказ Л. Ленча «Тихая девушка» – в разговоре боец описывает сестру Дуняшу, угнанную из Калининской области. Он переживал, что сестра погибла, т.к. всегда была тихой девушкой. В ответ собеседник рассказывает, как при приходе Красной армии две русские женщины на ферме забили вилами приказчика, собиравшегося их расстрелять, взяли в плен хозяина, а фрау заперли в свиной хлев. На фото первый боец опознал пропавшую сестру Дуняшу и был обескуражен изменением в сестре. «Она почти три года у них на каторге провела. А за три немецких года голубь, и тот во льва превратится», – комментирует собеседник³⁹⁴.

Конкретика по советским женщинам касалась только двух фамилий – К. Шульженко и О. Ромашко. По отношению к К. Шульженко осуждалась сборная структура концерта, не позволившая прослушать соло певицы. Вторая фамилия практически не известна. Колхозница Ольга Ромашко из Ворошиловской области вручила бойцам офицера Шibaева оружие, приобретенные на личные средства. Рисунок изображал стреляющих солдат: «Пламенный привет от Ольги Ромашко!»³⁹⁵

Отдельно прописывалась роль женщины-партизанки. В 1941 г. рисунок сравнивал европейских и советских девушек. В Берлине фашистскому обер-лейтенанту не давали проходу девушки, в Белоруссии тоже (нападение девушек с вилами). Иногда женщина просто молча сопровождает партизан³⁹⁶. В 1944 г. колхозница сравнивала врагов с саранчой «Мы на своем

³⁹³ Крокодил. 1945. № 19.

³⁹⁴ Крокодил. 1945. № 17.

³⁹⁵ Крокодил. 1944. № 17-18.

³⁹⁶ Крокодил. 1941. № 18, 1944. № 17.

участке снимаем с га по два парашютиста»³⁹⁷. Иногда используется сельхозтермин для войны: «Продолжайте хлопцы жать и молотить, а мы тут будем сеять»³⁹⁸.

В полной мере женские образы были определены как ни странно не к 8 марта, а к 1 мая 1944 г. Парикмахерша Ирина не получила письмо с фронта и отрицательно относится к своим клиенткам, думающим о красоте. После прически каждая рассказывает свою необходимость. Медсестра выступает в концерте перед ранеными, молодая жена прихорашивается для фото мужу, которому сообщили, что она опустилась, третья девушка готовится получить орден. В конце письмо и счастье приходят и к Ирине³⁹⁹.

Главная роль по-прежнему отводилась семье. В статьях постоянные обращения к жене как источнику альтернативных реплик. В 1944 на смену реально существующему с 1927 г. пришел официальный брак. Фельетон «Красная гвоздика» описывал, как женщина инициирует выход в ЗАГС после 12 лет сожительства. Мужу она объясняет, что все знакомые переписались, даже старушка, чтобы внуки не считали ее незаконной бабушкой⁴⁰⁰.

Женщина также участвует в такой важной акции, как закупка оружия для армии, поддерживая мужа или сына. «Когда пришло время Васе пойти в армию, родители справили ему танк». Рисунок селян, выбирающих танк: «Танк хорош? Сами покупаем его для армии»⁴⁰¹. В 1945 подарки уже меньше – в прошлом году мы купили тебе тяжелый танк, сейчас что-нибудь полегче, например галстук⁴⁰². Иногда женщина

³⁹⁷ Крокодил. 1944. № 14.

³⁹⁸ Крокодил. 1944. № 15-16.

³⁹⁹ Крокодил. 1944. № 11.

⁴⁰⁰ Крокодил. 1944. № 28

⁴⁰¹ Крокодил. 1943. № 1, 3.

⁴⁰² Крокодил. 1945. № 19.

принимает участие при передаче накоплений в Фонд обороны («Крупный выигрыш, или Роман без развязки»)⁴⁰³.

Но «Крокодил» выбивается из общего признания роли советской женщины из-за общей сатирической направленности. На страницах очень много негатива. Вместо бюрократа-начальника появился тип злой начальницы. Причем, что характерно, женщине бюрократизм никогда не приписывался. Появляется тип женщины-приспособленки. "Как по вашему, она очень привязана к Николаю Семеновичу? Нет, она прикреплена к его распределителю"⁴⁰⁴.

Водитель возит в кабине женщину в качестве махинаций сдачи хлеба как брутто и нетто. Женщины в торговле обвиняются в махинациях – «рекордсменка одним пальцем выжимает до 20 кг хлеба в день. Женщина-надомница шьет игрушечных зайцев, развозит их в магазин, снова скупает, при этом имеет доступ к сырью и рабочей продуктовой карточке»⁴⁰⁵.

Таким образом, множество типажей женщин было отражено на страницах журнала. Отличительной чертой можно считать большое количество материалов о женщинах-противницах. Специфика журнала показывала и резко отрицательные образы русских женщин, чего не предполагалось в других периодических изданиях.

⁴⁰³ Крокодил.1945. № 18.

⁴⁰⁴ Крокодил.1945. № 8.

⁴⁰⁵ Крокодил.1944. № 12; 1945. № 8, 20.

Научное издание

Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): Материалы Восьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 8 – 11 октября 2015 г., Старый Оскол.

Том 2

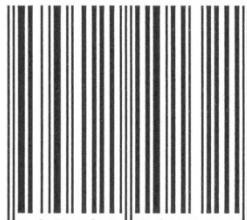
*Утверждено к печати
Ученым Советом
Института этнологии и антропологии РАН
им. Н.Н. Миклухо-Маклая*

Компьютерная верстка Т.Д. Шевченко
Редактор О.Л. Милова
Художник О.Ф. Орлова

Подписано к печати
Формат
Усл. печ. л.
Тираж 300 экз.
Заказ

Отпечатано в отделе
оперативной печати СТИ НИТУ "МИСиС"
Старый Оскол, мкр. Макаренко, д. 40

ISBN 978-5-4211-0132-1

9 785421 101321